

И. Г. ШВАРЦ

ЛЕКЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕБЕР»
ДОНЕЦКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Донецк 2008

УДК 101.9
ББК 60.561.9
ШЗЗ

Составитель А. Д. Тюриков

Шварц И.Г.

ШЗЗ Лекции / [Сост. А. Д. Тюриков] Донецк: «Вебер»
(Донецкое отделение), 2008. 172 с., илл.

ISBN 978-966-335-193-3

Внимание читателя предлагаются впервые издаваемые философские лекции Ивана Григорьевича Шварца (1751–1784) – русского просветителя, философа, педагога, общественного деятеля, профессора Московского университета. Тексты подготовлены по рукописям из научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

УДК 101.9
ББК 60.561.9

ISBN 978-966-335-193-3

© А. Д. Тюриков, составление, 2008

О трех познаниях: любопытном, приятном и полезном

Лекция 1-я,
1782-го года, сентября 3-го дня.
О трех познаниях: любопытном, приятном
и полезном.

1-е познание – любопытное разумеется здесь не такое, которое было бы бесполезно и удовлетворяло бы только, так называемое в общем смысле любопытство. Нет; здесь любопытным познанием названо такое, которое питает наш разум, но не есть необходимо для пользы вечной будущей жизни или спокойствия духа. Любопытное познание заставляет нас познавать; напр[имер]: от чего гром? что такое воздух? каким образом земля производит растения и пр. сему подобное. Сие познание удовлетворяет наш разум, увеличивает силу духа. Оно приносит пользу в сей жизни, но не есть необходимо для будущего блаженства жизни вечной.

2-е познание – приятное есть: живопись, стихотворство, музыка и т.д. Оно удовлетворяет наш слух, наше зрение и воображением питает разум.

3-е познание – полезное есть необходимое для человека. Оно научает нас истинной любви, молитве и стремлению духа к вышним понятиям.

Чрез сие последнее познание научается человек постигать: что он есть? из чего? и к чему стремиться должен? Чтобы достигнуть до сего полезного познания, надлежит человеку обратиться на самого себя и приметить, что есть у него орудия для действия и какая то внутренняя сила, которая сими орудиями действует. Но чтоб лучше сие уразуметь, надлежит приметить свойство языков человеческих, в которых сокрыты великие познания, пропускаемые

Текст печатается по рукописи «Лекции профессора И.Г.Шварца о трех познаниях: любопытном, приятном и полезном» (НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 141).

нами без замечания, как-то напр[имер] мы говорим: «Я люблю, я ненавижу, я живу»; напротив того, когда у нас что болит, то мы говорим: «У меня болит рука, у меня болит нога», а не говорим: «Я болю». Сие самое различие уже в словах наших заставляет нас заключать, что есть в нас нечто называемое нами Я, которое есть правитель или хозяин дома, или которому тело наше служит токмо орудием к действиям его. Посему, а наипаче по самому чувству человеческого, ежели мы захотим с примечанием себя рассматривать, то с достоверностию можем заключить, что человек имеет в себе два существа: одно действующее, другое страдательное; одно духовное, другое материальное (телесное). Действующее, или внутреннее, называем мы Я, или душа; материальное именуем телом, домом или орудием души.

Вся натура показывает нам цепь существ, одно другого чище, и одно другого грубее. Человек же в сей цепи есть звено, соединяющее духовное с материальным. Он есть последний из духов и первый из существ материальных. Почему и состоит в воле его возвыситься до познаний духовных, кои составлять будут его блаженство в будущей жизни, или погрузиться в материальные познания, кои к будущему его блаженству служить не будут.

Некоторые философы утверждают, что духи человеческие посланы в сию жизнь для испытания добра и зла, и произведения в нас на опытах основанного стремления к добру и отвращения от зла; что, как отец воспитывает сына или натуру младенца, и ведет его через опыты к остережению себя от всякого вреда, могущего приключиться ему в продолжение жизни его, подобно сему Бог воспитывает дух человеческий и ведет его чрез опыты к ощущению добра и зла и к произведению в нем на опытах основанного стремления к добру и отвращения от зла. Так как выше сказано, что натура составляет цепь существ, превышающих одно другого в чистоте и достоинстве, то чтобы познать цепь сию, надлежит нам начать изыскания наши от видимых и известных нам вещей, и дошед до познания пункта, где кончится видимость или материя, стремиться к познанию невидимого или духовного.

Человек есть совершеннейшее из видимых существ. Под ним идут: животные, которые также, как и он рождаются, питаются, движутся, живут, плодятся и умирают.

Потом идут растения, которые также питаются воздухом, живут и умирают.

За ними металлы и камни, которые растут и питаются внутри земли.

Потом элементы, как-то: огонь, вода, воздух, земля и, наконец, хаос или царство Люцифера.

Из всего того, материального, сотворен человек материальный и все сие имеет в себе.

Что ж касается до существ духовных, то сказывают, что последнее из них есть человек внутренний или тот Я, о коем мы говорили.

Потом ангелы, архангелы, херувимы, силы и пр. А выше всех оных есть Дух духов, Существо существ, источник всяческих, сила всепроницающая, которого называем мы Бог.

К сим-то последним познаниям человек стремиться должен для вечного своего блага; ибо он в сей жизни только путешественник, а в будущей – гражданин.

Лекция 2-я, сентября 10-го дня.

Первый вопрос, который каждый человек себе сделать должен, есть сей: откуда я? из чего я? и что буду я?

Но какими средствами дойти до сего познания? Все, что зрению нашему ни встречается, так обширно и такие тонкости в себе имеет, что, разбирая человеческим разумом, теряемся в понятиях наших и чувствуем, что разумом нашим ничего постигнуть не можем.

О сем есть разные системы философов. Иные говорят, что натура существует вечно сама собою и существовать будет так вечно и что человек произведен ею, яко лучший плод из всех творений, но что и самый человек есть только такая ею устроенная машина, которая, когда органы ее состарятся и не будут более в состоянии действовать, разрушится и возвратится в прежнее бытие. Другие полагают, что сверх природы есть какая-то особенная сила, которая дала натуре первое движение, но делами ее не управляет.

Иные же полагают силу, управляющую натурою и всеми ее действиями. Одним словом, столь много человеческих положений о начале мира и сотворении человека, что разум наш теряется в оных, и мы не знаем куда прибегнуть. Все они писали о мнении своем различные книги, но ни одна удовлетворить разума и внутреннего чувства человека не может; посему остаемся мы в недоумении и не знаем, на что решиться.

Однако сказывают нам, что есть одна книга, писанная более 3000 лет назад, время, которое в рассуждении нас, яко ограниченных существ, кажется весьма велико, но в рассуждении вечности есть одно мгновение. О сей-то книге сказывают нам, что она писана Духом Божиим и писана человеком, который жизнью и делами своими доказал, что он превышал в премудрости всех человеков. Почему и остается нам прибегнуть к сей в рассуждении нас, наидревнейшей книге, и испытать, не найдем ли мы ключа, разрешающего нам вопросы, о которых выше упомянуто и которые каждый человек непременно делать должен. Какая же эта книга? Библия, писаная Моисеем.

Однако прежде, нежели приступим к чтению сей книги, надлежит ведать, что она писана Моисеем для такого народа, который не имел никакого просвещения, и потому Моисей принужден был предлагать им истину иносказаниями (аллегориями), которые могли б удобны быть для впечатления в их грубые умы предлагаемых им истин. Притом писал он на самом древнем языке; а как в начале своем род человеческий не имел нужды во множестве слов, ибо более изъяснялся знаками и переменениями голоса или звуками оного, нежели словами, то трудно было переложить сию книгу на другие языки: от чего в изъяснениях книги сей произошли величайшие споры и несогласия. Однако за сим останавливаться нам не должно, а надлежит приступать к чтению той книги и, сколько Бог поможет, к исследованию изъяснений, на нее учиненных.

При раскрытии книги сей представляются нам сии слова: «В начале сотвори Бог небо и землю»¹. Надлежит ведать, что в подлиннике сказано: «В начале, т.е. в самом отдаленнейшем времени (искони) произвел Бог верхнее и нижнее, или действующее и страждущее, или влажное, оживотворяющее и текущее, и сухое, недвижу-

---

¹ Быт. 1, 1.

щееся и мертвое, или одним словом: сушь и влагу». И потом сказано далее: «Земля же бе невидима и неустроена, и тьма верху бездны»²; сие и показывает что то, что в переводе называется земля, есть та мертвенность или недвижимость, или страдательность, или сушь, о коей мы выше сказали; одним словом, хаос или нестройность. Потом сказано: «И Дух Божий ношашеся верху воды»³, а в подлиннике: «Дух Элогима парил по поверхностям вод». Почему и находятся в вышесказанных словах все причины всего творения, а именно: первое – Бог, Творец или Элогим; второе – вышнее и нижнее, или причина действия и причина страдания, или оживотворяющее и мертвенное, или текущее и сухое, одним словом: сушь и влага. Третье – вода, о коей не сказано, когда она сотворена; почему некоторые полагали, что она есть то существо, из которого все сотворено: однако ж, не сию видимую нами воду принимали они за существо сие, но причину невидимую видимой воды. Четвертое – дух парящий или производящий из воды, долженствующий выйти из оногo творения. Потом сказано: «И рече Бог: да будет Свет! и бысть Свет»⁴. Здесь надлежит приметить, что прежде сказано: «сотвори Бог», а теперь: «рече Бог», что, кажется, знаменованье долженствует, что Бог из всех причин служащих к творению, извлек лучшее, т.е. Свет, или как многие думают, мир духовный. «И виде Бог Свет, яко добро»⁵. Многие при сих словах приходят в сомнение и говорят: «Что, разве Бог не знал прежде, что Свет добро есть, что тут только увидел Он, что он – добро?» Но сие умствование на весьма слабом основании утверждается, ибо при сих словах разуметь должно, что Бог утвердил Свет добром, или оживотворением, для всех будущих творений. «И разлучи Бог между Светом и тьмою»⁶, т.е. учинил Свет действующим, а тьму страдательным. «И нарече Бог Свет день, а тьму нарече ночь, и бысть вечер и бысть утро»⁷. Не надлежит слов сих: вечер и утро, принимать так, как многие за то, что мы ныне, по течению Солнца и Луны, утром и вечером называем: но в настоящем смыс-

---

² Быт. 1, 2.

³ Быт. 1, 2.

⁴ Быт. 1, 3.

⁵ Быт. 1, 3.

⁶ Быт. 1, 4.

⁷ Быт. 1, 5.

ле утром называется чистый Свет, а вечером – густой мрак, которые Элогим учинил готовыми, Свет к действию, а мрак к страданию или к произведению всего. «День един»⁸. Не сказано: «первый день», но именно: «день един»; почему и разуметь должно, что сим действием, или первую эпохою творения, все то уготовано или в действие произведено было Творцом, или Элогимом, что нужно было к произведению других существ или творений.

NB. На том языке, на котором писал Моисей Библию, Бог называется разными именами по действиям, которые Он в натуре производит. Сих имен считается 72. Самых же главнейших 7, как-то: Элогим⁹, Себаот,¹⁰ Иеговаг¹¹, Адонай¹² и пр.

Лекция 3-я, сентября 17-го дня.

В первых лекциях показано было, что в начале сотворены были две причины всего бытия, а именно: сушь и влага, Свет и тьма, или, как некоторые думают, ангельский мир и хаос; одним словом, две сии причины назвать можно – видимое и невидимое, ибо апостол о сем говорит ясно, что из невидимого учинилось видимым то, что в невидимом существовало¹³.

Теперь изыщем обе сии причины в человеке, а именно: видимое и невидимое. Ибо человек, яко последнее сотворенное существо, есть извлечение из всего видимого и невидимого; и по-

---

⁸ Быт. 1, 5.

⁹ Элохим, Элогим – множественное число слова Элоах или Эл, общего названия для божества у семитических народов. В основе этого слова лежит понятие могущества и творчества (в отличие от Иегова или Ягве, в основе которого лежит понятие бытия или безусловной сущности), и потому оно встречается уже в 1-й главе Библии, где говорится о сотворении мира.

¹⁰ Саваоф – от еврейского цеваот, множественное число от цава – сила, воинство, сонм. В отличие от других названий Бога, Саваоф выдвигает особенно свойство всемогущества, образ которого заимствован от воинства.

¹¹ Ягве, Яхве, Йахве, Иегова – имя Божества, с которым выступил на сцену истории еврейский народ.

¹² Адонаи – на древнееврейском языке: «господин мой».

¹³ Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны (Рим. 1, 20).

тому, яко малый мир, должен в себе иметь все то, что большой мир в себе заключает. Почему и видимое и невидимое в себе иметь должен.

Человек имеет чувства видимые и невидимые. Видимые, или наружные, чувства суть: осязание, обоняние, вкус, зрение, слух; а невидимые, или внутренние, суть: ум и воля. Ум же разделяется на понятие, разум и воображение.

Видимые, или наружные, пять чувств полезны только для тела, а невидимые, или внутренние, чувства – для духа: почему и разуметь должно, что человек сотворен из видимого и невидимого, из наружного и внутреннего, из тленного и вечного.

Наружные чувства, служащие телу нашему, происходят единственно от внешних причин, трогающих, или осязающих, или приводящих в сотрясение нервы наши, и представляющих предметы в мозгу нашем, как в зеркале, на рассмотрение или умозрение духа.

Надлежит, притом, знать, что мы все свои чувства наружные имеем чрез единое осязание; ибо и самое видение света есть токмо осязание света глазами, потому что, ударяя в нервы, в глазах наших находящиеся, он приводит их в содрогание. Сим же средством и все предметы, представляющиеся нашему зрению, видим мы чрез ударение их в нервы глаз наших.

Подобно сему чрез осязание получаем мы слух, обоняние и вкус, как-то: слух происходит от движения воздуха, ударяющего в нервы ушей.

Вкус получаем мы от солей, в пище находящиеся, которые приятно или неприятно щекотят и приводят в сотрясение нервы языка. Обоняние получаем мы также от солей, исходящих из существ в невидимых парах, которые также щекотят приятно или неприятно нервы ноздрей, ибо надлежит знать, что всякое орудие тела нашего, для чувств сотворенное, имеет свои особенные нервы, и что все сии имеют узел свой или центр в мозгу человеческом, в котором находится хозяин или правитель тела, т.е. дух мира или разум, коему в мозгу, как в зеркале, чрез сотрясение нервов, все видимое и наружное предлагается будто бы на рассмотрение. Однако, ежели человек сам от себя отдалит все наружные чувства, как-то: зрение, обоняние, слух, вкус и самое осязание, то и тогда, лишенный всех сих чувств, он не разрушается, но ощущает жизнь,

может рассуждать и делать заключения о всем прежде видимом: почему и можно несомненно заключить, что у человека есть внутренние и невидимые чувства, кои поддерживая его сущность, дают ему жизнь и размышление.

Сверх того, если человек захочет воззреть на себя с прилежанием и внять внутренней своей силе, то еще и теперь услышит некоторый слабый голос (могущий, однако ж, чрез очищение соделаться громким), который непрестанно говорит ему и показывает: что добро и что зло, что праведно и что неправедно, что законно или незаконно. Сей голос, который мы часто заглушаем, называем высочайшим внутренним чувством, а именно, совестью. Сие чувство или сей голос, соединенный с другими вышеупомянутыми внутренними чувствами, как-то: волею, умом и происходящими от оного разумом и воображением, единственно человеком назвать мы можем; ибо все прочие чувства наши равны со всеми животными. Почему приступим к разобранию человека, дабы узреть сходство его и различие от растений и животных.

Все в мире составлено из соли, огня и воды. Человек имеет в себе кости, волокна, жилы, нервы, пузырьки, мозг и соки. Растения имеют кости, жилы, волокна, питаются соками и воздухом, но не имеют нервов, которые единственные суть причина чувств. Они приемлют пищу без побуждения к тому и не содействуют природе в изыскании себе оной, но токмо магнетическим притяжением или находящеюся как в семени, так и в корне оных силою, притягивают к себе нужную пищу для их сохранения или бытия; а другую силою, в них же находящеюся, отторгают от себя то, что лишнее в себя приняли и что к бытию их не нужно. Притом, они неподвижны, не выбирают и не ищут пищи, но только принимают оную. Животные также, как и мы, все прежде сказанное в себе имеют, но они, по удовлетворении внешних чувств и нужд своих, никакого более беспокойства не чувствуют, и кроме физического зла никакого другого не знают; притом, во всех деяниях своих никакого раскаяния не ощущают, одним словом: ни предвидения, ни внутреннего терзания, ни беспокойства о будущем и ничего такого, что до внутренних, или вышних, чувств или сил, касается, не имеют. Нервы, данные для ощущения вкуса, осязания, обоняния, зрения и слуха, суть единственные причины всех действий животных: вне-

шие чувства ими управляют, по удовлетворению которых скоты находятся в совершенном спокойствии. Но человек сверх чувств имеет еще внутреннее чувство и глас совести, которого животные не имеют. Он имеет еще внутреннее неограниченное желание, и ничем совершенно удовлетворить себя не может, что самое доказывает, что он сотворен не для мира сего; ибо он в мире спокойствия не обретает, и когда все другие животные совершенно находят оное по удовлетворении чувств своих, он один страдает, ищет и ничем удовлетворить себя не может. Человек имеет в себе три различных существа, а именно: совесть в сердце, вкус, или волю, в утробе, а наипаче в печенке, и ум, или разум, в мозгу. Итак, человек имеет в себе три чувства.

1-е чувство добра и зла, что называем мы совестью: оно живет в сердце.

2-е чувство красоты или вкуса, что единственно называется человеком естественным, который стремится к красивому по виду, избирает приятное, ощущает жизнь, нужды, желания и пр. Сие чувство живет в утробе, а наипаче в печенке.

3-е чувство есть ощущение истины или общий смысл, воображение и разум, коим разбираем мы внешние вещи в отношениях их друг к другу, выводим из оных заключения, непрестанно стремимся ими к сооружению для себя чего-то блаженного и твердого. Но как сие клонится токмо до видимого и преходящего, то не можем достигнуть своих желаний и твердого успокоения себе не обретаем.

Сии три внутренние человеческие чувства, расположенные в его сердце, в утробе, или печенке, и в мозгу, составляют бытие человеческое. Они не суть только свойства, но три существа в едином человеке находящиеся. Они составляют его троицу, и сими-то чувствами познает человек подобие свое с Богом.

Правую часть его, утробу, или печенку, которая есть причина его жизни, и имеет в себе вкус, или волю, уподобить можно Отцу, яко источнику жизни и бытия, который по милосердию или вкусу, изливает милости Свои на детей Своих или [на] твари.

Левую сторону, сердце его, где обитает совесть, вопиющая повсеминутно к человеку и остерегающая его непрестанно от худых дел, уподобить можно Сыну или Спасителю.

Верхнюю часть, в которой мозг наш и где заключается ум и разум, все предвидящий, разбирающий и понимающий, можем мы уподобить Духу, просвещающему человека. Однако при сем упомянуть должно, что, когда совесть, или Спаситель наш, соединяется с причиною жизни или вкусом, т.е. с человеком, и управляет всеми его действиями, то тогда в мозгу нашем изливается Дух Свят и просвещает нас. Но ежели причина жизни или вкуса, не внимая гласу Спасителя, или совести, соединяется с умом, или силою, что мы в мозгу полагаем, то тогда царствует дух мира, дух тьмы, одним словом: диавол, ведущий нас от заблуждения в заблуждение и влекущий нас в проклятие. Итак, по воле своей, или вкусу, человек спасается или погибает. Он свободен обратиться к добру или к злу, к Свету или ко тьме, к Спасителю или к диаволу; и когда человек внутреннее чувство, живущее в утробе, или печенке его, согласует только с разумом, обитающим в мозгу, не внимая гласу сердца, или совести, или Спасителя, то разум, надеясь на свою силу и на собственные свои побуждения, ободряет его, делает надменным, гордым, заглушает вопль совести или усыпляет ее и порабощает человека диаволу. Напротив того, когда человек внимает гласу совести, покоряется оной совершенно, и самый вкус свой с оною согласует, то увеличивается власть совести, или Спасителя: она распространяется тогда до самого мозга, сражается с диаволом, побеждает его и изгоняет умствование. Тогда изливается на человека Дух Свят; он уподобляется Богу, и, будучи один, вмещает и изображает в себе по трем внутренним своим чувствам, или силам, Троицу – Отца, Сына и Духа, кои в нем обитают: 1-е – яко Дух, или просвещение, в голове; 2-е – яко Спаситель, или совесть, в сердце; 3-е – яко Отец, или жизнь и вкус, в утробе, или печенке, – и все три составляют единое.

По всему вышесказанному видим мы, что в человеке находятся оба Богом сотворенные начала (*principii*), т.е. видимое и невидимое, наружное и внутреннее, действующее и страдательное, живое и мертвенное, доброе и злое, Бог и диавол, небо и земля, рай и ад, одним словом: все, что понятиями и чувствами, как внутренними, так и внешними, понять, ощутить и обрести можно, – все то обретаем мы в самих себе и не имеем нужды искать вне нас.

Лекция 4-я.

В прежних лекциях сказано было: «В начале сотвори Бог небо и землю», т.е. два треугольника, верхний и нижний, что древние философы называли огненной водою, верхний – светлую, а нижний – темною, или лучше сказать, верхний свет и нижний свет.

Мы наше сотворение имеем из двух источников, т.е. из Света и мрачности, так как и все сотворенные вещи источником своим имеют Свет и мрак.

Человек имеет в себе нечто магнетическое, которое притягивает к нему верхнее и нижнее, т.е. Свет и тьму. И как в прежней лекции сказано было, что человек, яко последнее сотворенное существо, есть извлечение из всего видимого и невидимого, и потому, яко малый мир, имеет в себе все то, что и больший мир в себе заключает; следовательно, он сам в себе имеет небо и землю, Свет и мрак.

Следуя учению Христову, которое основанием своим имеет то, как привлекать человеку к себе небесное влияние, или Свет, и как отторгать себя от земного, или тьмы, человек приближается к небесам и слышит глас внутри себя, призывающий его к Свету, но рассеянный в здешнем мире, заглушает он в себе глас сей и приближается ко тьме: ибо все в мире сем происходит от влияния верхнего в нижнее или нижнего в верхнее. К небесным влияниям должен человек готовить себя очищением, отторгаясь от всего внешнего и презирая все услаждения плотские; и когда человек возвращается внутрь себя, то ищет услаждения духовного и внимает гласу совести, непрестанно вопиющей в сердце его. Совесть же, яко магнит, по мере чистоты своей или мрачности и стремления своего к той или другой, привлекает к себе Свет, т.е. Христа, или тьму, т.е. Люцифера.

Когда человек имеет веру и любовь, тогда находит он в себе рай, привлекает к себе небесный Свет и соединяется со Христом: он живет во Христе и Христос пребывает в нем; напротив же того, гнев, лицемерие и сребролюбие привлекают к человеку мрак или тьму: он тогда чувствует в себе весь ад и соединяется с диаволом.

Нынешние философы, как-то Гельвеций, Вольтер и пр., преподавая нравственные наставления, советуют в пороках или в самом волнении страстей человеческих смотреть на следствия оных и самым тем останавливать или удерживать себя; но удобен ли человек

тогда представлять себе будущее и разбирать следствия, когда он в исступлении? Напр[имер] человек во гневе: тогда сердце его сжимается, кровь его кипит и стремлением своим все нервы приводит в движение, рассудок или ум тогда не действует, и чувства сердечные подавляются; тогда он весь ад в себе ощущает и теряет способность рассуждать о следствиях происходящих от гнева.

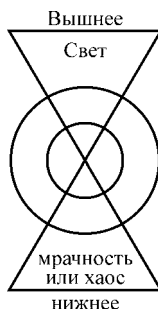
Но Христос научает нас и самое помышление о пороках умерщвлять, говоря: «Не скверни помышлений твоих»¹⁴. Он научает при самом начале соблазнительной какой-либо мысли истреблять ее, яко корень зла, ибо воображение человеческое бывает источником соблазна и пороков, и когда при самом рождении такового помышления не искоренить, то оное, подобно углию, будет тлеть в человеке и при первом встретившемся случае вспыхнет и произведет [пожар], который трудно уже потушить.

Лекция 5, сентября 24-го дня.

В прежних лекциях изъяснено, что мир весь сотворен из двух начал, т.е. высшего и нижнего, духовного и телесного, доброго и злого, одним словом, из Света и мрачности.

Свет называется каббалистами Шамаим, огненная вода, нижнее – Арец, земля или мрачность.

Действие Света и мрачности удобно показать может следующая геометрическая фигура:

---

¹⁴ Матф. 9, 4.

Два треугольника, имеющие в середине круг, поставленный между Светом и мрачностью, изображают нам вышнее и нижнее, Свет и хаос. Круг, происходящий от центра, соединяющий два треугольника, вмещает в себе Свет и тьму, и изображает человека, который есть существо, поставленное между двух начал. Он есть последнее бытие из духовных тварей и первое из материальных. Он имеет в себе магнетическую внутреннюю силу, коею, по мере чистоты или мрачности оной, привлекать он в себя может оба начала, т.е. Свет и тьму.

Сие самое понятие или сие познание магнетической силы в человеке может нам ясно представить падение Адама, яко он от Света или блага обратился к мрачности или злу и привлечением зла умножил в себе силу мрачного начала; чем самым удалился от начала Света, вкусил плода от начала зла и от того впал в проклятие, которого падение и ныне, ежели сами себя с прилежанием рассматривать станем, ежедневно в себе ощущать можем.

Христово учение и жизнь Его наставляют нас, каким образом находящеюся в нас магнетическою силою привлекать нам в себя Свет и тем самым истреблять мрачность, одним словом, жизнь Его и учение наставляют нас, как готовить себя к небесному житию, привлекать Свет, истреблять мрачность и возвратиться к первоначальному своему состоянию.

Снисхождение вышнего, или Света, и восхождение нижнего, или мрачности, есть неперемнное и непрестанное действие натуры. Нижние, или земные семена, стремятся к Свету, чрез пары восходят в воздух, и ежели долго остаются в оном, не получая вышних сил, то сгущают воздух, и оттого мы чувствуем тягость; но когда помощью грома ниспадают на землю, то мы чувствуем легкость и оживотворение в воздухе. Одним словом, Свет и тьма, действующее и страдательное, оживотворяющее и мертвенное, доброе и злое суть две причины, из коих и коими все в мире творится, живет, умирает и очищается. Сие самое, да послужит нам в пример к очищению себя, дабы привлечением Света очищать из себя мрачность и находящеюся в нас магнетическою силою привлекать в себя Свет, и столь его усилить, чтобы атмосфера человеческая учинилась совершенно чистою. Таковым привлечением в себя Света, или очищением от мрачности, уподобляется человек Христу,

который нам жизнью и учением показал пример, как истреблять из себя зло, или мрак, и умножать в себе Свет, или добро.

Предки наши, зная силу привлечения Света, и какую пользу производит он человекам, учредили монашеские общества, в которых бы люди, удалясь от сует мирских, думали о едином своем очищении, и тем самым, привлекая к себе Свет, умножали бы силу оногo в том округе, в коем жили.

Однако надлежит знать, что, как по падении твари, Свет, ее окружавший, скрылся внутрь ее, то человек должен непрестанно бдеть, дабы победением наружных чувств умножать в себе силу внутреннюю, т.е. волю свою, или, так как выше сказано, вкус свой, соединять со внутренним сердечным чувствием, или совестью, дабы возвратиться в прежнюю славу.

А наипаче сие бдение и осторожность нужна тем, кои уже чувствовали благо от привлечения в себя Света, дабы им паки, яко Адаму, не пасть под иго тьмы, или начала зла, или Князя Мира сего. Для сего непрестанно смотреть нам должно на Искупителя нашего, или на пример наш – Иисуса Христа, который чистотою Своею, жизнью, учением и страданием научил нас, как очищать себя от мрачности и просвещать Светом.

Но чтобы яснее сделать понятие о том, как Свет снисходит в натуру и тьма его приемлет и действует в оной, надлежит сделать себе некоторое понятие о материи и о системе мира.

Материя, чем отдаленнее от центра своей плотности, тем тоньше и чище, и жители в таковой материи суть существа сообразные оной так, что воздух, который для нас есть самая тонкая и почти невидимая материя, может для других тварей быть такою плотностью, как для нас земля; одним словом, материя, быв одного существа, различествует тонкостью и плотностью своею по мере своего очищения и отдаления от начала плотности или средоточия.

По сей причине пифагорейцы полагали, что человек, смертию очищаясь, по мере своей чистоты, переходит из одной планеты в другую. Но о сем говорено будет впредь.

Система мира так расположена, что солнца или шары самосветлые, чрез которые свет или оживотворение нисходит, имеют около себя несколько темных шаров.

Сии планеты стремятся к принятию света, а свет стремится к пролитою себя в них. Таковые в нашей солнечной системе суть:

<i>Меркурий</i>	
<i>Венера</i>	
<i>Земля</i> <i>Луна</i>	
<i>Марс</i>	
<i>Юпитер и 4 спутника</i>	
<i>Сатурн и 5 спутников</i>	

Все сии планеты круготечение свое имеют около Солнца. Сверх того суть еще кометы, которые другое обращение имеют, нежели они.

Земля от Солнца расстоянием 20, Сатурн же от одного около 200 миллионов миль.

Таковых солнечных систем много; они вообще свое кругообращение имеют около Сириуса, который от нас расстоянием на 4 биллиона миль.

Сириус, может быть, еще имеет свое кругообращение около других Сириусов. Все сие оживотворяется Светом, и чрез все оные неисчисленные громады свет, или жизнь, на нас изливается; о чем пространнее впредь говорено будет.

Заключение ж из сего извлечь можно:

1-е. Что вся громада мира есть материя, которая по мере отдаления своего от центра плотности есть тоньше, так что невидимая для нас материя может для других существ быть самую грубою, плотною и видимою.

2-е. Что небо, называемое нами таковым, не есть небо; но что мы все вообще в небе живем, и по мере чистоты своей при-

влекаем к себе Свет или тьму и небо собственное наше, и для нас творим таковое же существо и таковой же чистоты и грубости, каковы мы сами.

Лекция 6-я, октября 1-го дня.

«В начале сотвори Бог небо и землю», видимое и невидимое, Свет и мрак. Многие знать желают, откуда произошло зло? Но как сие есть самое высочайшее таинство, то умствование или мудрость наших мудрецов не могли сего проникнуть. Наша же религия относит сие к падению некоторых ангелов.

Историки говорят, что два суть источника, из которого все сотворено: Свет и мрак. Должно знать, что во всех сотворенных вещах каждая имеет своего правителя или хозяина. Для лучшего разумения представим себе сии два источника двумя кругами, из коих один заимствует Свет свой от другого и кои имеют каждый своего правителя. Правитель мрачного круга, или первый ангел Люцифер, желая насладиться самим собою, не допускал разделиться в круге своем входящему Свету, напрягал все силы свои к сопротивлению сему разделению и к привлечению в себя единого сего втекающего Света, дабы довольствоваться оным одному, и после разливать Свет самому на все творения и соделаться Богом. Сие самое усиление умножило в нем Свет сверх меры сообразной его существу и произвело огонь, от коего мир его сгорел, и сделался хаос; но как все сотворенное очищается чрез огонь, то Бог, по милосердию Своему, из мрачного сего круга сотворил наш мир.

Человеческое тело есть наиболее благороднейшее и совершеннейшее извлечение из мрачного круга, дух же его из светлого; и для того человек сотворен после всего, напр[имер] травы, растения, воздух видимый и невидимый, птицы и звери, – все прежде его сотворены: а человек, яко наиболее благороднейшее существо, извлеченное из всего видимого и невидимого, после всего получил свое бытие из всего, прежде сотворенного, из коего он извлечен, яко эссенция всего.

Бог, сотворив тленное и нетленное, хотел чрез человека мрачное и тленное привести в светлое и нетленное. Сия нетленная ма-

терия хранится в костях наших. Рассматривая кость с примечанием, можно увидеть внутри ее некую светлую краску; да и самое Св[ященное] Писание подтверждает сие, говоря: «Кость праведника не сокрушится»¹⁵.

Человек имеет из ангельского мира дух, из небесного – душу, из земного – тело. Он должен земной шар облагородить, ибо Сам Бог сказал: «Прежде небесные силы облагородили тебя, а теперь ты земной шар облагородишь». Итак, прежде всего, должны мы стараться облагородить или очистить тело наше и сделать его меньше тленным, дабы смерть наша казалась нам приятным сном и дабы скорее воскреснуть; но чтобы очистить себя, потребны небесные силы. В прежней лекции показано было, каким образом человек может привлекать к себе небесные силы.

Чем более человек старается возрастить в себе добродетели, тем более бодрствует и тем сильнее действует в нем небесное влияние в чувствах совести его. В Спасителе и во Христе своем должен человек возвышаться, ибо совесть его есть Спаситель, и глас ее есть глас Христа. Человек, будучи рожден к сему, может или умножить благо свое или потерять оное.

Две противоположные крайности приводят человека или к совершенному благу, или к совершенному злу. Первая из них есть любовь; сей божественный дар возвышает дух наш, и мы, умножая и питая любовь нашу, умножаем и усиливаем влияние небесных сил и приближаемся ко Свету. Сие приближение смиряет нас и показывает нам ничтожность нашу; ибо, чем человек ближе к Свету, тем больше видит гнусность свою, и тем хуже сам себе кажется.

Другая крайность есть самолюбие. От сего источника протекают все пороки. Самолюбие отвлекает человека от истинного Света; оно затворяет сердце человеческое от небесного влияния, зарождает гордость и отдаляет от Света, показывает нас самим себе лучшими и совершеннейшими; оно влечет человека во тьму или к совершенной его погибели.

Когда человек философическим образом думает достигнуть истинного блага, удовлетворяя внешним чувствам и не почитая слабостей своих препятствием к спасению, когда он печется о спокойствии и удовольствии тела своего, тогда диавол спокоен и не

---

¹⁵ Иоан. 19, 36

искушает его, ибо он уверен, что таковой рано или поздно подвергнется его власти. Но когда человек настоящим и правым путем идет к своему спасению, когда он следует по стопам Иисуса Христа, тогда уже диавол беспокоится и делает ему тысячу искушений. Он старается путь сей показать ему трудным и ужасным; путь же к нему ведущий усыпает цветами, т.е. поставляет на нем все приятности и все удовольствия, дабы соблазнить спасающегося и привлечь к себе. Сам Христос, Спаситель наш, был искушаем; человек несравненно более подвержен всякому искушению. Следуя путем истины, он должен претерпеть многие затруднения; ибо Бог ведет его ко спасению тихо и непринужденно. Чем ближе человек ко спасению, тем более расширяется небесная его атмосфера и тем яснее видит он небесное творение; ибо он ближе к Свету. Апостолы не только видели силы небесные, но слышали гласы и беседовали с небесными духами.

Есть избранные Богом люди, как напр[имер] некоторые проповедники, которые, просвещаемы будучи небесными силами и проповедуя слово Божие, проникают в сердце человеческое, действуют в нем по воле своей и возбуждают чувство совести. Сего никакое красноречие без силы небесной произвесть неудобно. Красноречие занимает только наш разум, но не производит в сердце нашем никакого чувствования.

Небо не есть особое какое-либо место; но оно есть внутри нас, и мы должны его искать в себе. Внутренний наш человек есть наше небо. Оставляя внешнего человека, который взят из мрака, и уклоняясь в сердце свое, мы видим и чувствуем внутреннего нашего человека и живем в истинном нашем небе. Когда мы в уединении занимаемся сами собою, когда входим внутрь себя, тогда небесные силы в нас умножаются, и тогда видим мы духовного своего человека. Грызение совести, скука и тоска, которые мы чувствуем, доказывают тогда, что мы не таковы, каковыми быть нам должно.

Небо все окружает и все проходит, так как Бог окружает все, есть во всех вещах, и все в Нем плавает. Сила небесная есть воля Божия. Бог есть средоточие всех вещей. Посредство между Богом и человеком есть небесные силы или радиусы, чрез которые Он проливает Свет Свой и дает чувствовать человеку, что Бог ближе к нему, нежели собственное тело его; ибо Он внутри нас.

Все силы наши, даже и самая жизнь наша из неба; подобно, как в часах пружины, так в нас действуют силы небесные, и когда мы терпим язвы, болезни и другие напасти, тогда сами бываем причиною оных, отвергая от себя силы небесные.

Все, что не творится в природе, как-то: растение цветов, трав, животных и пр., – все творится небесными силами.

Бог все делает небесными силами, и когда Он в нас действует, тогда мы чувствуем усладительную и приятную пищу. Наша жизнь есть Бог; разум наш – Дух; сердце наше – Сын, или Христос. В самых чувствах наших и во всей нашей жизни действуют небесные силы, и Бог чрез них волею Своею облагодетельствовал нас.

Есть небесные элементы, как-то: вода, огонь и пр., а что есть элементы в небесах, то сие доказывает нам химия; и самая же сия наука дает знать человеку, какую материю по смерти иметь он будет.

Лекция 7-я, октября 9-го дня. О тройственных познаниях, кои суть исторические, технические, или художественные, и живые.

К научению человека суть тройственные познания: исторические, технические, или художественные, и живые.

Исторические познания суть нравственные, физические и метафизические. Нравственные суть познания деяний человеческих, характеров, возвышения и падения царств и пр. Физические показывают нам причину растений, тяжесть тел, силу элементов и пр. Метафизические суть познания религий, закона и пр.

Итак, познания исторические обогащают разум, технические, или художественные, научают искусствам, как-то: стихотворству, красноречию, музыке, живописи, скульптуре и пр., но о сем я не распространяюсь потому, что уже в первых лекциях о том говорено было. Живые познания находим и ощущаем мы в сердце. Они ничем и никогда не истребляются, никогда забвенны быть не могут и заключаются с нами в вечность. Чрез них

получаем мы откровения или познаем все то, что касается до Бога. Одним словом, живое познание научает человека разбирать самого себя и подает средство к возвышению себя, к умножению бытия своего и к стремлению к тому источнику, от коего он имеет свое начало. Живые познания суть дары, даруемые Богом в свое время роду человеческому, или, как в Св[ященном] Писании сказано, таланты, данные господином рабам своим¹⁶. От употребления человеков зависит с лихвою умножить полученный талант или зарыть его в землю, т.е. погрузить его и себя во мрак, и нерадивостию своею затмить в себе сияние Света, и заглушить глас, непрестанно их наставляющий.

Святые Отцы советовали молитвою и постом приготовляться к историческим познаниям, дабы обратить их в живые. Человек, желающий пользоваться живыми познаниями, рачительно наблюдать должен свои деяния и непрестанно иметь бдение о не упущении ни малейшего случая к приобретению пользы, касающейся до будущей и вечной его жизни. Он должен непрестанно работать внутри себя, очищать сердце от тьмы, его покрывающей, стремиться к Единому Богу, дать Ему действовать в себе. Тогда услышит он внутренний глас Его, и все Его поучения будут ему живыми познаниями, которые суть его сокровище или имение, кои за самые пределы смерти за ним последуют. Но о сем прежде говорено; теперь же приступим к историческим познаниям, которые суть целию наших лекций.

К сему да послужит данная, по милосердию Божию, чрез Моисея, пророков, евангелистов и апостолов роду человеческому книга, ибо она единая истинный источник всех человеческих познаний в себе заключает. В оной сокрыто великое таинство творения, действия праотцев наших, падение, проклятие, искупление, спасение и будущее состояние человеческого существа.

Итак, сказание о сотворении мира есть историческое; религия же наша говорит, что Бог открыл первым людям о сотворении мира. Между сотворением и изображением, или изображением, есть разность. «Вначале, – говорит Моисей, – сотворил Бог небо и землю», т.е. так, как в прежних лекциях сказано, вышнее и нижнее, или так, как некоторые говорят, отделил от хаоса ан-

---

¹⁶ Матф. 25, 14-30.

гельский мир, или Свет от мрачности, теплое от холодного, одним словом, доброе от злого. «Земля же бе невидима и неустроена, и тьма верху бездны»; сии слова ясно показывают нестройность или неспелость хаоса, или хлада, из коего произошло творение; почему и не должно разуметь ту землю, которую мы видим, но невидимую. «И Дух Божий нашашеся верху воды». Сие знаменует, что Дух Божий, оживотворяющий и согревающий, силою Своею в спелость приводил незрелые семена, долженствующих сотвориться вещей, которые находились в водах. Почему в творении и видны три вещи, которые Бог сотворил, и Духом, или теплою Своею, привел в зрелость и порядок, а именно: 1-е – небо или ангельский мир; 2-е – землю или хаос; 3-е – воды или тончайшее из хаоса и грубейшее из ангельского мира; одним словом, смешанное из обоих существ, или матку всех вещей, в которой все семена долженствующих из хаоса сотвориться вещей находились в возможности и которые потом согревательною теплою Духа, яко мужескою силою, в действие приведены; одним словом, из которых, яко из первой, смешанной из обеих сил материи, как-то: из мрачности и Света, все творение извлечено было. Сии три вещи некоторыми философами называются соль, сера, меркурий и изображаются сими фигурами: $\ominus$, $\triangle$, $\omin�$.

Сии суть три первые сотворенные вещи, из коих уже по шести эпохам извлечены другие вещи по порядку, сказанному Моисею в шести днях творения, а именно:

В первый день – небо, то есть ангельский мир отлучился от мрака, или лучшее из хаоса отделилось от худшего, и Дух Божий оставшееся худшее, долженствующее приведено быть в порядок, согревал, и извлек остающееся лучшее в хаос, т.е. Свет, и отлучил его от тьмы. Свет взял вышнее место, а тьма нижнее.

Во второй день сотворена твердь, разделяющая воды верхние, небесные или чистые, от нижних, земных или нечистых. Сиеразумеют многие воздух, яко воду, которая есть лучшая из нижних вод и худшая из вышних; одним словом, в котором царствуют и сражаются мрак и Свет, добро и зло, Бог и диавол.

В третий день сотворена земля, т.е. сухое, отделенное от вод, составилось в сухие темные шары, т.е. в различные миры, как-то: наша Земля; а верхние воды, яко служащие к оживотворе-

нию, вверху собравшись вместе, изливанием своим на сушу чрез влажность свою дали жизнь суше, и она произвела по семенам своим травы и деревья.

В четвертый день сотворены Солнце и светила, т.е. Бог рассеянный свет в сотворяющемся мире собрал во едино место, в средоточие, яко в сердце всего мира, дабы оный теплотою своею оживотворил хладное и, яко самосветлый шар, освещал все другие шары, как-то: Луну и звезды, которые тогда только и видимыми учинились. Бог разделил небесные круги и сотворил 7 главных планет: Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венеру, Меркурий и Землю. Число 7 есть священное таинство. Солнце как горячий металл есть средоточие всех планет; оно подобно сердцу человеческому в теле, которое движением своим все оживляет и всему жизнь дает. Планеты, плавая во свете солнечном, делают движением своим ударение в наши глаза, и когда мы видим темноту, то сие происходит от того, что планета наша тенью своею закрывает солнечное сияние.

В пятый день сотворил Бог птиц и рыб из вод, т.е. сокрытые семена из вод извлек, оживотворил их всеми причинами жизни, как-то: Светом и согревающею теплотою; от чего легчайшее сотворилось птицами, а что тяжелее – рыбами.

В шестой день сотворил Бог зверей и скотов, и после всего сотворенного извлек из всего мира человека. О сем последнем дне творения говорено будет в будущих лекциях.

Лекция 8-я, октября 15-го дня.

Должно думать, что материя, составляющая все, сотворена была в самом начале, но после, по соизволению Божию, приняла разные виды, движения и коловращения.

Два суть начала, из которых все происходит, как в прошедших лекциях показано, а именно: жизнь и мертвенность, или Свет и тьма, или добро и зло; почему и человек, как уже прежде сказано, сотворен из сих двух начал, т.е. из всего видимого и невидимого. Рассуждая физическим образом, можно сказать, что человек, по сложности своей, подобен не токмо всякому животному, но даже

растениям и минералам: кто знает причину растения последней травки или цветка, действие и конец оно, тот знает причину рождения, действия и конец человека; ибо травка или какое-нибудь насекомое имеет в себе также сердце, жилы и обращение крови, хотя между насекомым и человеком столь много степеней, что их исчислить невозможно. Все, что ни есть в природе имеет внутри себя Свет или жизнь, а сонне тьму или мертвенность. Моисей говорит: «Бог сотворил человека по образу Своему и по подобию»¹⁷; следовательно, он царь всей природы. Сие же подобие и образ Божий не есть внешность наша, но человек имеет внутри себя образ и подобие Божие: сие-то есть Свет или жизнь, и из сего можно заключать, что человек бессмертен, ибо жизнь и Свет конца иметь не могут. Свет все оживотворяет, приводит в некоторую влажность; мертвенность же все сушит и умерщвляет. Положа сие за основание, рассмотрим, что значит слово смерть, нами употребляемое.

Смерть есть ничто иное, как переменение организации, или переходение из одной жизни в другую. Человек при зачатии своем в утробе матери получает в себя магнетическую силу, которая привлекает к себе все нужное для составления тела, и сим образом внутренний человек составляет дом для житья своего. Но как скоро выходит он из утробы, то воздух ядовитую свою силою, происшедшею от падения человека, охватывает кругом тело его, отравляет, иссушает в нем соки; делает их грубыми и жесткими и тем самым препятствует порядочному обращению крови, и человек с той секунды, как родился, начинает умирать и переходить из одной организации в другую. Ибо возрасты: младенчество, юношество и старость, ясно нам показывают непрестанное переменение человеческой организации и приготовление к той окостенелости, которую мы называем смертию; ибо сие действие природы, которое мы называем смертию, ничто иное есть, как происшедшая окостенелость от лишения влажных частей, и можно заключить, что кости наши сохраняют в себе материю, из которой долженствует выйти другая организация для нетленного человека. Понеже смерть есть ничто иное, как средство природы для избавления себя от отравы, вкушенной человеком из воздуха, и переходение из одной организации в другую, или очищение от материи мерт-

---

¹⁷ Быт. 1, 27.

венности для получения вечной и нетленной материи Света; что, однако ж, как некоторые философы сказывают нам, учиниться вдруг не может, но в силу очищения себя от мертвенности в сей жизни, помощью средства, данного нам, т.е. помощью последования жизни Христовой, человек скорее или позже одевается в материю Света, которая уже отраве воздуха не подвержена, и достигает до совершенной потерянной им организации.

В прошедшей лекции остановились мы при творении шестого дня. В шестой день, говорит Моисей, по сотворении всего: «Рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию, и да обладает он всем прежде его сотворенным. И тогда сотворил Бог человека, по образу Божию сотворил его, мужа и жену сотворил их»¹⁸.

Многие стараются проникнуть в таинства сокровенные в писаниях Моисеевых, как-то: разбирают, что знаменуют слова: «Когда сотворил Бог человека, то рек: сотворим человека и по образу и по подобию Нашему», якобы Он некий совет составлял. Также и последующие слова разбирают: «Сотворил Бог человека, мужа и жену сотворил их». Все сии таинства столь велики, что разум человеческий не удобен сам собою постигнуть их; и от того происходят разнообразные толкования, и в толковании сих слов заблуждения. Все книги Ветхого Завета о сотворении мира получили мы от евреев; ибо все то, что было до воплощения Христова, есть Ветхий Завет; религия же наша, по воплощении Христовом, получила Новый Завет. По преданию евангелистов и апостолов, еврейское правление было связано с учением их. Евреи, яко тот народ, для которого Моисей писал свою книгу, говорят, что они имеют у себя науку под именем Каббалы, которая есть изузное предание¹⁹, изъясняющее все таинство творения и законы их, и что сия Каббала сохранилась и сохраняется между их учителями или раввинами; но как они сохраняют сию науку в высочайшем таинстве, то она и не может послужить нам к изъяснению наших изысканий. Они утверждают еще, что сия наука, данная первому человеку от Бога, переходила изузно от одного мудреца к другому, и таковым образом дошла до Моисея; другие же из них говорят, что наука сия была потеряна и что Моисей по особой благодати паки получил ее изузно от Бога,

---

¹⁸ Быт. 1, 26-27.

¹⁹ Рим 3, 2.

принимая скрижали на горе, и сообщил ее семидесяти мудрецам. Притом еще утверждают, что народ их был в плену 70 лет, учение их терялось, что они после, уже собирая оное друг от друга, умножили, и что Каббала, быв чрез времена испорчена, уже в самом малом числе людей сохранялась в пришествие Иисуса Христа, что и понудило сохранителей сей науки, дабы она не истребилась, написать ее в книге, называемой Талмуд. Но когда мы книгу сию читать станем, то найдем безумные и непонятные сказки, как-то: что Бог плакал, что Он молился, что Он три раза в трубу трубил и пр. сему подобное. Но на сие говорят нам каббалисты и талмудисты, что и сия книга писана иносказаниями и что они имеют ключ, изысканный им сии сказки; однако ключа сего никому не показывают. Почему мы и остаемся в недоумении; однако, быв просвещены учением Иисуса Христа, завидовать таинствам их не имеем нужды: ибо для спасения нашего не познания, но действия нам нужны. Притом, ведая, что они не признают за истину вочеловечевание Богочеловека, заключить можно, что предание, проповедуемое ими, или ложное или испорченное. Потому что, ежели бы оно сохранилось между ими, то бы они должны были признать Иисуса Христа, как мы признаем, и следовать Его учению, которое ясно изображено нам в кратких словах, и представляет нам действие, а не учение. Библия, яко малый свет во тьме, дает нам некоторое понятие подобно, как младенцам, но когда мы будем следовать учению Иисуса Христа, тогда нужны нам будут силы к познанию таинств, ибо Бог требует от нас не знания, но дел. Христос, окружен будучи множеством народа, когда прикасающиеся риз Его от исходящей из Него силы получали исцеление (Лука гл. 6, ст. 10)²⁰, тогда Он говорил: «Блаженны нищие духом, яко тех есть царство Божие; блаженны алчущие ныне, яко насытитесь; блаженны плачущие ныне, яко возсмеетесь; блаженны будете, егда возненавидят вас человецы, и поругают вас Имени Моего ради. Возрадуйтесь тогда и возвеселитесь; се бо мзда ваша многа на небесах»²¹. Вот какими средствами просвещает нас Иисус Христос, Спаситель наш, и научает достигать истинного и вечного блаженства. Но «горе, – говорит

²⁰ Заметка на полях в одной из рукописей с лекциями И.Г.Шварца «О трех познаниях» (НИОР РГБ, ф. 14, ед. хр. 681, л. 28): «Шварц советовал чаще читать сию главу [Лук. 6], сказал И[осиф] А[лексеевич] П[оздеев]».

²¹ Лук. 6, 20-23.

Спаситель, – горе вам богатым, яко отстоите утешения вашего! Горе вам, насыщенным ныне, яко взалчете! Горе вам, смеющимся ныне, яко восплачете и възрыдаете! Горе егда добре рекут вам вси человецы, по сим бо творяше лжепророки отцы их. Но вам глаголю: любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, благословите кленущия вы, и молитесь за творящих вам обиду. Сим исполните закон, который не должны токмо знать, но во всей точности исполнять»²². Естли что-нибудь святее сего поучения! Естли б мы следовали ему и старались истинную любовь возжечь в сердцах наших, тогда бы узнали мы, что для спасения нашего мы не должны знать, но должны делать. Св. апостол Павел в 13 главе [Послания] к Римлянам научает нас должности человека, что кто сие исполняет, тот исполняет закон Божий. И так, исполняя сие, пылая истинною любовью, которая одна удобна привлечь к нам материю Света, истребить мрачность и составить нетленный дом или нетленную для нас организацию, какая нам нужна в нареченных таинствах. Однако, чтобы подать об них некоторое понятие, почерпнем из некоторых писателей, писавших о сей науке. Что они о сотворении человека и о прочем каббалистическим образом говорят. Сии писатели сказывают нам, что каббалисты говорят, что человек при сотворении своем имел в себе мужские и женские семена, или действующую и страдательную причину, в чем некоторые и греческие писатели согласуются, и что потому-то он есть образ Божий, что обе сии причины, яко Бог, в себе заключает. Далее они продолжают: что первое падение человека есть отлучение женской силы от мужской, когда, не хотя быть царем и творцом, он возжелал уподобиться скотам, и что тогда душа человеческая соединилась с плотию. Они говорят, что человек, рассматривая все творение и видя, что все сотворено попарно, в воображении своем прельстился чувствами и их наслаждениями, и что тогда Бог сказал: «Не добро быти человеку единому»²³, сниспослал на него сон и отделил действующее от страдательного, или сотворил Еву из ребра его, и что все стремление человека падшего, таким образом, есть стремление соединения паки двух воедино, или возвращение образа Божия, который человеками потерян, т.е., чтоб сила действующая, страдательная и

---

²² Лук. 6, 24-28.

²³ Быт. 2, 21.

производящая соединилась в человеке, яко в Боге они соединены суть, и составляют Его Троицу; которое стремление соединения трех воедино, говорят они, изображено в Песне Песней.

Ко всему оному, заметить необходимо должно для дальнего размышления следующие места во второй главе Первой книги Моисеевой: 1-е – о учреждении седьмого дня или дня успокоения; 2-е – свойство человека; 3-е – свойство рая; 4-е – сотворение жены и супружество.

Седьмой день должно посвятить размышлению о Боге, и успокоить себя от трудов; что ненарушимо праотцы наши исполняли, т.е. шесть дней они трудились и позволяли себе заниматься работами необходимыми для сей жизни человеку, а в седьмой день отдаляли от себя все суетности и посвящали себя только молитве и размышлению о Боге. Сей день был всегдашним воспоминанием человеку о его источнике, о его определении. Как Солнце есть средоточие 6-ти планет, так и 7-й день есть средоточие, ибо и мы шесть эпох проходим; но диавол превратил день сей в свое служение. Мы столь испортились, что, вместо угодных дел Богу, день успокоения в Боге посвящаем мы всем суетам мирским, угождаем плоти своей и ветхому человеку, забывая духовного в нас человека, не внимая гласу совести, в нас вопиющему, и тем паче и паче привлекая к себе мрачность, усиливаем власть Князя Мира сего, отвращаемся от Бога и стремимся в проклятие и в рабство диавола.

Лекция 9-я, октября 22-го дня.

Слово Божие не через красноречие или витийство преподается, но истинно чувствующим и ощущающим сердцем Бога просто предлагается: «И быв Слово Божие»²⁴, т.е. Сам Бог, чрез орудие человеческое проникает в сердца слушающих и готовых к принятию Бога. Св. апостолы посылаются в мир для просвещения рода человеческого; учение свое проповедуют не от себя, но Сам Бог глаголет чрез них. Они не стараются украшать оное красноречием или человеческою мудростию, и не надеются на самих себя; но

---

²⁴ Иоан. 1, 1.

истина, ими проповедуемая, изображается простыми и ясными изречениями, ясными, говорю я, для любящих премудрость Божию и покоривших себя совершенно Богу: но для мудрых мира сего истина, ими проповедуемая, непонятна и безумна. Св. апостол Павел в 1-м Послании к Кор[инфянам] в 1 главе говорит: «Не посла бо мя Христос крестити, но благовестити: не в премудрости слова, да не изпразднится крест Христов. Слово бо крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть. Писано бо есть: погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергу»²⁵. Не умствование наше, но истинная вера и деяния только относятся к Богу. Размышление и исполнение по слову Божию, или совершенное Ему себя предание, есть человеческое успокоение. Никакое умствование человеческое и никакая мудрость века сего неудобны без истинного упования на Бога и предания Ему себя совершенно довести нас до истинных познаний, но слепоту и единственные сомнения вкореняют в сердца наши; ибо, не быв от Бога, но от человеков, они суть ложь. Однако я не отвергаю совершенно науки, преподаваемые человеками, хотя они и не служат к сооружению блаженства нашего: они суть также дары, происходящие от Бога, и человек, преданный Богу и для блага ближнего стремящийся к наукам сим, учиняется способнейшим орудием, чрез которое Бог, помощью самих сих наук, падших человеков к Себе привлекает; но я отвергаю только совершеннейшею на них надежду и забвение чрез то, что человек умствованием и надеждою на свои силы отвращается от Бога и подвергает себя проклятию: ибо самое падение не иное что есть, как отвращение себя от содействия Бога и учинение самого себя средоточием своих действий чрез воззрение на свои собственные силы и надежду на оные. Но о сем впродь говорено будет.

Жизнь нашу, или временное наше пребывание на земле, можно почесть училищем или воспитанием, чрез которое человек готовится и соделывается способным ощущать ту цель, для которой он сотворен, и чрез опытное познание добра и зла прилепляться к добру, получит совершеннейшее отвращение от зла, и тем учинится безопасным от падения; почему все, что в мире есть, служит к его пользе, но по употреблению становится добром или злом.

---

²⁵ 1 Кор. 1, 17-19.

Некоторые христианские учителя во времена невежества отвергали совершенно науки, и, толкуя ложно Св[ященное] Писание, или видимое слово Божие, хотели наружностью, как-то: биением себя по плечам, грубыми платьями, поклонами, излишними постами и прочими наружными обыкновениями учинить род человеческий лучшим, и сим наружным путем вести оный ко спасению; тогда внешность учинилась набожностью, внутреннее чувство истребилось, и истинный внутренний закон учинился внешним, вера скрылась, ложь воцарилась, и люди, следуя одной только наружности, не ощущая в сердце своем ни малейшего влечения и любви к Богу, думали, что совершенно угождают Ему, и чрез ложные свои заключения, прилепляясь к наружности, подвергали себя под иго Князя Мира сего.

Человек не иное что есть, как орудие Божие, чрез которое и в котором Сам Бог хочет действовать. Человек должен Ему совершенно предаться, возлюбить Его паче всего, умереть всему внешнему, внутреннюю Ему всечасно приносить молитву, внимать гласу Божию внутри своего сердца и не сопротивляться воле Господней; ибо человек не знает, к чему он предопределен. Почему, находясь в таком внутреннем расположении и предав себя совершенно Богу, ежели он слышит глас внутри себя, или ощущает некое стремление к познаниям, то должен он прилепиться к изучению наук для блага собратий своих, однако ж, не забывая никогда заповеди, начертанной на его сердце, дабы не прельстился ими, и дабы, работая шесть дней, седьмой посвящал Господу Богу своему, забыв совершенно о всем наружном: ибо человек не знает, к какому действию и каким орудием он быть назначен. Мы видим, что светильники наши, т.е. св. Отцы, апостолы и прочие, угодившие Богу, не по своим расположениям избирали себе род жизни; но, помня, что они орудие Божие, покорностью воли своей давали Ему в себе действовать. Иные из них в пустынях посвящали себя Богу, и там в уединении достигали до ощущения и соединения себя с Богом; иные, предоставлены будучи быть орудиями к прославлению Господа, изучались наукам, проповедовали заповеди Его; другие бодрственно претерпевали страдания и муки за Христа, Спасителя нашего; одним словом, каждый из них, по определению своему, каким кого орудием сотворил Господь, таковым был и во всем повиновался Господу без роптания.

Бог есть Творец мира, центр всего. Он наблюдает во всем порядок безошибочно, желает все привлечь к Себе, устроил все для нашего блага и знает, к чему какое орудие способно. По воле Божией учинилось творение, по воле тварей было падение, а по милосердию Божию мы можем ожидать возвращения или спасения. Блаженны будем мы, когда книга, семью печатями запечатанная, развернется, и имена наши увидим внесенными в число покоривших себя Богу, а не тех, кои, следуя своей воле, отреклись от Бога: Он не познает их, ибо они не были орудиями Его, но самим себе принадлежали.

В прежней лекции говорили мы о раввинской Каббале, и из приведенных в оной доказательств, а наипаче из того, что они не признают Христа и говорят, якобы Он похитил хранившееся во храме Имя Божие, коим все в мире учинить возможно, и тем творил чудеса. Из того, говорю я, мы увидели, что не следует нам завидовать познаниям раввинской Каббалы, и почти утвердительно сказать можно, что она есть ложная, и что предание, от первого человека до Моисея дошедшее, у них потеряно. Однако некоторые называют нам, что сие предание, или сие слово Божие, не исчезло на земле; ибо, что единожды дано Богом, то исчезнуть или истребиться никогда не может. Уверяют, что оно не у раввинов, но что некоторая секта иудейская, известная под именем ессеев и терапевтов, сохранила предание сие, и что оно перешло от них к так называемым розенкрейцерам. Иные утверждают сие тем, что жизнь сих ессеев была сообразна долженствующей быть жизни истинных христиан и что Христос, отвергая все другие иудейские секты, об оной ни слова не говорил; однако сего я ни отвергнуть, ни утвердить не могу, но оставляю на размышление и разыскание каждого. Нам же остается читать Св[ященное] Писание с сокрушенным сердцем и просить от Бога разумения оного. Но чтоб дать некоторое познание о так называемой розенкрейцеровской Каббале, я почерпну впредь некоторые их понятия и изъяснения из выданных ими книг и представлю на размышление слушателей.

Человеки суть орудия Божии, как уже мы прежде сказали. И так, Бог, предвидящий все, некоторых духов особенно благословляет и prepares к некоторому неизвестному действию, по мере которого будет степень их совершенства, как-то в Св[ященном]

Писании сказано, что различные будут степени; иные блистать будут, яко солнце, другие – яко звезды и пр. Почему каждое понятие, служащее ко умножению славы Божией, к просвещению себе подобных и к умножению любви к Богу, для нас нужно. Нынешние же богословы принимают Св[ященное] Писание в словесном или буквальном смысле, из чего выходит великая и важная ошибка; ибо Моисей дал только понятие роду человеческому об истине, но сообщить им оной не мог, яко еще неудобным ко принятию. Главное же основание всего Св[ященного] Писания находится в трех первых главах Библии, о чем впредь говорено будет.

Лекция 10-я, ноября 5-го дня.

Откровение есть двойственное: одно внутреннее, другое наружное (внешнее). Внутреннее есть ощущение и исповедание неизглаголимое Бога внутри сердца, чрез которое Бог усыновляет человека и Сам научает его истине. Внешнее же человек получает чрез опыты и науки, и помощью одного откровения побуждаем иногда бывает ко внутреннему примечанию учащего его внутри сердца гласа, и, наконец, достигает до внутреннего откровения. Всякое откровение получаем мы от Бога. Бог всем открывается, но Его откровения разнообразны.

Первым людям после падения было откровение, касающееся более до наружности, или физики наружной, для их сохранения. Они научены были употреблению огня, букв и хлебопашеству. Без сих трех познаний человек мало или ничем бы не отличался от скотов, или не мог бы сохранить себя; но с помощью сих познаний он себя сохраняет, успокаивает, украшает свой разум и покоряет всех животных своей власти. Начальные, или источные, науки суть лестница, по которой, достигая до истины, научаемся мы познавать нашу слабость и искать внутреннего откровения, которое одно может научить нас истине; почему и самые начальные науки, яко открывающие силу разума человеческого, должны мы почитать откровением Божиим чрез человекoв, ибо они даны нам средствами, побуждающими наше стремление к изысканию исти-

ны или Бога, единой цели разумной твари. Однако сие говорится токмо об источнике наук, а не о тех науках, кои ныне существуют; ибо сии последние суть плоды гордости и надежности человеческой на свои собственные силы. Они затмили истинные первоначальные источники наук, и, возбуждая в человеке самолюбие, надежду на самого себя, и обращая его ко внешности, влекут его во тьму; следовательно, они откровением, которое есть Свет, или дар Божий, почестья не могут.

Некоторые думают, что Адаму, по раскаянии его, осталось откровение, данное ему от Бога до падения его, чрез которое знал он все таинство природы и ее действий, яко нужнейшее средство к охранению и ободрению себя. Многие утверждают также, что сие откровение всегда сохранялось между избранными и что до сих пор оно сохраняется между друзьями Божиими на земле; но что оно сокрывается от дурных или испорченных человеков для того, что они не ощущают раскаяния, и час от часу более от совершенства своего отвращаются: ибо человек не вдруг, но постепенно и падает, и возвышается. Не должно воображать себе, что падение сделалось вдруг, нет: Адам, падши, хотя и погрешил, но, раскаявшись, получил паки силу и средство стремиться к возвышению. Но потомки его время от времени становились хуже: порча сия шла из рода в род и, наконец, человеческий род совсем испортился и отвратился от своего совершенства. Тогда Бог послал пророков и, наконец, Моисея, который дал людям писанный закон, или второе откровение. Сие откровение состояло наипаче в обрядах, могущих обратить человеков к размышлению о сокрытых под обрядами таинствах и к ощущению истины внутри себя. Сие откровение особливо касается до разума. Наконец, третье откровение чрез Христа, коего воплощение, рождение, жизнь и учение, отвращая человека совершенно от внешности, научает его познавать свою ничтожность и искать примирения с Богом чрез жизнь Христову и соединиться с Богом внутри своего сердца. Итак, род человеческий имеет вообще три откровения: 1-е – для чувств, 2-е – для разума, 3-е – для сердца. И каждый человек в особенности может также получить откровение. Одно, помощью внешности, как-то чрез церковную историю и Библию, которые могут поразить его и послужить ему к обращению внутрь себя. Сие называю

я внешним откровением, получаемым чрез прилежание, а иногда, однако ж, имеющим началом своим единственное любопытство. Другое ж называю я внутренним откровением, которое получается молитвою, очищением и любовью. Оно начинается внутренним беспокойством, мучением и неудовольствием на самого себя, раскаянием о грехах, отвращением от зла и прочим сему подобным. Сими средствами Господь prepares человека к принятию откровения, которое есть глас Божий внутри сердца, научающий его истине и учиняющий его Сыном Божиим. Сие откровение есть блаженство и рай на земле, которым мы еще в жизни сей наслаждаться можем, естли отвратимся от внешности, покорим разум и предадимся совершенно руководству Божию. Достигнуть же до сего откровения наилучшее средство есть последование жизни Христовой и исполнение заповедей Его, изображенных во св. Евангелии и Апостолах. Читая оное с примечанием, не оставляйся на едином историческом познании, но ищи внутреннего смысла Св[ященного] Писания, исполняй предписанное Христом и апостолами, и моли Бога, да услышишь внутреннее откровение, да получишь веру, и да усыновит тебя Бог.

Лекция 11-я, ноября 12-го дня.

В последней лекции говорено было об откровениях: какие они? от чего происходят? и как узнавать их должно? Теперь же станем говорить о возможности, нужде и знаках откровения. Нынешние философы, или светские ученые, отрицают внутреннее откровение, говоря, что фанатизм, разгорячая воображение, удостоверяет человека, что он может слышать глас в себе и почитать, что он откровение получает; но мы видали, что и самые фанатики чрез искание, терпение и бесконечные труды доходили до истинного откровения. Итак, мы их оставим с их софистикою, а изыщем, какие суть знаки откровения, и потому рассмотрим: 1-е – знаки внутреннего откровения в человеке; 2-е – возможность, вероятность и нужду в откровении, что самое ложное умствование мнимых философов уничтожит.

Три суть знака внутреннего откровения в человеке: 1-е – в наружной жизни и лице: ибо у того человека, чрез которого Бог делает откровение, и черты отменны; 2-е – в учении, которое отменно от других учений, и, удостоверяя разум, поражает сердце; 3-е – чудеса и пророчество. Сие последнее, т.е. пророчество и чудеса, Бог посылает людям редко. Чудо есть некоторый род принуждения верить тому или другому. Бог же, дав свободу человекам, не делает им принуждения, дабы человек прилеплялся к Нему по собственной воле, а не побуждаем будучи чудесами: почему и не посылает чудес без крайней нужды, разве тогда, когда род человеческий, развратясь совершенно, отступает от должностей своих и перестает чувствовать величие Божие. Тогда-то уже, дабы возбудить чувство человеческое исполнить цель творения и спасти от погибели, Бог, по милосердию Своему, чрез избранные Им орудия делает чудеса, дабы чрез наружность поразить и заставить на себя обратиться и стать паки на путь истинный.

Знаки наружные тех, коих избрал Бог и чрез коих делает откровение, весьма различны. В них видно нечто чудесное, чего, однако, без особой благодати человек проникнуть не может. С самого уже дня рождения их и при обыкновенных правилах воспитания примечается в них нечто божественное, жизнь их наполнена случаями, отличающими их от других людей; черты лица их привлекают; речь проникает в сердце; мысли, изъясняемые ими, суть удивительны, поразительны и новы. От самого юношества они начинают уже чувствовать отвращение от мира, от его прелестей и услаждений, не пресыщаются пищею и сном, получают неведомую любовь, и некое особенное влечение и склонность к Богу, и так, что кроме Бога все в мире им противно и в тягость, и они жаждут единственно соединения с Богом, и ни в чем не обретают спокойствия в мире, так что и в самых приятных чертах из глаз их видна некая неизглаголанная томность, страдание и отвращение от всех мирских сует и забав. Притом, они имеют особенную внутреннюю силу, так что говорят о таких вещах поразительно, о которых и самые великие ученые понятия не имеют. Таковые в науках, до Божества касающихся, пред сверстниками своими невероятно успевают и также неутомимо стремятся к просвещению и исправлению человеческого рода,

как-то, напр[имер] Иаков Беме, будучи сапожником, писал такие вещи, пред которыми самые ученые в удивление приходят, и везде стремился к исправлению человеков; Лафатер, проповедующий учение физиогномии столь поразительно, что всякий должен с ним согласиться, хотя ученые нынешнего века и никакого понятия о сей науке не имеют. Также и еще многие писатели, которые в разных частях своих сочинений все стремление свое обращали и неизглаголемою силою стремились к исправлению рода человеческого, к отвращению людей от сует мира и к возжжению в них любви к Богу. В таких людях примечается чрезвычайность, как в воспитании, так и в духовных силах: они превосходят всякое воображение, так что и догадаться невозможно, от чего силы их умножаются.

Сии люди имеют в себе нечто свыше человечества. Возжены будучи огнем, который как будто силою вихря умножается и, преодолевая все препятствия, течет далее и далее, они не могут уже остановиться, хотя бы и желали того, так как св. пророк Иеремия сказал: «Я не хотел писать, но некий огонь возгорелся во мне»²⁶, или так, как св. апостолы, которые во всю жизнь свою непрестанно побуждаемы быв к действию и учению других для блага рода человеческого, имели в силах своих не человеческое, но нечто данное свыше, которое словам их придавало неизреченную силу и, проникая в сердца слушателей, производило непонятное и чудное действие. Сия сила, сей огонь, или побуждение, есть Дух Свят, действующий внутри сердец избранных, управляющий ими или учиняющий их орудиями «Бога жива»²⁷, чрез коих Он воспитывает и ведет род человеческий к назначенной им цели.

Человек имеет средство получить сверхъестественную силу и внутреннее откровение. Средство сие дано нам в жизни Христовой: последуй ей и получишь откровение. Тогда не обманет тебя воображение, и не только в себе, но и в других возможешь отличать Божескую силу от умствующей. Одним словом: по мере очищения человеческого, любви к Богу, отвращения от мира, любви к ближнему и последования жизни и учению Христову делается ему откровение.

---

²⁶ Иер. 5, 14.

²⁷ Иер. 10,10.

Сим образом примечать можно разность между разумом человеческим и откровением. Были люди, которые из одного любопытства почти чудеса делали; напротив того, были и такие, которые ни о чем говорить не умели, или лучше сказать, для всего были немые, кроме Божества.

Умствующая сила познается, когда при утешающем ум учении, любопытство, сластолюбие, сребролюбие и прочие пороки властвуют во учителе, и учение его остается у ученика только в разуме, а не проникает в сердце. Божеская же и духовная сила познается от равнодушия и твердости и веры в учителе, и тогда учение вкореняется в учащегося.

При сем, надлежит с великим примечанием взирать на жизнь человека, и не по наружности или сладкоглаголанию судить о нем, а по действиям и по оселку, данному нам, т.е. по жизни Христовой; однако ж, не надлежит и того думать, что не следующий путем правды и впадший в пороки никогда исправиться не может. Нет: раскаяние заглаживает и самые высочайшие злодеяния; и самый порочный человек по истинному раскаянию откровение получить может, и не токмо спасти себя, но учиниться орудием для спасения других. Почему наипаче нужно просить Бога, да даст нам силу различать истинное учение от ложного, а на свои собственные силы и опыты не надеяться. Как же впадающий в пороки раскаянием очиститься может, в том послужит нам примером Давид, который подвержен был великим порокам, но чрез раскаяние сделался человеком по сердцу Божию, как говорит Св[ященное] Писание. Но должно заметить, что и раскаянию надлежит быть в такой силе, как у Давида; ибо в Псалмах его ясно изображено, сколь велико было страдание души его, и оно поражает каждого читателя. Кто же, впадши в грех, такового раскаяния не приносит, тот никогда ни почувствовать, ни понять откровения не может. Читая Давыдовы Псалмы покаяния и Книгу Премудрости Соломона, никто не удивится, что они имели откровения и были пророки, из чего ясно оказывается, что, кроме покоренного воле Господней, никто откровения не получит и орудием Божиим не учинится.

Лекция 12-я, ноября 26-го дня.

Три силы составляют, так сказать, нравственное существо естественного человека, или человек имеет для себя тройственные виды: 1-е – деяние; 2-е – способности; 3-е – навык.

К навыку отношу я науки, напр[имер] искусство говорить, искусство писать, петь, танцевать и прочее, принадлежащее к телу. Но кто предается навыку, тот кроме внешних украшений ничего не приобретает, и потерять все может. Разум наш, будучи изошрен бесполезными науками и подкрепляем самолюбием или надеянием на свои способности, увеличивает воображение, которое удобно приводит человека к совершенному добру или к совершенному злу.

По навыку ко внешности, воображение представляет человеку все приятности мира сего; оно льстит слабостям человеческим, зарождает гордость, самолюбие, зависть, злобу, сладострастие и бывает источником многих пороков. Кто привыкнет наслаждаться воображением и дает ему властвовать над собой, тот уже впадает в пороки; ибо первый встретившийся случай доканчивает то, что разгоряченное воображение начинает. Навык отнимает нужные внутренние способности и, угождая внешнему человеку, погубляет внутреннего и пресекает дорогу к будущей вечной жизни.

Но воля наша есть наше добро, которое от нас зависит употребить в пользу и в вечное для себя благо, удаляясь гнева, зависти, клеветы и пр. Воля наша получает силу и над воображением и, не допуская его льстить своим страстям, обращает его на полезное, напр[имер] представляет величество Божие, Его благость, премудрость, милосердие к человеческому роду. Сие размышление раскрывает сердце и возбуждает в нем чувство благодарности и любви к Богу, и производит то, что деяния человеческие, основываясь на доброжелательстве и соболезновании к людям, рождают в нем способности и умножают оные.

Но как целию человека есть вечное блаженство, то и должно каждому помнить, что он был, что он есть и что он будет. Человек в порядке просвещения своего должен уподобляться архитектору, который, приготовляясь строить какое ни есть здание, прежде де-

лает план, потом заготавливает материалы, расчищает место, проводит глубокие рвы и, выкапывая оные до твердой или матерой земли, кладет основание, дабы здание его было твердо и непоколебимо. Человек во временной своей жизни должен устроить для себя к будущей жизни на твердом и незыблемом основании дом или вечную обитель; но как мы будущего не знаем и не можем начертать порядочного плана для вечного жилища, то Бог, по милосердию Своему, показывает человеку в Библии самое покойное и верное расположение вечного дома, в ней начертан весь план к устройству будущей жизни. Читая ее, мы получаем вкус и неизреченную чувствуем сладость, которая обратится после в нашу пользу и вечную пищу. Не камни тленные потребны человеку для вечного жилища, но вера и любовь к Богу, любовь к ближнему и умерщвление плоти. Уподобляясь архитектору, не землю должны мы расчищать, но очищать душу и сердце, и во глубине его положить во основание веру и любовь. На сем-то твердом основании утверждается вечная наша жизнь.

В прежних лекциях говорили мы, как Бог сотворил духовное и земное; говорили мы о шести эпохах или шести днях творения; как Бог сотворил свет; как сотворил две материи, живое и мертвенное, или Свет и мрак; говорили, что первый человек сотворен, как и все животные, но что после Бог вдунул в него дух или «душу живу»²⁸. Из сего можно заключить, что есть в человеке искра Божества и что он при сотворении своем был так невинен и совершен, как Бог; говорили также о трех его эпохах: о сотворении, падении и возвращении.

Человеческое состояние тройственно: 1-е – до обращения; 2-е – во обращении; 3-е – по обращении.

В первом, человек обращается от Света к мрачности (мертвенности), отвращается от Божией воли и предается своей собственной. Во втором, т.е. во обращении, кается и страдает, вспоминая прегрешения свои, и время от времени, раскрывая более сердце свое, он видит внутренними очами беззаконные свои деяния, и в нем возбуждается совесть, которая угрызением своим более обращает его к покаянию. В третьем состоянии, т.е. по обращении своем, человек идет уже к вечной жизни и к соединению с

---

²⁸ Быт. 2, 7.

Богом; но когда человек умрет до обращения, то душа его соединится с вечною тьмою (диаволом).

Нынешние философы смеются и не верят тому, что грешник, раскаявшийся при последней минуте жизни своей, может получить равное прощение от Бога с тем, который, согрешая в жизни своей, беспрестанно раскаивается и оплакивает свои злодеяния. Но может ли человеческое умствование проникнуть в милосердие и суд Божий? Один вздох и одна капля слез, вырывающаяся с верою из глубины сердца, может быть действительнее многих слез и воздыханий. Разбойник распятый со Христом, служит нам верным сему примером. Впрочем, мы не должны отметать постепенных состояний и в будущей жизни, что суть мытарства или чистилища, в которых каждый человек, по мере грехов своих и по силе покаяния, очищается. Сам Христос сказывает: «У Отца Моего обители многи суть»²⁹. Но да не отлагает никто покаяния своего ни на одну минуту для того, что никто не уверен в каждую, не последняя ли она в его жизни? И всякий ли при смерти своей будет иметь силу веры и раскаяния одного разбойника на кресте?

Проходя историю жизни человеческой, можно заметить, что преподаваемые науки без христианства во зло и смертный яд обращаются. От самого малейшего семени зла часто возрождается великое и непреборимое зло; напр[имер] человек, живучи в уединении или между дикими непросвещенными, ежели имеет пороки, то они открыты, и таковой не знает науки прикрывать оные видом добра; но живучи в большом свете, чрез ложное наук просвещение человек преобразается. Ложные сии науки открывают ему хитрости, чрез которые он тайно злодействует; напр[имер] в Париже Ришелье³⁰ и Мазарини³¹ с полмиллиона людей погубили, прикрывая себя снаружи честностию. Грубого и открытого грешника всегда видеть можно, и потому всегда можно предпочесть лицемеру: хотя они и оба равны в беззаконии, но первый, будучи открыт, вреден для себя и не может уловить в сети свои другого; а лицемер для того и сам себя обманывает, чтоб удобнее ему было обмануть других. Должно заметить, что таковые открывают себя

---

²⁹ Иоан. 14, 2.

³⁰ А.Ришелье (1585-1642) французский кардинал с 1622 г.

³¹ Д.Мазарини (1602-1661) французский кардинал с 1641 г.

в четырех свойствах: 1-е – в мыслях, 2-е – в видах, 3-е – в словах, 4-е – в деяниях.

1-е. Худые мысли зарождают и худые желания; ибо в воображении, так как и выше сказано, суть первейшие семена нашего согрешения. Те, которые оскверняют помышления свои, обыкновенно бывают робки, стыдятся там, где нет причины к стыду; они сами чувствуют гнусность свою, и сие-то самое причиняет в них ложный стыд. Описание сего мы видим у евангелиста Матфея, гл. 15, ст. 19: «От сердца бо исходят помышления злая» и пр. Следовательно, кто любит чистоту сердца своего, тот бережется злого воображения. Сам Христос сказал: «Аще око твое соблазняет тя исткни е»³².

2-е. В видах своих: грубый грешник бывает дерзок, бесстыден, нагл, легкомыслен, груб, соблазнителен и явно отметаает закон Божий. Таковых св. апостол Павел описывает в Послании к Галатам, гл. 5, ст. 15 и далее: «Блюдитесь, да не друг от друга истреблены будете» и пр.

3-е. В словах: такие люди обыкновенно клеветуют всех, хвастают, ругают, насмеваются над ближними своими, лгут, клянутся и призывают без страха и ужаса Имя Божие во свидетельство. Они делают всякие кощунства для того только, чтоб других рассмешить. О таковых говорит пророк Исаия, гл. 3, ст. 8: «Иудея паде, и язык их со беззаконием, не покоряются Господеву» и пр. См. Прем[удрость] Сол[омона] гл. 2, ст. 7.

4-е. В деяниях. Таковой человек бывает необуздан, и делает все то, к чему желание влечет его. Он думает о настоящем времени, им наслаждается и никогда не мыслит о Боге и вечности, Псал. 9, ст. 4: «Таковые изнемогут и погибнут от лица Господня».

Лекция 13-я.

В последней лекции говорено было о мыслях и воображении. Станем продолжать разговор наш и в сей лекции о той же материи, ибо она чрезвычайно много важности в себе имеет, потому что все наши пороки и слабости, можно сказать, получают начало свое или

---

³² Матф. 18, 9.

семена от злых помышлений и воображения. Они питают в нас гордость, развращают нас и поселяют в сердца несправедливые заключения, которые потом с трудом истребить можно. Они корень всех наших пороков и слабостей; ибо то неоспоримо, что замаравший мысли свои и воображение сластолюбием, гордостью и пр., при всяком удобном случае сластолюбив, горд и порочен будет: одним словом, всякая порочная мысль хранится у нас, как в кладовой, и при всяком удобном случае в действие производится. Напротив того, чистая мысль и воображение не подвержены пороку. Они наполняют человека любовью к Богу и доводят до совершенного исправления. Одним словом, воображение в человеке есть орудие, которым он может довести себя в сей жизни до ощущения небесных удовольствий или адских мучений и расширить радиус истинных познаний своих. Хотя говорят некоторые о воображении, что оно обманчиво и лживо и ничего верного в себе не имеет, но сие несправедливо: оно есть первая наша сила, и в нашей власти состоит употреблять его в добро и худо. Где оскверняется воображение гордостью, любомощием, сребролюбием и прочими пороками и нечистотою, там царствует диавол, и тогда оно ложно; но чистое воображение приносит человеку райские удовольствия. Итак, человек, имея мысли свои чисты или нечисты, защищается или подвергается порокам, и может учинить себя святым или проклятым человеком, или скотом, живым или мертвым.

Многие спрашивают: какая есть главная пружина в человеке, им действующая, и к чему она более влечет его? О сем есть разные толки. Но нынешнего времени философы, как-то Гельвеций и пр., полагают главною причиною в человеке корыстолюбие или интерес во всех отношениях, другие – честолюбие, иные – гордость или любочестие, что, однако ж, все относится до своекорыстия; одним словом, каждый из них судит о пружине действий человеческих относительно к своим испорченным чувствам; делает о том ложные заключения и всегда порочную причину действиям нашим приписывает. Таким образом, противореча друг другу, каждый утверждает свое мнение не сходственно с милосердием Божиим, ибо человек, хотя и утратил совершенство свое, но не совсем его истребил, и образ Божий есть в человеке, только заключен или закрыт в нас плотию и беззакониями, якобы корою.

Христианин, или истинный философ, зная, что человек есть истинный образ Божий, удостоверен, что в образе Божиим не может быть порочной пружины, действующей им, и потому уверен, что все до корыстолюбия, гордости или других пороков касающееся, быть пружиною действий его не может. Почему ищет другой пружины и находит, что все человеческие действия стремятся к расширению своих совершенств и что расширение совершенств чрез воображение есть та тайная пружина, которая Творцом дана человекам для побуждения их к достижению сокрытого в них падением совершенного образа Божия. Во всяком человеке есть сия пружина к совершенству, или воображение, которое расширяет способности и умножает оные. Человек, имея силу сию, обыкновенно начинает исправляться сперва в организации, потом любопытством укрепляет и обогащает память, полезными науками расширяет силу разума, очищает ум, воспламеняет воображение добром и любовью к Создателю, распространяет радиус познания в должностях своих в рассуждении Бога и ближнего, доходит до своего сердца, к исправлению и очищению которого обращает, наконец, все свои способности, и в нем находит совесть или путеводца, который доведет его до того совершенства, куда он стремится. Одним словом, рассмотря без заблуждения все деяния подобных себе, человек удостоверится, что истинная пружина действий человеческих есть стремление к расширению совершенств своих, что философ исполняет, ведая то, а невежда исполняет, не ведая того, яко слепец.

Суть такие, которые остаются при исправлении одной только организации, а далее способности свои не расширяют; сему злу причиною бывает худое воспитание. Младенец, хотя и имеет уже в себе семена совершенства, но ежели поведен будет ложным путем, ежели память его отягчать ненужными и бесполезными знаниями, ежели воображение его приучать к одним безделкам и ко внешним украшениям тела, то семена совершенства будут подавлены тернием и никогда не произведут желанного плода.

Женщины, можно сказать, бывают душою целого государства, а потому и воспитываться должны бы были с особливим рачением; ибо они готовятся к самым важным должностям. Но у нас, напротив того, о воспитании их никакого рачения не имеют,

и всячески стараются истреблять совершенство и нужные в них дарования: обыкновенно приучают их к украшению одной только наружности, не помышляя о внутреннем исправлении. Мужчины, со своей стороны, лестными похвалами их прелестей, много также развращают нравы женщин, забывая то, что они сотворены для их блага в здешней жизни. О! Естли б воспитатели со вниманием вникали во все должности, определенные женщинам самою природою, то бы увидели важность и пользу их воспитания. При самой их юности должно стараться внушить им главные четыре правила, из коих упущением единого нарушается порядок и спокойствие целого семейства: 1-е – быть достойною женою во всех отношениях; составлять приятность и спокойствие жизни мужа; облегчать труды его; кротостию, благонаравием и приятным обхождением умягчать сердце его и услаждать его горести, неминуемо связанные с гражданскою должностию; уметь быть своему мужу истинным другом и в случае надобности уметь подавать полезные советы. Благополучен тот муж, который по отправлении гражданских должностей находит успокоение в своем доме и услаждение в дружбе жены своей. 2-е – весьма важная должность женщины быть матерью; произвести человека или угодного Богу, или угодного диаволу; ибо расположение матерних чувствований имеет на младенца сильное влияние, напр[имер], ежели женщина имеет чистое воображение, то мысли ее непорочны и деяния согласны с законом Божиим; младенец прежде еще рождения своего получает ее склонности, и естли воспитанием не заглушать влияющие в него дарования, то он будет угоден Богу; напротив того, ежели женщина ложным воображением оскверняет свои мысли и питает в них гнев, мщение, зависть и т.п., то младенец прежде рождения получает в себя яд сей; каждая страсть матери проводит грубую черту на лице младенца. Такогого трудно или и совсем невозможно воспитанием исправить: он уже буден угоден не Богу, а диаволу. 3-е – должность хозяйства. Порядок и умеренность одного дома бывает спокойствием не того только семейства, но разливается на целое государство; ибо как порядок и умеренность удобны исправить, так противное тому легко может развратить целое государство. 4-е – должность общежития. Женщина, воспитанная в целомудрии и

благонравии, не только приятность и невинные удовольствия может производить в обществах, но и одушевить оные. Самые развратные и грубые нравы удобно покоряются благонравию и добродетели женщин.

Итак, все сии должности надобно вперять при воспитании; но как начало совершенства нашего происходит в мыслях, а пружина оных есть воображение (ибо без него мысль не может действовать), то должно приучать его к полезному и давать ему пищу. Природа есть неисчерпаемый для воображения источник, из коего мы можем нужную и полезную получать себе пищу; от него зависит временное и вечное благополучие человека.

Познав сию истину и зная, что воображение и мысли наши суть источники совершенства или несовершенства нашего, потщимся учинить их чистыми; наполним их любовью к Богу, сладостию, истекающею из добродетели; приучим их заниматься Богом и Его совершенствами; возбудим спящую совесть в сердцах наших; последуем ей во всех путях и тогда можем удостовериться, что мы обретем сокрытый в нас образ Божий, и достигнем паки до потерянного нами совершенства.

Лекция 14-я, декабря 17-го дня.

В первой лекции о мыслях и воображении говорено было, что источник несовершенств наших есть несовершенство наших мыслей. Во второй полагали мы, что как мысли суть источник всех совершенств и несовершенств наших, то для приведения их, помощью воображения, в порядок или гармонию, нужно, кажется, молодых людей упражнять в словесных науках, в музыке, в живописи, и занимать их гармониею природы, которая красотою своими, привлекая чувства человеческие, делает их нежнейшими и удобнейшими к чистой любви, и приводя в приятное восхищение, заставляет примечать действия природы, приводит их в удивление порядку оной, возвышает их мысли до источника природы и, наконец, воспламеняет в них чистую любовь к Богу. Замечатель действий природы имеет средство от одного листоч-

ка или травки распространять свои понятия и о прочих натуре действиях, ибо коренные ее законы одинаковы, хотя и в разнообразных действиях нам представляются.

Занимаясь упоминаемыми мною познаниями, человек расширяет радиус своих совершенств, чистит воображение и мысли свои, ибо не допускает чрез сие вкорениться в них злым источникам падения и несовершенств наших, как-то: сластолюбию, сребролюбию и гордости, или неправильному самолюбию, а наполняет оные чувствами чистой любви и приучается взирать с удивлением на совершенства природы и ее источник. Стремление к совершенству есть коренное побуждение всех человеческих деяний и причина, побуждающая их к совершенному усовершенствованию; почему, зная сию истину, и надлежит при воспитании юношества употреблять ее в пользу. Надлежит ведать, притом, что, исключая гордости, самственности и сладострастия, все другие коренные побуждения служат к истинному благу рода человеческого; но мы ими не пользуемся, и сами в себе их заглушаем, заботясь в воспитании нашем более о приведении в совершенство организации, нежели об усовершенствовании вышних и внутренних сил, или чувств, наших, кои суть: воля, разум и вкус, оставляемые нами без внимания, которые, однако ж, быв причиною счастья и несчастья нашего, наипаче бы воспитываться в нас должныствовали.

Сие-то воспитание производит нужную стыдливость, лучшее украшение человечества, а наипаче женского пола. Оно научает нас обширному познанию наших должностей и вкореняет в сердце наше семя временного и вечного блага, т.е. религию.

Воображение дает нам некоторый луч света; подобно как засвеченная свеча в закрытом фонаре показывает вперед нам дорогу, так и воспламененное воображение открывает или указывает нам путь к истине, а иногда дает нам еще и в сей жизни ощутить благо, ожидающее чистые сердца в будущей жизни. Но к сему потребно чистое воображение и никакими мирскими сладостями и пороками незамаранное; ибо луч, ведущий нас к блаженству, должен быть ясен и воспламенен любовью к Богу.

Итак, из всего сказанного следует, что надлежит употреблять в пользу с самой юности коренное наше побуждение к расширению совершенств наших и что причиною зла, по большей

части находящегося в мире, есть небрежение о том. Лучшее ж к тому средство то, чтоб, начиная с организации, возвышать совершенство зрения и слуха нашего (Матф[ея] гл. 5, ст. 27, 28, 29 и гл. 6, ст. 21, 22, 23), которые суть первые источники доброго вкуса. Вкус же, приведен будучи в совершенство, возрождает в чувствах благородную стыдливость, которая есть наилучший друг наш, остерегающий или отвращающий нас от всякого зла, не допускающий замарать наше воображение и мысли и приводящий нас к познанию должностей наших в рассуждении Бога и ближнего, и к восчувствованию истинной религии в сердце, которая единая есть истинный ключ, отверзающий нам двери рая и дающий ощутить и насладиться Богом, и тем самым распространять радиус совершенств наших вышних, или внутренних, и бессмертных чувствований.

Лекция 15-я, декабря 31-го дня.

В прежней пред сим лекции говорили мы о воображении, что оно есть источник всех добродетелей и всех пороков, что оно удобно ввести человека во Свет, удобно его возвысить; но в противном случае, естли оно не очищено, может ввести человека во тьму и его унижить; говорили, что все наши нравственные совершенства зависят от употребления нашего воображения; говорили о том, что сколь нужно возвышать чувство зрения и слуха и что воображению должно давать беспрестанно пищу.

Теперь станем говорить об употреблении воображения. Оно есть коренная наша сила. Оно есть уста души нашей, чрез которые мы вкушаем познания духовные и нравственные.

Воображение есть двойственное: одно вкушающее, другое зрительное. Естли мы с прилежанием разбирать будем следствия, происходящие от вкушающего и зрительного воображения, то увидим между ними великую разность. Вкушающее есть ненасытимо, и чем более удовлетворяется, тем более алчет, напр[имер] зрительное воображение, взирая на цветущие луга, на чистые источники и на зеленеющие рощи, услаждается зрением и, удивляясь

совершенству и стройности природы, величает и прославляет тем Творца вселенной; но вкушающее воображение, смотря на те же самые луга, источники и рощи, не может чувствовать иначе услаждения, как присвоением всего одного себе. Оно беспрестанно желает и приводит человека к несчастью. Древние называли зрительное воображение платоническим, а вкушающее – скотским. Св[ященное] Писание сказывает, что человек есть существо, поставленное между двух кругов, т.е. между Светом и тьмою, и от него зависело быть в том или другом круге.

Бог, сотворив первого человека, запретил ему вкушать от древа добра и зла, но не запретил, однако, зреть ему во всю природу или в оба круга. Итак, ежели бы первый человек не предался, по совету диавола, вкушающему воображению и не вкусил бы от запрещенного древа, то он бы не пал; но довольствуясь зрительным воображением, насыщался бы всем тем, что Бог, по милосердию Своему и по неизреченной любви к человеку, ему предоставил.

Главная должность человек узнать самому в себе разность воображения. Если оно обращается к духовным познаниям, стремится к Богу и в Нем живет, то душа чрез Него и в здешней временной жизни наслаждается истинным благом, и время от времени более и более расширяет в себе зрительное воображение. Если ж душа чрез воображение стремится к элементам и в них живет, то тогда усиливается уже вкушающее воображение. Оно зарождает в душе желания, которые время от времени умножаются и чем более удовлетворяемы бывают, тем более алкают. Кто почувствует себя в каком элементе, тот то и запрещать себе должен, напр[имер] в огненном элементе бывает человек властолюбив, желает приобретать чины и все то, что власть его увеличивает. В водяном и воздушном человек бывает склонен к сладострастию и ко всему тому, что услаждает его внешнее чувствование. Итак, должность человека состоит в том, чтоб воздерживать себя в главных своих страстях, и тем отнимать силу у вкушающего воображения, ибо оно жадностию своею приводит человека к совершенной гибели.

Лекция 16-я.

Многие философы разделяют сердце на 10 кругов, так как 7 планет, представляя его наподобие планет, как будто улитку; в седьмой степени представляли Солнце, и еще три круга, а именно, где посреди – Сам Бог или Святая Святых. Солнце называли пламенным мечом, коим ангел отгоняет. Мы все свойства чувствуем, которые приписываем планетам. Чувства в человеческом сердце представляться должны, как лестница, глубже чувств вводимая, пока мы в планетах; но всякая дает нам страсть, следовательно, и сладость. Все же сие в желании и исполнении страстей – яд и горечь, но до тех только пор, пока двери в сердца затворены; когда слошим их, тогда будет борение. Мудрые называли сие женитьбою Софии. Перелом сего борения поддерживается великим трудом. Некоторые стихотворцы называли сие млечною рекою, чистою и нечистою, огненною рекою, которая очищает, и когда очистится, тогда есть совершенное соединение с духом; но когда не переплывет мытарств душа наша теперь, со элементами соединенная, то после переплыть должна. Которые в жизни соединяются с духом, те называются высокопросвещенными, и те, которые в рай перешли, те в милости у Бога, а ежели не перешли, то Люциферу служили.

В самой внутренности сердца представлен: 1-е – престол Божий, как будто храм, до которого доходить должно постепенно в Δ : к сему приступ чрез крест; 2-й круг представляет Божие величество и Бога во славе: Иакову апостолу говорил Бог во Свете; 3-й круг называют небесною тинкгурою, или Христом в человеке, врата, корень жизни. Тогда София даст небесную тинктуру. Сей переход столько велик, что понятия о сем иметь не можно: сие есть во внутреннем человеке, а наружный человек, как солнечное сияние в нижних планетах и в верхних.

Мы уже говорили, что два порока, любомщение и своекорыстие, и пр. дают вышние планеты, а нижние дают сладострастие и пр. Унижают же человека три степени: первая – гордость; другая – самственность; третья – властолюбие. Философы называют астральными, т.е. умственными склонностями, кои мы темпераментами называем. Влияние Света духу – в темперамент астральный. Планета огненная есть холерическая; водяная – флегматическая;

кои к сладострастию склонны, те из флегматического темперамента, а кои поднимаются выше, те воздушного; меланхолики – земного. От нашего-то воображения зависит или в огонь, или в воздух, или в воду, или к Богу, ежели мы хорошо направлены, преклониться. Мы получаем от рождения те склонности, которые от планеты влияние в нас имеют; ибо кто под какую родился планетою, такую и склонность получает. Что мы почитаем воображением, то от влияния планет нам дается. Счастлив тот, кто под элементом земли и воздуха родился. Элемент огня служит к самственности, ибо он имеет в себе ложный свет: холерики всегда ложному свету следуют; в нем мы видим тирана. Сангвиника трудно разделить с холериком, но он, так как воск, любит сладость и всем хочет нравиться и приятен быть. Флегматик сходствует с сангвиником, который не имеет приятности в низких сладострастиях.

Душа или сердце человеческое в десяти степенях представлено; душа по страстям место имеет или в планетах, или в Боге. Воображение тройственно, или в элементах, или в возврате назад, или в самом Боге. Те склонности, в каком элементе душа при рождении получила, она воображает различные элементы, из коих родятся темпераменты. Меланхолик, будучи темен и труслив, принимает [не] всякий свет, а особливо Божеский. Холерик доволен собственным своим светом. Флегматик лениться слушать. Сангвинику нужен страх, ибо он не трус. Темперамент сангвинический есть лучший: диавол мало к таковому прикасается, и Бог имеет более влияния в воздухе. Огненных или холериков трудно исправить, разве Бог; они редко пороки имеют, а ежели и имеют, то скрывают оные в себе, и редко принимают наставления от других, а надеются на самих себя. Но по смерти состояние их страшно; в нраве своем имеют нечто отвратительное.

Душа наша получает воображение по свойствам элементов. Холерический темперамент называют меланхолическим, сангвинический – холерическим, флегматический – сангвиническим. Меланхолики любят науки, которые прибыльны; холерики – которые делают независимыми; сангвиники – приятные, как-то: нравоучение, нравственная философия; флегматики – мелкие, как-то: стихотворство, живопись и прочие сладостные науки. Души наши способны воображать другие темпераменты.

Лекция 17-я.
Изъяснение некоторых слов,
употребляемых учеными, а именно:
«а приори» (a priori)
и «а постериори» (a posteriori),
аналитически и синтетически.

«А приори» (a priori) знаменует, когда кто что знает по собственной догадке или по собственному своему разумению; «а постериори» (a posteriori) знаменует познание вещи по опыту; одним словом, «а приори» принять можно в смысле, яко за предыдущее познание, а «а постериори», яко за последующее, напр[имер] религия относительно к вечному нашему познанию, есть «а приори»; ибо она ничто иное есть, как предыдущее средство к вечному нашему благу и приготовление к будущим утвердительным нашим познаниям.

Врачество, яко наука, основанная на опытах других, которые прежде в ней упражнялись, есть познание «а постериори». Некоторые утверждают, что сей полезной науке ангелы учили предков наших и что от них она перешла к нам.

Аналитическое знаменует раздробительное, а синтетическое – предположительное или присоединительное. Все наши познания суть «а приори» – аналитические, а «а постериори» – синтетические, напр[имер], когда я раздробляю какую вещь в уме или рассматриваю оную во всех подробностях, то сие называется аналитическое познание; когда же я вижу и знаю действие токмо какой вещи, не входя в раздробление, от чего действие сие происходит, а утверждаюсь только на своем или чужом опыте, то сие называю синтетическим познанием. Некоторые новейшие философы, возобновляя древний материализм, утверждают, что человек подобен скоту, и все свои доказательства на то берут оттого, что взирают на него по одним только наружным чувствам. Они уподобляют человека клавибордам, в коем клавиры знаменуют внешние чувства наши, струны – внутреннее ощущение от внешних вещей на чувства действующих, а тон – разум, который есть отскакивание

или результат внутренних ощущений. Но спросим у них, кто и что такое в нас, которое звуку внимает? И что такое, которое без помощи действия вещей на внешние чувства, получает идеи и познания? И что такое, которое делает иногда нам предчувствие о том, что сбыться долженствует? И что такое, которое младенца, не имеющего опыта, заставляет краснеть при некоторых его действиях? Одним словом, столь много доказательств имеем мы о некоем внутреннем сверхчувственном в себе чувствии, что стоит только несколько минут рассмотреть себя с прилежанием, чтоб в оном совершенно удостовериться. Почему положительным образом скажем, что человек имеет двойственное чувство, чувственное и сверхчувственное. Чувственное имеет столицу свою в мозгу, ибо все понятия наши суть в мозгу нашем, и что, когда мозг у человека растает, то ясно ничего понять не может; сверхчувственное имеет основание свое в сердце, в коем ощущаем мы грызение совести, предчувствие зла или добра, стремление к чему-нибудь неизвестному, одним словом, все то, что от внешних чувств или причин, видимо действующих в них, произвести не возможно.

Итак, человек выходит тройственное существо, составляющее единицу или целого человека, а именно: он есть духовное, умственное и материальное существо, или сии три свойства один в себе имеет; так что два коренные, как-то: духовное и материальное, соединенные третьим, т.е. умственным, заимствующим от обоих, и которое по силе своей, т.е. по воображению есть сила умственности, учиняет человека или разумно-духовным или разумно-скотским.

Но, чтоб достигнуть до сверхчувственного чувствия, т.е. учиниться разумно-духовным, то надлежит совершенно поработить внешние чувства; почему древние мудрецы и предписывали ученикам своим воздержание в пище и побеждение прочих внешних чувственностей, дабы тем способнее дойти до внутреннего чувствия и умственную силу покорить ему. Св[ященное] Писание проповедует также воздержание и говорит, что человеку невозможно служить в одно время двум господам, т.е. чувственному и сверхчувственному чувству, или Богу и мамоне; а основываясь на сем, думать можно, что посты во всех религиях предписаны в рассуждение сей причины.

Вера есть оживление или воскресение сверхчувственного чувства в человеке, а воображение есть так, как отверстие или дверь, чрез которую, яко чрез силу умственную, человек войти может, или действовать или воскресить то или другое чувство, или тот или другой принципий, или круг, в себе, или Свет или мрачность, или добро или зло, и тем соделаться или чувственным или сверхчувственным, мирским или духовным, сыном Бога или сыном диавола.

Древние изображали сие так: что человек имеет два глаза, духовный и материальный, которые вместе видеть не могут; но чтобы один видел, то надлежит другой непременно закрыть. Однако и тогда не скоро увидеть можно то, чего желаешь; ибо при начале и тогда все, как мрак или хаос, или смесь кажется, и долго надлежит приучаться держать закрытый материальный глаз и действовать силою умственною или воображением в духовном глазе, чтоб видеть оным совершенно ясно.

Человек при сотворении своем определен был довольствоваться аналитическим образом, а не синтетическим, или вкусительно. В лекции пред сею говорено было, что человеку воображение его позволяется иметь зрительно, а не вкусительно, а синтетическое есть запрещенное древо, от коего и ныне должны люди остерегаться; но должны всего искать в себе, яко в малом мире, где оба круга или оба принципия суть, и соединяются в умственной нашей силе. Одним словом, естли захотим мы сделаться таковыми, каковы мы при начале сотворены были, то ни к чему внешнему не должны прилепляться, но аналитически познавать себя, и тогда уже к сему познанию синтетические познания присоединить, т.е. внешние действия и познания ко внутренним познаниям относить.

Мы имеем внутри нас разум, который есть середина, пункт между двумя принципиями, коего сила, внося внутрь нас вещи внешние и действующие на чувства, творит их яко существительными, и сия сила есть наше воображение, которое по употреблению нашему может или погубить нас или сделать навсегда блаженными, соединить нас или со Светом или со мрачностью, и учинить нас сынами Божиими или сынами диавола.

Публичные лекции

Лекция I-я.

Августа 17-го 1782-го года.

При словах, кои мы выговариваем, надобно поверить и исследовать в себе: имеем ли мы о них понятие.

Например, говорю кому: «Я люблю»; но знаю ли кто Я, что Я и пр.

Например: мы называем Авраама патриархом, но что такое патриарх, а он был владетель, царь, вел войну; то о сем всем испытание при каждом слове должно быть.

Равви, мы перевели: учитель; но слово сие у евреев значило доктора или богословия, или медицины.

Отцы церковные говорили: «Примечай, чувствуешь ли ты совершенное омерзение к слову Я, когда его говоришь. Покуда думаешь: я постился, я молился, ты в погибели; естли ж Богу все приписываешь благое, то на истинном пути».

Истинный химик есть тот, который постоянное делает летучим и летучее постоянным; ибо химик во всех экспериментах своих наконец доходит до двух фундаментов главных материи: твердость и жидкость. Или постоянное и летящее.

NB. Стоики и эпикурейцы происходят из Пифагорова училища, но весьма удивительно разнствуют.

Пифагор употреблял совершенно египет[скую] сист[ему]. Она чрез природу и человека возводила к познанию Бога, почему и должны все были учиться химии, или науке соединения и рассоединения.

В первой степени упражнялись у него в испытании природы.

Во второй – в познании духов или метафизике.

Эпикурейцы, до другого класса не дошед, на грубом основании физики остановились, и произвели разное с другими учение.

Пифагор учил, что человек сотворен для получения высочайшего блага; целое упражнение его в том должно состоять.

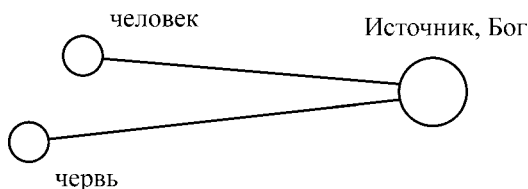
Текст печатается по рукописи «Публичные лекции профессора Иоанна Георга Шварца, записанные со слов его» (НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 142).

Что есть то, что называют *инстинкт*, всеоживляющий дух, всепроникающий тонкий огонь, который все ведет к его определению; то в человеке стремление все иметь есть от Творца полученная дирекция.

Изъяснение о действии наука для примера.

Элементы производят миллионы тварей, то Бог нас посылал, чтобы мы всякий по своему классу получил понятие о вселенной; и так чрез наши семь врат, или чувства, вливает нам представление о всей вселенной: то как чувства различны, например рыбы не видят красного, а мы видим, [то] наши чувства различно нам вещи представляют. Природа есть зеркало, а мы его зрители. Есть разные зеркала и они даются по нашим чувствам. Всякий по-своему видит, но нашими чувствами нельзя судить о пауке, паук видит в своем круге миллионы вещей, коих мы не видим. То существо одного класса о чувствах другого судить не может; то мы их инстинкта не знаем, а наш знаем.

Представляю Бога непостижимым, считаю дерзостью о Нем рассуждать; как мне сказать, что в Солнце есть теперь война, но легче знать, что в Солнце делается, нежели о Боге. Бога нам по человеческому разуму понимать нельзя, однако Бог хотел всяким существам, сколь они снести Его могут, хотел сообщить.

Великие физики открыли, что некоторые птицы радуются природою и благодарят Создателя пением.

Бог писал Свои образы, по коим Его свойства мы разбирать можем, сии портреты суть ангелы, духи, в коих Бог является, Священного Писания начертание.

Материальный мир, так как гипсовое изображение Бога; духовный, так как живописное, Рафаилово¹ искусство, представляющее Его.

---

¹ Рафаэля.

Христиане чистите зрение и читайте Откровение.

Когда мы видим цветы не расцветшие, то посмотрим, когда расцветут; так и в человеческом духе, хотя красота вся еще сокрыта, однако, очистив зрение от страстей, будем видеть образ Божий.

Лекция II-я. 24-го августа.

План наш был показать различие между стоиками и эпикурейцами, одни смотрели на человека как [на] физическое существо, другие как на духовное.

Сие различие и ныне существует между православными и вольнодумцами.

Стоики говорили: «Размышляй: хотя бы и тысячу раз ошибался, однако после многих ошибок усилишься и будешь отличен сим от скотов».

Авторы весьма хорошо сравниваются с питиями: иные из них так, как вода, другие так, как вино, третьи – как спирт; одним чтение ничего более не приносит как расслабление, другие укрепляются.

Мы опытом видим, что французы, стараясь разжидить учение, его расслабили; но стоики, сжимая себя, заставили размышлять.

Советуется молодым людям заниматься твердыми, а не жидкими писаниями. Дабы после из насажденного желудя возрасти в великий дуб.

Смотри Эпиктета «Энхиридион»².

Предмет целого стоического учения был духу прежнюю его свободу возвратить, и освободить его от тиранического владения материи.

Они полагали, что Высочайшее Существо есть Единица, есть Высочайшее Добро; мы многие эпитеты имеем, изъясняя божественные свойства, а все называем: Бог; но они называли: *Добро*, *Благо*. Сие Высокое Существо произвело 3 класса духов. 1-й –

---

² Эпиктет (ок. 50 после 120) римский философ, крупный представитель Поздней Стои, сохранились его 4 книги «Бесед», «Руководство» («Enchiridion») и фрагменты.

совершенно добрые и называли их Боги; под сим не называли Само Высоч[айшее] Существо, но разумели другие, от Первого произведенные существа. 2-ой класс называли они стремящийся к добру. 3-й же класс полагали они свободными выбирать или зло или благо. Все есть части Единицы. Они полагали, что трудами из 1-го во 2-й класс перейти можно.

Так как Высочайшее Добро не могло произвести неподобное Себе существо, то они, так как и христиане, полагали прежде случившееся падение.

Что души падшие посылаются для чищения; и Бог дает им полную волю выбирать то или другое.

Все, кои рождаются в дурных владениях, суть из худших душ рождаются, дабы друг друга исправили, ибо добрый злодея исправлять не может. Но клин клином выбивается. И сим злым дает провидение таких и государей; сластолюбцам дает такой вкус, чтоб они видели свое падение в пожирающих болезнях и пр.

Там, где другие секты видели беспорядок, они видели противное. На сем основано их положение, что мнение есть в нашей воле.

Эпикурейцы напротив полагали, что материя имеет силу чувствовать, что сия чувствительность начинается в магнетизме или эластической силе, и, наконец, возвышается от инсекта³ до животных и до человека, а в Сократе и Платоне совершенствуется.

Стоики говорили: «Человек различное от материи существо. И хотя привычка покоряет, но он властелин привычек».

Эпикурейцы говорили, что навык человека зависит от воспитания; ибо образ мыслей зависит не от человека, но от предметов в него впечатленных.

Естли б сие правда, то мы бы имели причину жаловаться на провидение; но «да не будет»⁴.

Между новыми, очень близок к стоикам Томазиус⁵.

Всех философов учение основывается в сыскании верховного благополучия.

Спрашивается, в чем состоит высочайшее человеческое благо?

---

³ Насекомые (лат. insecta).

⁴ Исх. 20, 3.

⁵ Х.Томазиус (1655-1728) немецкий философ и юрист.

1) Меж вещами встречаются именование и чины. Смотреть на тех, кто сие имеют, не желают ли они еще чего? Они желают и весьма алчнее еще.

Гордость. Место имеет в челе.

Сластолюбие. В животе.

Скупость. В сердце.

Гордости и сладострастия следствия видим, но скупости скрыты. Мы ищем всегда соединения; соединяясь с чем-нибудь, ту вещь оживляем. «Где будет именование ваше, ту и сердце ваше»⁶.

2) Нет и благополучия в славе и честях.

Розенкрейцеры выдали описание XV века. Максимилиан⁷ приказал всем стараться о исправлении своего века; они предлагали ему сие средство, и сделали аллегорическое описание, будто век в хорошем платье с красным лицом пришел к ним запыхавшись. Они спрашивали его, для чего он в столь хорошем виде является; он отвечал, что старались его нарядить; а, раздевшись, показал, что он весь в струпьях; но как излечить его не могли, то раздумянили.

Состоит ли оно (благо) в друзьях, в здоровье, в знании?

Лекция III-я. 31-го августа.

Философы спорили о том, в чем состоит человеческое благополучие.

1) Богатство, хотя его всюду ищут, не есть благо потому, что оно подвержено различным беспокойствам.

2) Слава и честь его не имеют.

Апт говорит, что Линней⁸, при написании истории животных,

---

⁶ Деян. 4, 32.

⁷ Максимилиан I (1459-1519) император Священной Римской империи. В период его правления в Германии наблюдался расцвет гуманистического движения. Европейскую известность получили идеи Эразма Роттердамского, Эрфуртского кружка гуманистов. Он оказывал поддержку искусствам, наукам и новым философским идеям. Его жизнь была описана в аллегорическо-эпической поэме XVI столетия «Feuerdank».

⁸ К.Линней (1707-1778) знаменитый шведский естествоиспытатель.

ставил львов в класс кошек, можно также героев славных причесть к классу разбойников.

3) Учителя, благодетели, законодатели, естли они не из любви к Высочайшему предпринимают свои действия, истинного блаженства не вкушают.

Честолюбие и пьянство совсем сходны потому, что оба беспрестанно алкают своего пития.

В человеке есть врожденное побуждение, которое хотя и тихо, но проповедует истину и честолюбца обличает.

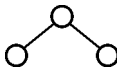
Во всех тех вещах, кои нас оскорбляют, благополучия нет.

4) Дружество, но и там нет блага, потому что в нынешнее испорченное время истинного друга найти не можно; ибо должно, чтоб в обоих лицах духов должна быть совершенная гармония, и может токмо быть между окончившими путешествие духами.

Взирание на Бога: то, что в физическом мире сотрясение, коего твари долго сносить не могут.

Сколько лица разны, столь различно наше отстояние от совершенства.

Сходства нет здесь ни в чем. NB.

В тех, кои гораздо

далее нас, дружбы не сыщешь по скрытому нашему самолюбию.

Дружба может только быть от 15-ти до 25-ти лет, доколе страсти еще не начались и не усилились.

Грызения бо совести начинаются тогда, когда наши познания увеличиваются, сие есть благодать Творца, что просвещение наше по степеням сообщается.

5) В независимости и свободе.

В уединении получил кто склонность к садоводству и к охоте, но другие соседи ему в том мешают.

Пороки-мучители всюду с нами.

6) В здоровье.

Без знания, без мудрости, без равновесия оно не может быть продолжительно, не дает здоровое тело оживляться духу и ведет к болезням; ибо всегда дух действует на концах наших нервов.

Болезнь доставляет нам способы войти во внутренность, чего здоровый не имеет.

7) Мудрость, познание, просвещенный разум, который цену

всего знает, не подвержен заблуждению и торжествует над прочими благами, и что на сем земном шаре все тленно.

Когда мудрец другие вещи знает, должен знать себя, а сие знание весьма неутешительно; он кругом себя и в себе видит тление.

Сверх того, что при знании нельзя еще иметь способность действовать; то доколе человек токмо разумеет, а не инстинктом добро имеет, то сие знание больше мучительно, нежели утешительно.

Истинная мудрость: *испытай себя*.

Познания спокойства не дают, но мучают тем, что чувствуем мерзость свою.

Для того смежаем глаза, чтоб чувства внешние не мешали ощущать в нас Бога.

Лекция IV-я. 7-го сентября

Прежде, нежели мы дойдем к мудрости, мы еще нечто пропустили, в чем мужество находит свое благо.

Сие по латыни называется *decorum*, или все, что составляет приятную и выработанную наружность. Ибо человек, украшенный ею, всеми сердцами владеет.

Прежде ласкает, уловляет наши чувства или страсти, владеет сердцами знатных особ. Двор Людовика XV так настроен был, что нельзя было не такого к нему отправить, кто не имел сих достоинств. Вельможи и красавицы по сходству своему их любят. Люди, кои сие имеют, к размышлению не способны, их дары преходящи и скорому разрушению подвержены.

Высочайшее благо некие философы к некоторой вещи относят; другие говорят, что оно в собрании всех вещей.

Наружные: богатство, чины и пр.

Телесные: здоровье и наружность.

Духовные: познание, дарование, мудрость, совершенство разума и совершенство воли.

Истинная мудрость по наружным знакам достигаема не бывает; она у Бога и дается чистым сердцам без их старания и есть сама сущность.

Мы ее не знаем и не говорим о ней, но о наружной мудрости.

Говорят: сладко вникать во внутренность природы, отдаляясь от наружности. И такой сам собою доволен и в темнице не заключен. Сие описание лестно. Но посмотрим сих людей в них самих.

Однако они имеют недостатки и под маскою добродетели скрытые пороки. Они заняты делом, убегают пороков, но желают подданнического повиновения нетерпеливо; ибо самое упражнение в труде располагает к гневу, проквашивая желчь и удаляя от радостей позволенных. Всегдашнее отдаление от людей не позволяет им доброго в людях видеть, они себя токмо чувствуют; они подозрительны и горды, на все окружающее взирают с презрением; завистливы, к вещам круга своего алчны. Сверх того, поелику тело наше машина, требующая всегдашнего движения, но они, не имея его, живут тягостно и заимствуют нравы других. Или очень грубы или весьма чиновны, ругая тех, кои их не уважают.

По сим причинам далеки они от благополучия.

Например: Вольтер, бывши при дворах обожаем и сам придворный, но при дворе прусском грубостью и завистью сделал себя несносным.

Ученый, имея благополучное воспитание и обращаясь в других кругах, не избежит осквернения, так как Соломон, мудрейший из людей. И сии люди редко доходят до познания самих себя.

Павел ясно сие показал, говоря: «Естли я глаголю языки ангельскими»⁹ и пр. То, естли они не питают любви, несчастны весьма.

Ибо человек в круге своем испытующий и соравняющий гораздо ближе к общему смыслу. Он не простирает радиус свой далее своего круга.

Итак, внешняя мудрость не имеет блага.

Их всегдашнее упражнение: с собою все желают привлекать к их центру.

Хотя по пользе их должно прощать им некоторые их болезни.

Добродетель. Стоики говорили, что добродетель есть чистота, а пороки – скверна души. Но как мы рассматриваем благополучие в здешней жизни, а не в будущей.

Требуя всегдашнего на себя примечания, ограниченность разума нашего нас обманывает.

---

⁹ 1 Кор. 13, 1.

Мы физическим образом носим казнь за грехи родителей, ибо из гнилой бутылки гнилое и лиеся.

И сии несчастные великую трудность имеют быть добродетельными. И всегдашним бодрствием должны доходить к добродетели.

Но напротив, добрых родителей чада, имеющие инстинкт к добру, упражняясь в добре, не имея покойных наружных обстоятельств, должны терпеть гонения, зависти и нападения. Ибо во всех действиях злодей, видя в нем своего врага, готов к его гонению.

То сколь человек ни просвещен, но человеческими чувствами без оскорбления сносить не может, хотя стойки и полагали в страдании благо, но сие относительно к другой жизни.

Следовательно, добродетель есть терпением усыпанный путь к благополучию и средство.

Следовательно, здесь блага нет и мы сотворены к страданию и должны сказать с стойками, что жизнь сия есть темница.

Но да не представим мы Отца нашего тираном и мучителем. Здесь есть благополучие!

Что в добродетели его нет, мы видели также и в услаждении.

Но рассмотрим, что все проходимое нами дано нам в казнь или ко удовольствию, и умеренное употребление разве невозможно.

Все сии средства с умеренностию спасительны.

А выше всего есть любовь разумная к ближнему.

1) Единица.

2) Те, кои самодобры. Каббалисты называли их первые три Зефироты, Творцы миров – Боги.

3) Стремящиеся к добру – полубоги.

4) Стремящиеся еще к добру, сделавшие к нему навывк, имеющие собственную способность себя творить.

5) В материи еще находящиеся, другими творимые.

Лекция V-я. 14-го сентября.

Источник истинного блага есть любовь. Ненависть и любовь то, что в физическом мире отражение и привлечение. В страстях, в самолюбии, во гневе и пр. примечаем горькое, кислое стеснение.

Но в чувстве любви мы как растопляемся, услаждаемся и те-
ряемся совсем в другом существе.

Для чего же человек к ней не прилепляется?

Потому что гнусные страсти имеют на себе маску самолюбия.

Древние представляли природу ☉.

Любовь называли они стремлением к средоточию и гармониею
всей природы.

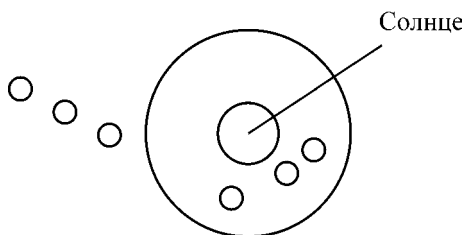
Но когда некие части от него отдаляются, тогда делается в це-
лом круге нестройность.

Добро и зло и их сражение нам всегда видимо; но откуда оно,
спорят философы.

Самолюбие есть успокоение на собственном своем средото-
чии и желание сделаться центром всех существ, а неисполнение
сего – противное досады источник.

Три дщери самолюбия – сладострастие, сребролюбие и чес-
толюбие, убийцы истинного нашего блага.

Система мира нашего

Всех 15 планет и еще 60, кои другим путем идут – кометы.

Солнце – сердце, а прочие члены. Все сии есть человек в
другой форме.

*Платон*¹⁰ полагал высокую добродетель в восхождении
души к Отцу и Источнику своему чрез умерщвление всех чув-
ственности.

---

¹⁰ Платон (427-347 до н. э.) – великий древнегреческий философ, вобрав-
ший в себя всю ученость своего времени: греческую, пифагорейскую, еги-
петскую, индийскую и отразивший ее в своих диалогах.

*Эпикур*¹¹ полагал материю вечною, что смерть необходимый закон природы и не есть расстройство; учил умеренному услаждению.

*Зенон*¹² различествует от Платона тем, что не токмо ослабление наружных чувств, но совершенное умерщвление их требовал.

*Аристотель*¹³ сходные с правлением дела называл добродетелию.

Лекция VI-я. 21-го сентября.

Мы имеем особым предметом историю философии.

Но как первый предмет философии есть нравственность, то мы и будем ее держаться.

О нравоучении философов, желая познать, должно изведать их принципы.

Главные источники, из коих черпали философы, были понятия о Боге, о человеке и о природе.

Когда сие изыскание не для того чинится, чтоб лучшими сделаться, то есть суетно.

Наружные вещи не составляют человеческого благополучия; мы нашли его в любви разумной: но дабы сие знать, надобно принести некое познание, елико философу возможно о Создателе. Не говоря о откровении, а о одном философическом понятии.

То мы из природы, из творения, из свойств, кои в нас и вне нас, сие показать потщимся.

Любовь есть желание соединиться с любимым; самолюбие – к себе все соединить.

---

¹¹ Эпикур (341-270 до н. э.) древнегреческий философ, его этическое учение основано на разумном стремлении человека к счастью; цель жизни отсутствие страданий, здоровье тела и духа; познание природы, ее законов освобождает от страха смерти и суеверий.

¹² Зенон (334/3 262/1 до н. э.) древнегреческий философ, родоначальник философии стоиков.

¹³ Аристотель (384-322 до н. э.) древнегреческий философ и ученый-энциклопедист, основатель перипатетической школы.

В слове Бог понятие есть, что Он – Высочайшее Благо, в коем никакого недостатка нет. Он есть источник Света, дающего всему существование. Он есть неизвестная причина всех известных действий.

Главнейших мнений философов о сем Существо было три:

Эпикурейцы полагали, что сие Существо есть необходимое следствие вечных движений; они говорили: материя имеет вечную силу привлечения и отражения, следовательно, разум и воля есть результат вечного движения материи в нас и в целой природе.

Все, что мы чувствуем есть звук.

Другие полагали, что есть вечный дух, действующий по вечным, а не по своим законам, но по воле рока или судьбы.

Можно некоторым образом позволять людям быть прежде размышляющими философами, а потом христианами; ибо Христово учение нечистому человеку непонятно.

Мы прежде говорили, что вся вселенная жизнь имеет, яко и планеты, и звезды. Сего и в себе сыскиваем, яко судию всегда осуждающего или награждающего, коего невозможно ничем изгнать. Он даровал людям понятия о духах и о всем к их благу относящееся.

Что есть разумная любовь и что есть гнев или самолюбие, равно смысловые слова.

Египетское учение, бывши источник, еще осталось у герметических философов и остается теперь в Италии и во Франции и в других.

Без чтения сих философов не понятно ни эпикурейское, ни стоическое учение.

Полагали, что всякое нравственное свойство, какое бы оно ни было, имеет физическое свое свойство.

Например: любовь происходит из Света, что они химически показывают, то сия материя Света, так как кубический камень и основание природы есть.

Свет
Любовь

Тьма
Гнев или самолюбие

Мрачностью они разумеют кислоострогорькую сжимающую силу, из коей 4 элемента получили начало, и что материя есть са-

мовольное сгущение, что она концентрирована и густа, то сие происходит от некоего самовольного и противоборствующего духа.

Свет   ⊖   Соль,   △   Сера,   ♀   Меркурий,
                         Земля,   Огонь,   Вода.

В расширенной материи Света Высочайшее Существо любви действует.

А во тьме дух злой, стягивая ее и сжимая, тиранствует.

Человек по падению облекся в сию густую тьму.

Земля	Огонь	Вода
Сребролюбие	Честолюбие, властолюбие	Сластолюбие
Меланхолики	Холерики	Сангвиники

Источников 4. Всех добродетелей источник – Свет; самолюбие и гнев есть стяжание; духи падшие расширенно плавать не хотели, но сжимались, желая сами творить.

Знать разумную любовь, знать Свет; и по сему научимся познать человека, и что в человеке какая часть тьмы более господствует.

4 темперамента.

1) Темперамент Света, который в совершенстве кроме Христа никто не имел.

Герметики обучают, что человек есть магнит; и от него зависит камень свой внутренний так изготовить, что он наполнится материею Света, и из дикого, мрачного очистится.

Холерик чем более удовольствует властолюбие, более материи гнева имеет.

Так называемый флегматический темперамент не есть вода, но гнилость. Хотя истинный флегматик есть истинный человек.

Темпер[амент] 2. Меланхолик или земля, и к земле привязанный – сгущенный.

3) Холерик – огонь всепожигающий.

4) Сангвиник – вода; где она течет, такой и вкус имеет.

Все нравственные или метафизические свойства имеют принципы в материи, и суть ее отсвечивание или блеск.

Свет – магнетическая, все живящая сила, все оживляющая, есть любовь; и потому молодые люди к ней склонны, поелику еще не страдали; а самый добрый от страдания делается ожесточенный и мизантроп.

Материя мрачности или начало огня, ибо из него все элементы происходят; ибо и земля есть сгущенный огонь и вода тоже.

<u>Теплота</u> Свет	<u>Холод</u> Мрачность
<u>Любовь</u> Все добродетели, разные виды любви	<u>Гнев</u> Все страсти, разные виды гнева

Расширение материи и утончение есть благословение.

Сгущение и стягивание – проклятие.

Лекция VII-я. 28-го сентября.

Мрачность имеет тройственный вид: огонь, воду и землю.

Человек есть магнит, который привлекает к себе то, что хочет; и бывает землелюбив (или сребролюбив), водолюбив (или сластолюбив), огнелюбив (или честолюбив).

Предложено учение о пифагорическом числе десяти.

Прежде существовавшее творение всего каббалисты называли Энсоф ① – источник всего. Так как герметически полагают в творении первого дня вышнее и нижнее – духовное и земное.

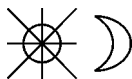
Вода $\triangle$
Земля ∇ Дух

Дух носился над водами и все творение есть род/вид воды. Три вещи существовали прежде 6-идневного творения: вышние воды, духи нижние, твердость, что пифагорейцы в сем ① трояком

---

¹⁴ Быт. 1, 3.

показали: «Рече Бог: да будет Свет»¹⁴; сим показали Свет и мрачность,

или две силы природы, действующей и страдательной, которую называли схоластики *Natura Naturata*. Действие природы вообще мрачность, осязаемость. Все элементы могут расширяться и сжиматься. От сей мрачности происходит гнев, самолюбие, самственность, под правосудием или под законом – Элогим, Иегова.

Свет, дух, сила

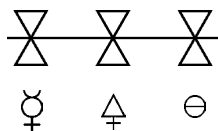
Нравств[енность].

Любовь.

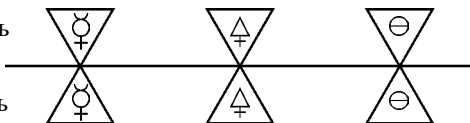
Царство Сатаны (Светоносец).

Царство Христово (податель – Источник Света).

Число пифагорическое три

Света – меркурий, сера, соль

Тьмы – меркурий, сера, соль

То говорили пифагорейцы, что любовью, раскаля наш уголь, привлекаем царство Божие; самолюбием привлекаем царство Сатаны. Внутреннему меркурию приписывали они волю, силу исполнительную, действующий дух духовного человека в природе, а наружному ♀-ю – электрическую материю или первую воду.

△-е вышней приписывали разум, все понятия умственного человека.

⊖ -ли вышней – жизнь, или душевный человек, чувства.

Духовный человек – электрическая сила или первая вода (со-весть). Умственный человек – огонь, стремление к совершенству (общий смысл). Душевный – рождающая сила (вкус).

Земной или душевный человек – меланхолик, любит покоиться и жить; память превеликая, осязаемость.

Холерический или душевный – стремление к деятельности.

Духовный – хорошие стихотворцы.

Число 4, они говорят о стройном мире, в котором Сатана, падение Сатаны, 4 элемента:

▽	сластолюбия	▽	любви	△	любви	△
вода		земля		воздух		огонь
2		4		1		3

Воздушный темперамент есть [в] разумной любви.

Главное правило герметиков: познать, как действует вышнее на нижнее и тогда быть благополучным.

Лекция VIII-я. 5-го октября.

Герметики и пифагорейцы полагают первоначальными причинами элементов:

<u>Любовь</u>	<u>Гнев</u>
Свет	Тьму

И систему темпераментов так изъясняют:

Свойства нравственные лежат в первоначальных элементах и от них происходят.

Чистые темпераменты в нашем нынешнем состоянии не су-

ществуют, но суть все смешения; поелику все ныне находится и рождается в беспорядке.

Естли бы в одном человеке всех темпераментов было поровну, то бы из сего хороший флегматический темперамент произошел. Но таких или мало, или совсем нет, а в каждом всегда один есть владеющий темперамент.

8. – 8. – 8. Такая стройность должна быть в чистом флегматике.

вода огонь земля Сей есть сангвинический холерик.
9. – 8. – 7.

вода огонь земля Сей есть меланхолический сангвиник.
9. – 7. – 8.

Первый источник происхождения сих темпераментов приносим мы с рождением. В юношестве бываем сангвиники, в мужестве – холерики, в старости – меланхолики; и, смотря по прехождению и отношениям, заимствуем то или другое.

Холерик открывается поздно.

При гневе сангвиник краснеет, а холерик бледнеет.

И наружные обстоятельства весьма участвуют в перемене темпераментов.

Сангвиник ищет любви от тех, коими окружается, и настоящим, а не будущим довольствуется.

А холерик, не мысля о близких к нему, ищет в отдаленных местах и вещах своей славы.

Богатство помогает сангвинику.

Рождение знатное и таланты – холерику.

Бедность и нужда часто делают меланхолика.

В сангвиническом темпераменте владеет чрево и душа туда переселяется. Главная его добродетель – temperancio, умеренность.

Холерический темперамент $\triangle \triangle$ желчью владеет, мозгом.

Меланхолик $\ominus$ владеет в самой внутренности, в сердце, в бальзамах жизни.

Сангвиник к чувственным наукам способен.

Холерики – к философии и трудным наукам.

Меланхолику свойственны науки памяти, история, медицина.

Сангвиник из заблуждения скоро выводится; меланхолик – с трудом; холерик – единими честолюбивыми пружинами.

Сии четыре темперамента сравниваются с 4 скрытыми струнными звуками.

По сим разным темпераментам и кости, и соки, и чувства различны.

В сангвинике кровь красная, части мясистые, руки длинные, оклад лица круглее. Сердце на языке.

У холерика кровь багровая и гуще; взор устремленный прямо. Мелан[холик] – взор коварный.

Главные нравственные свойства:

<i>Скотина.</i> Сангвиник.	}	Сладострастие, болтовство без размышления, пустословие, сказколюбие. Расточение, уклончивость, раболепие, трусость, нетерпение, пиршествование, пьянство, праздность, леность, вспыльчивость, мягкосердечие, сладострастные услуги, изобретение.
Воспитывать должно вкус их.		
<i>Дьявол.</i> Холерик.	}	Упорство, пышное мотовство, дает подаяния из честолюбия и из досады и любомщения, презрение, желание владеть другими, яростная дерзость, стоическая нечувствительность, бережливость, наглость, рассуждение, изобретение средств, следствий, особое познание дальновидностей и сердца человеческого.
Воспитывать разум. Нижнего класса диавол.		
<i>Каналия</i> Меланхолик.	}	Притворство коварное, лживая скрытность, подозрение, безмилосердная скупость, дурацкая гордость, самодоволие, надмение, тиранство, враги женскому полу, ревность, тайноубийца, завидлив, злорадостен.
Воспитывать сердце.		

Лекция IX-я.
19-го октября.

Последний раз полагали различные причины темпераментов.

Главные источники суть физические, или сложение тела, или климат, или различные состояния жизни.

Чувственность есть порок сангвиников; ибо они желают всегда наслаждения; исправляется сангвиник очищением вкуса и введением в него гармонии.

Холериков главный порок честолюбие или желание властвовать; они исправляются внушением и возбуждением человеколюбия.

Меланхолик тяжек, прилеплен к земле; но когда сердце их очистится религиею, тогда они делаются светилами мира.

△ в разуме порочен, ∇ в чувствах, ▽ в сердце.

Твердые части у сангвиников нежны и не столь связываются плотно как у холерика; упругость и эластическая сила – сотрясательность не столь действительная и меньшая, нежели у △.

▽ У меланхолика твердые части сухи, немного упруги, прямы и кости тонки, рост изрядный, внутренне к сотрясению способны, но в эластической силе недостаточны.

Читая историю, примечать должны темпераменты целых народов, например: персы и афинейцы были сангвиники. Римляне – холерики, голландцы – меланхолики. Первые, после великих притеснений, одним веселым праздником усладясь, все забывали; но римляне требовали во удовольствие свое крови и смертных приключений.

△ Твердые части крепки, напряженны, упруги, в соках владеют серные и масляные части. Огонь; нервы нежны и весьма сильно напряженны, весьма удобны к сотрясению; чувства живы; от чего имеют живые представления и при всех делах рассудком владеют; весьма скоро по старым вещам скучают.

▽ Нервы грубы и весьма сильно натянуты, сходны с холериком, токмо тем разны, что у того нежны, а у сего грубы; трудно понимают, память имеют сильную и что понял, то не забывают. Соки землянисты.

▽ Имеют весьма нежные, но не натянутые нервы, и по тонкости своей имеют весьма тонкие звуки; не столь живые как у холерика, не столь продолжительны как у меланхолика; способны к стихотворству и к любви; общие соки водянисты, солонны.

△ Сангвинико-меланхолики имеют нервы толстые и не сильно натянутые; твердые части ослабленные; ленивы, трудно понимают и скоро забывают.

*Связи, смешения и действия темпераментов
в разных обстоятельствах.*

Есть государства, где сангвинический холерик столь же нетерпим, как яд; но в других государствах сей же человек есть друг добродетели и успехи человечества по различию воспитания разнятся и темпераментами.

△		▽		▽
24		24		24
		∨		
8	—	10	—	6
9	—	12	—	3
7	—	13	—	4

Сангвиники и меланхолики доле живут, нежели холерики.

Сангвинико-холерик в сравнении с элементами есть водяной огонь ☆. Нравств[енность]: сангвиник стремится к услаждению, холерик к честолюбию; довольно имеют снисхождения, приятности, мягкости, склонность к спокойной жизни. Но честолюбие борется и не допускает их пасть в сие усыпление; их любовность дает им право приобретать сердца; умеренность показывает их добродетельными. Огонь дает им силу и решимость; и сей темперамент дает то, что обстоятельства требуют. Алцибиад¹⁵ есть образец сего темперамента. И когда вкус его исправлен и возвышен, когда живет он в добром государстве, тогда он святой. Но естли примеры ему худы, то он зол и гнусен; о будущем не беспокоится, прошедшее для него исчезло, настоящее живо чувствует и пользуется.

Лекция X-я.
26-го октября.

Разбирательство в познании знаков, отличающих доброе сердце от злого, есть следующее:

¹⁵ Алцибиад (Алкивиад, 451-404 до н. э.) афинский государственный деятель и полководец.

Добрым сердцем часто называем мы мягкое сердце, но в сем ошибаемся; ибо тот, кто женоподобно мягкосердечен, не есть добросердечен.

Вообще мы полагаем доброе сердце в соболезновании о других, в снисхождении, в услугах, в неудовольствии самим собою и в желании себя совершить, в желании исправления; в некоем спокойном и смиренномудром расположении чувств; в готовности к приятию благих советов; в внутренней твердости, в надежде на невинность, в готовности всегдашней предстать пред судию. Главный знак – спокойство и доверенность Творцу.

Противным образом: злое сердце познается в самственности, в решительном самолюбии, которое и на лице представляет презрение к человечеству, неограниченное упорство, уничтожение к делам другого. Главный знак – беспокойство, недоверчивость и подозрение.

Главный знак доброго есть тот, когда мы делаем увещание без грубости, дружеское; раскаяние его и любовь к исправляющему другу.

Злое при всяком увещании делается ядовитым; ибо оно при представлении о его дурноте гниет, и гнилость сия до тех пор продолжится, доколе не изблюет.

Добрый при друзьях своих в погрешности своей робок, раскаян, он любопытствует весьма узнать свои пороки.

Люди, которые тонко стараются заслуживать похвалу, показывают, что они чувствуют свои недостатки.

Лекция XI-я. 2-го ноября.

*В чем состоит доброе сердце;
как оно и как злое сердце познается.*

Рассматривая, что значит слово «сердце», понимаем его нравственно. Физически сердце понимается, яко источник всех действий жизни и ее центр, пружина движения и целого механизма, сила эластическая, нудящая все к движению.

Мы говорим о нравственном смысле или значении сердца. Человеку, приписав *разум и волю*, определяем разум яко зеркало или фонарь, осиявающий все вносимые в нас вещи; большой разум производит действие яко великий светильник; малый – яко слабая лампада. Сие зеркало находится в мозгу.

Волю философы полагали в сердце, яко определительницу наших действий и часто смешивали волю с сердцем; есть люди, рожденные с испорченною волею; другие полагали волю в ближайших к сердцу грудных частях; Священное Писание волю называет часто сердцем; но другие внутреннее чувство, которое всякий может примечать, называли сердцем.

Разум есть сила, освещающая предметы; а воля – сила их или избирающая, или отвергающая.

Предчувствие же будущего нашего состояния, или инстинкт наш, есть особое от разума и воли чувство, и потому есть единица между двумя, корень наш, к коему все стекаются; еще некие отделили от всего сего совесть, или соведание наших дел. Хотели приять ее, яко синоним с добрым сердцем.

Спрашивается: что есть сердце и которое из сих упомянутых оно? Я называю сердцем внутреннее сие чувствование или переход понятий от физического сотрясения нервов в духовный мир или к силам нравственного человека, самого человека. Для сего *советуется читать Мальбранша*¹⁶.

Примечающий видит в себе тройственное чувств отскакивание или сотрясение. Мы чувствами понимаем, разумом понимаем, сердцем понимаем. Одно, когда чувствуем, тогда часто другое о другом судим, третье же гораздо позже то ощущаем, что первые уже иногда и оставили.

Для того я сердце называю внутренним чувством, а не волею и совестью, что часто мы ощущаем то, чего еще не избираем. Совесть яко портрет наших нравственных деяний; чувства действуют наружным образом, а совесть яко книга следствий, их в себя записывает и содержит.

Сия внутренняя чувствительность или воспитанием, или темпераментом получает различные способности, различную упругость; и елико она просвещена, толико удобрена и воля.

---

¹⁶ Н.Мальбранш (1638-1715) французский философ-метафизик.

Человек, живущий в Персии между гнусными сатрапами, где человечество страдает, сей человек, хотя бы и добр был, осуждая сам, им следует: ибо испортил уже волю свою. Из сего следует, что разум волю не исправляет, но еще более дает ей покрывал для утаения ее дурноты. Но внутреннее чувствование исправляет волю.

Человека с добрым сердцем называем того, у коего внутренняя чувствительность, яко прямые радиусы относятся к совести ☸ .

Худой человек противно понимается ☹ . Человек с добрым сердцем сходен со всею гармониею природы; худой сходствует сам собою.

Говорили мы, что доброе сердце познаем мы, видя человека благожелательного, расположенного всегда к добру ближнего, которое с своею потерю найти для других старается.

Человек, делающий себя средоточием, судящий все по себе, наполненный самственностью, меряющий все по мере своих страстей, не трогающийся страданием других, с злым есть сердцем.

В нравственности суть многие оттенки, но должно тонко быть судимо, дабы не лишит человека лучшего его сокровища, назвав доброго злым.

4 орудия, данные нам благим Творцом:

1) Есть боль.

2) Совесть.

3) Любовь к себе, отличающаяся от самственности.

4) Любовь к ближнему.

Сии четыре наши спасители.

Боль: при самом искусном строении нашего тела, где миллионы пузырьков, когда б не было стража, который бы сообщал о опасности, невозможно бы нам долго жить. Например: в простуде, когда гниение входит в нас, боль вопиет, просит помощи, все соки прибегают к отогнанию и неприязненное гниение отражается. Боль есть страж, защищающий против физических врагов; то, что она в физическом, то совесть в нравственном. Когда болезнь [не] опаснее, то боль меньше становится. Бог дал нам для познания физического зла боль; для познания морального – совесть.

Любовь к себе, или стремление к нашему совершенству, возбуждает нас к деятельности. Сие есть движение в себе, производящее совершенство и стройность вне.

Любовь к ближнему есть как правитель или полководец, ведущий нас к Богу.

Лекция XII-я. 9-го ноября.

Всякая философия, которая все извиняет, все хочет разуместь, которая людей смущает, и свет их, хотя слабый, однако ведущий к благу, разрушает, есть подозрительна.

Но напротив: всякая философия, которая учит чищению и вниманию ко гласу совести, побуждает иметь к себе достойное уважение; ибо она делает род человеческий лучшим. Она хотя не вступает в тончайшие изыскания отдаленных подробностей и не силится доказать их, однако истина ею постигается. Народ, пленяющийся новостями, хватающий и переменяющий вещи, показывает варварство свое; но истинно просвещенный народ утверждает на тех видах, кои суть столпы блаженства, а не детского воображения странных вещей виды или предметы.

Есть умы, кои боятся знать истину, удаляются от нее, опасаясь увидеть мерзость свою; а сим отдаляют токмо средства целиния и запускают болезнь.

Творец, послав нас в жизнь, несчастьями и страданиями наполненную, дабы мы научились, вкусив горькое, познать сладкое, ибо видим, что люди, рожденные в богатстве, многого не чувствуют. Он дал нам оружием: 1) Боль, дабы мы жили умеренно и не повергались в скотские пороки; дабы мы могли бодрствовать о нашем здравии и противиться вредному влиянию элементов, отвращая гниение. 2) Совесть, чтобы внутреннею своею нежностью и чистотою показывала, какие действия марают человека и делают вечное пятно [на] духе. Она яко боль духовная, купно с телесною, принуждает нас к блаженству. 3) Любовь к себе, или стремление к совершенству, служит проводником и пружиною к путешествию по дороге терновой. 4) Любовь к ближнему яко образ Вышнего Господа. Мы будем проходить о свойствах двух сих последних.

Свойство любви к себе: скромность, твердость, ревнование, умеренность, мир в себе.

Главные свойства любви к ближнему: доброжелательство, справедливость, человеколюбие, благодарность, искренность и религия.

Любовь к себе делается часто гнусным чудовищем и употребляется, яко означающее порок самственности.

Стыдливость и скромность, некоторое благородное подозрение о совершенствах есть знак любви к себе и средство к достижению любви к другим. Она толико ж мила, как добродетельная красавица в домашнем своем платье.

Но самолюбивый горделивец сравнивается с кокеткою развращенною. Он, не примечая других, подавляет всех рассказами о самом себе. Он приносит всегда себе кадило и дышит своим фимиамом, не бывши способен к добродетелям.

Доброе сердце отдает достоинствам прямую цену, имеет ревнование уподобиться им, старается ночь и день превосходить их.

Злое сердце завидует ближнему.

Сила есть первое свойство доброго сердца. Спокойствие и мир душевный или вкус мудрости – высокая степень совершенства. Быть довольным своим состоянием знак есть всегда доброго сердца.

Лекция XIII-я. 23-го ноября.

Философы говорят: чем ближе которая из планет к Солнцу, тем грубее, чем далее, тем чище.

Свойства доброго сердца относительно к любви к ближнему: правосудие, доброжелательство, искренность, религия.

Свойства злого: скрытность, коварство, зложелательство.

Мы другими дышим, другими живем, то и должны быть благодарны к тем, кои из утробы матерней брали о нас попечение. Творец сим благодарным и стремящимся к пользе других даровал сладкое чувство, кое яко некий бальзам разливается во всей нашей внутренности, и самые горькие слезы сострадания производят приятное услаждение.

Лекция XIV-я. 30 ноября.

Светское просвещение ограничивает токмо пороки или прикрывает их масками, не истребляя их корня.

Поступки так называемых варваров явны, и их пороки также; но просвещенные народы, скрывая яд пороков, гораздо опаснее и более варвары.

Науки, соединяясь с религиею, прогоняют пороки, делают нас подобными духам небесным.

Свойства, кои дает религия сердцу человеческому.

Три рода людей.

1) Подражают другим в религии, сами ее не чувствуя.

Некоторые, имея религию, кощунствуют, но в сердце о сем содрогаются.

2) Лицемеры.

3) Истинно имеющие религию.

Человек, имеющий религию, опасается и мыслить о грехе; не позволяет страстям играть собою.

Напротив другой сии мерзости в себе носит, наполнен сладострастия или других пороков.

Наружные знаки, по коим они отличаются: [у] вторых суть дерзость, наглость, бесстыдство, нерачительное безрассуждение, легкомыслие и пр.

Напротив у первого *в мыслях*: знак стыдливости, недоверие к себе, сопутствие совести, изыскание нет ли и в взорах других оуления нашего, и хотя страсть в нем хищник престола, но не утвердившийся еще владелец.

В словах скромность есть знак религии, любовь же к клеветам есть упражнение злого сердца, осуждение, присягание во лжи и частое, безрассудная наглость, услаждение в слышании зла о ближнем.

В делах законы, справедливость, правосудие их не удерживают, и когда случай дал им имение, они его употребляют для сладострастия, власть для гордости, дарования для честолюбия. Главнейший знак – отвращение от исправляющего их слабости, что доброе сердце приемлет.

Опаснее сих суть лицемеры, как Кромвель, Сикст V или Магомет; у сих около сердца лежит окаменелость, коя не допускает их войти в себя. Сими ужасными чудовищами губится род человеческий; ибо они под маскою закона суть злые демоны и воины, защищающие царство Сатаны.

Поступки сих людей с врагами своими открывают их намерения. Человек с религией имеет свои степени.

Он имеет на лице некоторое спокойствие, некоторую невинную радость; сердце его Духом Святым раскаленное, более черноты не имеет; ибо грехи его уже омыты; он есть образ Божий, светящий своим лицечертанием; не видно на лице его отталкивающих искр сладострастия, зависти. Лицо его скромно, воздержно и приятно; язык его обуздан, не хулит, не грозит, говорит тогда, когда должно для исправления своих ближних; ошибки и погрешности чувствует с раскаянием, власть, счастье и дарования употребляет для ближнего. Гонения и обиды сносит и молит горячо за врагов; внутреннее его соединение с Богом и огонь любви делают ему смерть не страшною.

Лекция XV-я. 7-го декабря.

Мы, рассуждая о добром сердце, и приписав его имеющему религию. Почему мы говорили сие о рожденном в христианстве человеке. Но как мало еще стран христианских; а большая часть мира сего света не имеет еще; однако свет природного богопознания горит у всякого.

Священное Писание называет благочестивыми тех, кои возрождением омыли грех или природный темперамент переменили; а злочестивыми тех, кои в нем остаются и коснеют.

Взирая на исправленные и совсем испорченные народы, видим силу воспитания их.

Но после самого грубого человека и самого лучшего скота, миллионы еще разностей находятся.

Но, входя в рассмотрение, увидим заблуждение тех философов, кои о том утверждали; ибо из опыта видно, что самый готтен-

тот знает о бытии Высочайшего Существа, имеет сердечный закон правосудия и справедливости, выключая те тонкие отношения, кои и мы Евангелием получили, и чрез науки и общества их открыли.

Чем более умножается стечение страсти, тем более расширяются законы.

Когда мы рассматриваем о сих естественных чувствах: то должны судить их естественное добро, их расширения, их религию, наружная ли она или внутренняя.

Когда христианская религия внутренне расширилась в V и VI-м веке, пришло желание народам переселиться с юга на север; сей причины никто не усмотрел.

Остроумие есть искусство играть подобия и представлять такие отношения, каких нет.

Высочайшие нравственные склонности суть умеренность и скромность.

1-я к телу, 2-я к духу – к ближнему непристрастное человеколюбие. Уважение Создателя домогательства.

Сии три достоинства, когда мы в диком находим, то можем заключать о добром его сердце.

Темперамент в нас есть главный враг Божиему насажденному семени. Всякий чувствовал в себе сражение добра и зла.

Когда сангвиник прощает, он делает сие по темпераменту, холерик, деля сие, побеждает себя.

Философ заключает, что Высочайшее Существо не по падениям, но по сражению нашему со злом к сему влекущим и по раскаянию судить нас будет. Притча о вертограде¹⁷.

О следствиях нашей нравственности в будущей жизни говорить будем.

Лекция XVI-я.

14-го декабря.

Приступ к рассуждению о нравственном нашем состоянии относительно к будущей жизни, и что будут темпераменты там.

---

¹⁷ Матф. 20, 1-16.

Определение: что есть доброе сердце и что злое.

В человеке есть две пружины – добрая и худая; и сими двумя развлекаем он во всегдашнем борении, и сим несчастнее скотов. Они суть Свет и тьма.

Доброе сердце есть влиянный Творцом в нас Свет или образ Божий. Темпераментом называется соединенная и рожденная склонность [к] телесной чувственности, грех, тьма; чем более он владеет, тем мы злее.

Сребролюбие – меланхолия, яко змея окружает наше сердце.

Холера и честолюбие – огонь, владеет в мозгу, в нервах.

Человек пал по степеням и полагают 3 степени падения:

1) Он хотел быть подобен Богу, быть средоточием. Меланхолики в сем падении были. *Сердце, дух.*

2) Огонь, холера, гордость из привлечения вещей к себе; властолюбие и падшие им суть холерики. *Мозг, нервы, душа.*

3) Вода, сангвина, сластолюбие, из него переход в скотское состояние. *Нижние части, тело.*

Коренные чувства суть пружины к будущей жизни, наружные суть для опытов данные.

Противоборствующие любви к Создателю различны: одни имеют религию своею маскою, носят ее в устах – практические атеисты, другие – теоретические атеисты, кои подражанием и несобственным ощущением атеисты.

Дух есть тончайшая наша внутренность, соль – ею удерживает человек чувства, которые здесь имел, продолжает и в другой жизни.

Все те, кои в жизни привыкали к тем чувствам, которые не телесны и не грубы, будут благополучны в будущей жизни.

Чувства любви к Богу продолжают в будущей [жизни].

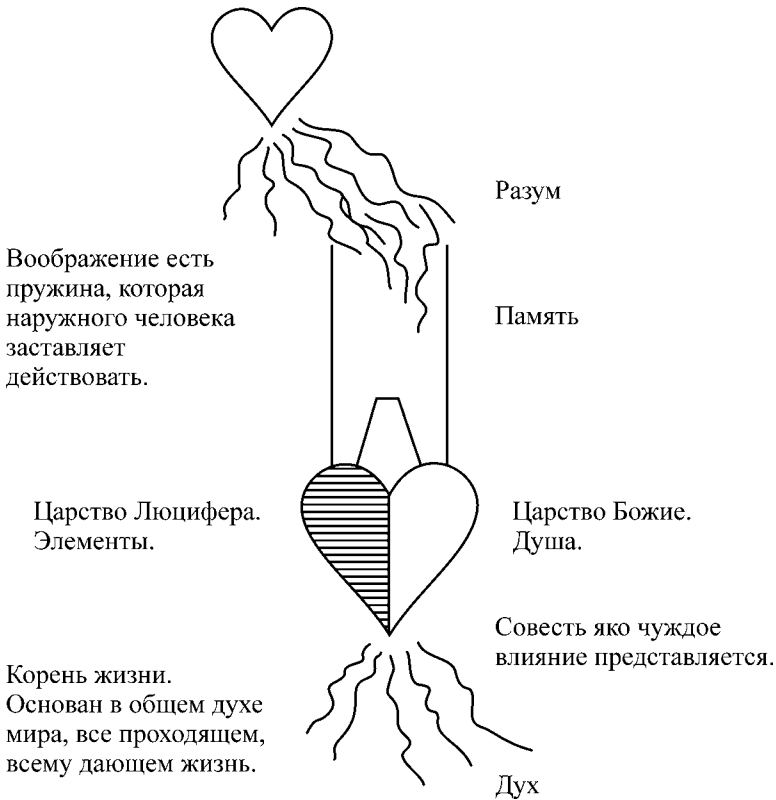
Настоящее наше имение: навык, любовь, благодарность Все-вышнему Существо.

Лекция XVII-я. 21-го декабря.

О следствиях здешней жизни в будущей.

Я представляю целую природу как внутреннюю и наружную, телесную и духовную. Все было Единица и из Единицы – 3 и 4.

Когда я представляю человека как дерево, понеже он в том только разнствует, что дерево не перемещает места, а животное перемещает; корень его сердце, наша сущность плавает в электрической материи, а наше сердце имеет основание в Боге.

Воображение есть главная наша способность к добру или злу, или из элементов, или из доброго начала; то когда воображение занимается ∇ , Δ , ∇ , то сими и питается, а из внутри – доброе.

У некоторых умственные, у других воображения чувств бывают сильнее, и происходит борьба.

И в сей жизни человек имеет силы, владея элементарным телом, зло к себе привлекать; а в будущей, не имея способности к себе привлекать, остается в страдании.

Сердечные же чувства таковы, что человек может ими сладко заниматься, находясь в приятной меланхолии.

Человек пищу свою, получая из элементов, *зол.* (Quinta effectia)¹⁸. Есть пятое или Единица, извлечение ее есть благо наше.

Грызение совести и отчаяние суть различные действия; в некоторых действиях, когда мы недовольны, чувствуем бешенство; сие есть род отчаяния. Но действия совести, так как щипцы, которыми мы наказуемся в тишине и стыдливости.

Отчаянные и по смерти будут воевать и клясть Бога.

1783-го года.

Лекция I-я.

Исследовавший человека по внутренним его, или ментальным чувствам, жизненным коренным чувствам, по его сведению о себе, по отвлеченным чувствам от разума, таким, по которым вдруг увидя человека, полюбит или отвернется от него, выводя сие из тысячи еще с младенчества соделанных опытов, что древние называли (как Сократ) Гением, а некоторые, не зная значения, называют симпатия и антипатия. Сие чувство в здоровом человеке гораздо более говорит вдруг, нежели все логические умозаключения. *Сюда относятся все предчувствия*; по представлении разума найдет он его различным. Все наружные чувства имеют престол в голове, и чем более переходят в сердце, тем более имеем мы внутренней жизни. Иные астральные или главные чувства называют *электрическими*, а сердечные – *магическими*. Почему и различается внутрен-

---

¹⁸ Пятая действующая сила (лат.).

ний и наружный человек. *Тайна в соединении*. Но еще должно быть третье, что человека более к материи сближает. Философы назвали сие нижнею и вышнюю частию души.

Чувственный человек таков, как стихия огня в нем действует.

Разумный человек переваривает в понятия.

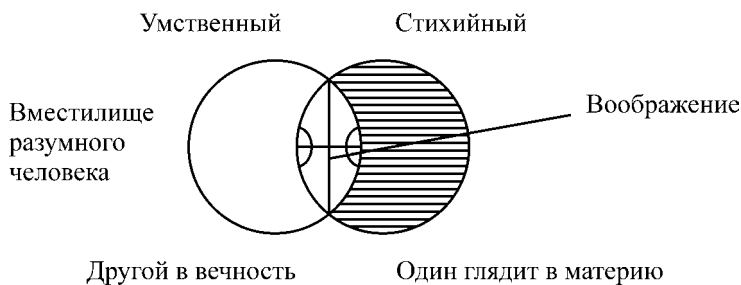
Воображение есть пружина, производящая те или другие понятия.

Должно показать, как относить темперамент к воображению и к сердцу.

Воображение есть в нас сила творящая, которая природу в сердце впечатлевает. *Воображает* вне нас находящиеся вещи в нас вводящая [сила]. Человека представлять можно Янусом, у коего одно лицо глядит в природу, другое в сердце; и самое его зрение есть воображение, или переход от чувственного к духовному, и оба они суть страдающие.

Внутреннее в воображение, а воображение в темперамент имеют влияние или вношение.

Искусно должно употреблять воображение, дабы сделать его властителем темпераментов, а их повинующимися.

Или тот или другой глаз закрыт, а обеими не глядят.

Лекция II-я. Февраля 1-го.

Воображение есть средняя сила меж скотским и духовным человеком, она есть творящая сила нашего духа и творительница

темперамента и его источник. Она тоже в внутреннем, что темпераменты в физическом человеке. Ибо темпер[амент] в отвлеченном смысле есть ничто иное, как отношение внутренних чувств к наружным предметам; ежедневный опыт сие доказывает. А что все наши чувства напряжены темпер[аментом], то сие на себе всегда примечаем, когда глядим или читаем сладострастное: то и воображение наше распламеняясь, сии же чувства в нас напрягает. *От воображения матери зависит темперамент носимого ею во утробе*, следовательно, и сходство с тем предметом, на который они чаще взирали.

Темперамент переменить и искоренить есть высочайшее наше блаженство: холерик употребляй мягкую пищу и жидкое питье, будешь сангвиник; ездь в позорища, влюбляйся и веселись, будешь сангвиником; напротив, грубая пища, кофе, пиво и сему подобное делает холерика. Для того Отцы положили диету или пост. Но самый лучший темперамент есть рабство, почему и старайся его опровергнуть и темперамента не иметь.

Философию сравнить можно с архитектурою; ибо назнача цифры, можно показать пространство и высоту здания. Так и в ней собранные главные истины составляют компендиум¹⁹: метафизику и логику. И великий философ, не требуя архитектуры в плане и в перспективе, может по цифрам узнать красоту здания.

То дабы знать, что суть в философии цифры и перспективы, то должно знать некие употребляемые термины: а priori называются все те опыты, кои из собственных сил человека доказываются, а posteriori: то, что опытом доказывается; когда б мы не потеряли своей чистоты, то многие чувства из духа нашего были бы нам понятны, но поелику порчены наши чувства воспитанием и ложными примерами, то и остаемся в невежестве. Принц, когда рождается, то стрельбою его оглушают, а многочисленными собраниями ослепляют, от чего получа подложные чувства, совсем портится. *Всякая острота есть подложная и есть действие духа мира сего*. Во всех положениях а priori дух наш действует analitice (разбирательно), in abstracto (отвлеченно), об вещи говорит in concreto (основательно), сиентически (собираательно).

---

¹⁹ Компендиум (лат. compendium сокращение, сбережение) сжатое суммарное изложение основных положений какой-либо науки, исследования и т.п.

Древние кубом ☐ физику, а ○ кругом всю метафизику представляли. В аналитических познаниях наш дух не обогащается, но просвещается. Наш дух будет иметь упражнение в другой жизни рассмотрением истины.

Лекция III-я. 8-го февраля.

Всякая сила воображения может произвести вне нас существа, и они покажутся одетыми, поелику и бывают одеты в элементы. NB.

*Веллинг*²⁰ и *Гельмонт*²¹ сие доказывали. Нет слова, нет мысли, которые бы пропадали, они все приемлют телесность и впечатлеваются в природе.

Человек сам есть мир: и как Божеское воображение творит, так и человеческое воображение творит.

Действием воображения – симпатия и антипатия. Любовник силою воображения наконец распламеняет и нечувствительную любовницу.

*Корнелий Агриппа*²².

С нами есть всегда покровительствующие духи, и они по власти своей над другими делают и нас над другими сильнее.

Некоторые веру и молитву называют воображением в Боге; и когда без силы молимся, тщетно молимся, но воображением воспламененным в Бога *веруем и молимся; живая вера и молитва*.

Чем более человек очищен, тем сильнее владеет природою.

Состояние диавола есть крайнее борение, сомнение, вера, смелость, трусость.

---

²⁰ Г.Веллинг (1655-1727) немецкий натурфилософ, автор алхимического трактата «Opus Mago-Cabbalisticum et Theosophicum о начале, природе, свойствах и использовании Соли, Серы и Меркурия».

²¹ Я.Б.Гельмонт (1579-1644) голландский естествоиспытатель, врач, теософ, приверженец алхимии, последователь Парацельса, член Братства розенкрейцеров.

²² Генрих Корнелий Агриппа фон Неттесгейм (1486-1535) в молодости секретарь императора Максимилиана I, дипломат, военный, юрист, ученый, богослов, натурфилософ, врач, автор книги «Об оккультной философии».

Тайна великая, что мысль есть зачатие греха. «Всяк, иже воззрит на жену с вожделением, уже любодействова с нею в сердце своем»²³.

Царица многих духов есть душа.

Авиценна²⁴, Аггацель, Марцилиус Фицинус²⁵, Помпанациус, Парацельс²⁶.

Она может, оставляя тело, в отдаленные места шествовать и действия производить.

Люди рассеянные не могут иметь столь чистого и живого воображения.

Лекция IV-я. 22-го февраля.

В человеке по смерти 9 раз вся материальность долженствует обновиться; так как сие чинится и в сей жизни.

Великие химики доказывают, что металлы внутри оживлены духами, противоборствующими единственной силе жизни, или духами в проклятии находящимися.

«Всякое дыхание да хвалит Господа»²⁷. Всякий вздох. Дыхание есть исполненное чудес таинство. Кто отворяет и затворяет клапаны или врата нашей организации? Не мы сами. Дышим – привлекаем к себе жизнь; дыханием растем; дыханием чистимся и пр.

---

²³ Матф. 5, 28.

²⁴ Авиценна (ок. 980-1037) знаменитый арабский ученый-энциклопедист, философ, врач, автор алхимических трактатов.

²⁵ Марцилиус Фицинус вместе с Пико делла Мирандола, Макиавелли и Анджело Полициано член Academia Platonica во Флоренции, учрежденную в 1474 г. Лоренцо Медичи.

²⁶ Парацельс (настоящее имя Филип Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм (Гогенгейм), 1493-1541) знаменитый ученый, врач, алхимик, член Братства розенкрейцеров.

²⁷ Псал. 150, 6.

Лекция V-я. 1-го марта.

Пифагорейцы говорят, что числа суть семена всех вещей.

Творец определяет нам жизнь сию для опытов; и так, что муж уверительно знает, того не знает юноша, что старец чувствует, того не знает муж.

Роберт Флют²⁸, Конрад²⁹, Гутман³⁰.

Рассматривая темперамент со всех сторон, так как образ и пружину всех человеческих, физических и духовных свойств, нельзя прежде о нем рассуждать, не сделав обеих сих сил рассмотрения. Сердечные чувства мы проходили под именем доброго сердца, теперь физические.

Первое, мы находим мертвую и живую природу, человек испраздняет из себя мертвое, видит вне себя мертвое, но не может о них ничего знать, понеже чувства наши там не находятся. Югль и Швейденбург о мертвой природе говорят, что в металлах живут проклятые духи, которых могли они разрешать; но поелику там наших чувств нет, то мы и оживлять их не можем, так как и прочие действия мертвы. Природа, течение планет, перемена погоды.

В живой природе усматриваем раиц (зуд), сотрясение или первую степень жизни, дух; всеоживляющая магнетическая огненная река, проходящая внутрь.

2-я степень – наши чувства.

3-я степень – наш разум.

Зуд живет в наших волокнах, царствует, или столицу имеет в сердце; ибо оно, прежде всего, начинается. Сердце есть бездна темных и бесчисленных сил, истинное подобие всемогущества. Сильнейшее движение того, которое производится в планетах. Из сего неисчерпаемого источника происходит наше существо; все стра-

---

²⁸ Р.Фладд (1574-1637) – английский натурфилософ, врач, последователь Парацельса, член Братства розенкрейцеров, автор многочисленных алхимических трактатов.

²⁹ Г.Кунрат (1560-1601) – химик, врач, последователь Парацельса, приверженец алхимии, автор трактата «Амфитеатр вечной мудрости».

³⁰ Э.Гутман – немецкий натурфилософ, автор книги «Откровение божественного величества».

ти и склонности в нем имеют столицу; хотя мы там темнее, нежели в мозгу чувствуем, однако гораздо сильнее; Гомер говорит, что темный гнев сердца Ахиллесова, есть источник его пения.

Тонкость наших пяти чувств имеют тихие и приятные люди, но не законодатели, герои и пр., ибо они имеют сильнейшее потрясение. Сие есть дыхание Бога, воззвавшего нас из небытия или из мертвой природы, и сильнейшее протекание в нас сего огня или воды есть вина всех наших страстей. Он производит в нас жажду и глад, болезнь, стремление к деторождению.

Чувства производят в нас звук, все, что во внутреннем раице находим, то и в чувствах, токмо различно. Зуд или раиц трояк, один приятный в чувствах любви, где наши волокна распространяются, как бы желая что обнять, и существо наше распространяется. Любовь, приятность, расширение. Истекающие.

2. Противоборствие, гнев, ненависть – волокна делаются короче и все сжимается, и как будто наскокивают все соки в сердце, кроющаяся боль, чрез кою целит Творец и сохраняет тело.

3. Слабость или недостаток сотрясения, ненависть, которая в гневе прекратиться не может, внутреннее, самого себя снесающее мучение, ипохондрия.

Сии же три сотрясения находим и в чувственности или в мозгу. Трясение живет во всех волокнах, чувственность в наших нервах.

Так как во внутреннем сотрясении – боль и приятность, так и в чувственности – боль и приятность; ибо и нервы также распускаются, как и волокна. Все наши нервы кончаются пучком, который при сладких чувствах распускается, при противном сжимается.

Общий дух на него, а он на него действует; и в самом духовном, или в разуме, сие же тройственное чувство.

При красоте наш разум расплывается в приятных воображениях, т.е. чувствует сладости.

При чувствах огромных все наши духовные силы назад шагают, и мы как в физическом гневе чувствуем, желая подражать, и когда слабее себя чувствуем, приемлем зависть, или когда сильны, подражаем.

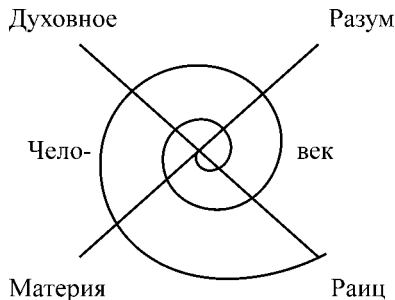
Лекция VI-я. 8-го марта.

Целая природа имеет два главных предмета – смерть и живот.

Мы о смерти ложное имеем понятие, почитая ее истреблением, хотя она ничто иное, как переменение, и здесь живучи, каждые 7 лет вся наша кровь переменяется. Невтон³¹ и Лейбниц уже доказали, что почитаемые нами тела, суть явления токмо тел или соединение многих тел, а не одно тело. Млечный путь почитаем мы единым телом, но он есть собрание бесчисленных солнц; из сего следует, что мы о малости и о величине не имеем истинного понятия. Смерть в природе есть сжатие, противоборство, всегдашнее мучение. Но алхимики уверяют, что вся брань элементов или смерть должна рушиться и смерти жало истребиться.

Смерть есть рассоединение жизненной силы с элементами; жизнь есть соединение живого с мертвым.

При соитии теплота жизни, или искра, выскакивая, дает жизнь; и сие бывает в высочайшем соединении двух, дающих бытие третьей. Сия теплота есть река жизни электрической. Сия искра имеет силу привлечь к себе все те части, кои в себе свет имеют и от смерти воззвать их к жизни. Источник сего электрического сотрясения есть бездна непостижимая; сердце наше есть вместилище всех семян жизни. *Человек на всех планетах, где он существует, есть лучшее творение.*

Все семена бездны стремятся к человеку и в нем развязываются.

---

³¹ Ньютон.

Главнейшее действие раица есть дыхание, мы им питаемся *и сообщаемся со Светом*. Сие примечай во время перемен года. Как приятно дышать весною. *NB*.

Земля и вода делаются растением, растение животным, животные нам служат пищею; и все вообще чистится и возвышается. *NB*. «Послещи Духа Твоего и созиждутся и обновииши лице земли»³².

Страх и гнев есть дары Божии; единым мы, бывши слабы, спасаемся, вторым, защищаемся.

В младенце действует одно сотрясение, вторая степень жизни – чувства, нервы; Бог заставляет нас сими вратами ощутить в себе столько предметов, сколько мы снести можем.

В сотрясении все было общее, подробных чувств мы не имели, но в чувствах мы уже различаем одно от другого.

NB. Психея ездит на двух конях, то есть душа более употребляет зрение и слух, а прочие чувства более принадлежат к телу.

Все чувства, кои мы в нервах имеем, есть *звук*.

Для приятия света и гармонии дал Бог *зрение*.

Для получения понятия о телах – *осязание*.

Чувства, возвышаясь и делаясь яснее, делаются мыслию и рассуждением, что мы называем *ум, воображение* или привлечение к себе других сходных с нами по тогдашнему состоянию существ и с ними духовное соединение и перенесение их понятий в нас.

Познание и хотение, память и воля – сии все три одно.

Как сотрясение соединяет нас с здешним миром (горох, брошенный в Кронштадте, действует на китайских берегах), так познание и хотение – с духовным.

Лекция VII-я. 15-го марта.

Восточные мудрецы разум называли Светом. (Примечай 1 главу [Книги] Бытия, как из творения, разлученного уже в главных частях и формированного, извлекается Свет). Человек сей Свет получает уже после многих опытов, кои он сотрясением производит. И сей разум делается потом словом.

³² Псал. 103, 30.

До тех пор пока не возбудили мы в себе Света сего, слова наши не возбуждают в других тех чувств, кои мы хотим произвести; ибо они должны от сего Света, яко молния истекать. Слово дает нам душевную пищу.

Если человек упражняется в одном внешнем рассматривании, то он сие делает как магический фонарик; но умирает он, свечка в фонаре погасла и он остается нищ и беден. Почему должно стараться в себе оживлять Свет собственный, и шагать в себя или назад; хотя сие шагание весьма болезненно, но посему необходимо. («Тесен путь вводя в живот вечный»³³).

Слово или язык не единственное действие наших органов: есть истинный язык или результат наших внутренних чувств.

Истинное слово есть действие трех степеней наших чувств.

1) Сотрясение производит язык волокон, махиальный.

Тело.

2) Нерв. Производит язык чувственный.

Душа.

3) Разум. Производит слово разума.

Дух.

Лекция VIII-я.

22-го марта.

Воображение есть корень жизни, приемлющий свое бытие в общем сотрясении и корне всеоживляющего Духа.

1-я степень жизни есть *Дух*.

2-я степень – *Огонь*.

3-я ст[епень] – *Свет*.

О действиях воображения.

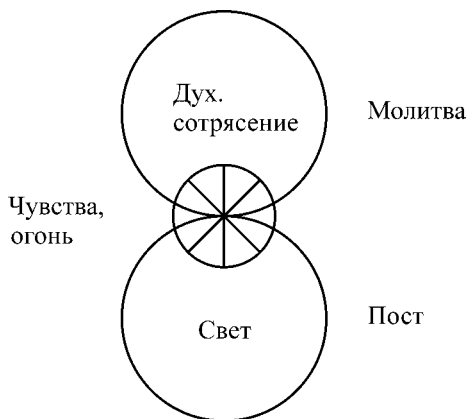
Рассоединение, или обновление мира, должно последовать от соития двух, кои должны чрез третье, происходящее от их совокупления, родиться чрез огонь.

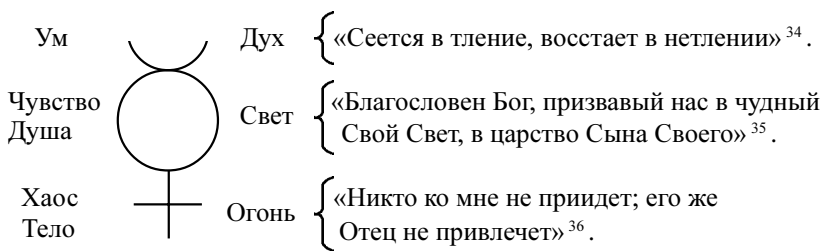
³³ Матф. 7, 14.

Чрез воздыхание от земли, родится вода, из них растение, из того далее, даже до сотрясения или воздыхания любви, или до чувств Иоанна Богослова.

Воздыхание Творца живет всю природу. «Послеши Духа твоего и созиждутся».

Лекция IX-я. 29-го марта.

Древние говорят: что человек начинался в средоточии земли – в хаосе. *Зри сотрясение электрического огня.*

Что вверху, то и в низу; нижнее соединено с вышним.

³⁴ 1 Кор. 15, 42.

³⁵ 1 Пет. 2, 9.

³⁶ Иоан. 6, 44.

Телесные болезни в хаосе, духовные в духе.

Платон говорит: что душа по смерти будет жить понятиями, то есть приобретенными в жизни.

Воля, познание и хотение есть едины.

Нервами соединяется дух и душа, мозг и сердце, хотение и познание.

Нервы суть меч обоюдоострый; они сообщают весь Свет снаружи по силе нашей; сотрясение всей вселенной Свет внутри сообщает.

Лекция X-я. 5-го апреля.

Науки относятся различно или к памяти, или к воображению, или к разуму.

Но уму принадлежат одни те познания, кои твердыми опытами уже подтверждены.

Спекуляция принадлежит к разуму, а не к уму.

7 цветов природы. 3 степень жизни – умозрение или понятие.

То, что называется спекуляция, не есть зрение, но размышление.

1 степень – знание: ум.

2 [степень] – размышление, догадка: разум, вероятность.

Древние говорили, что познания физические не есть подлинные, но вероятные; понеже начала вещей не знаем. Но нравоучение есть единственное и живое знание.

Лекции в университете

Лекция I-я, 25-го августа [1782 года].

Совершенствование двух высоких чувств – зрения т.е. и слышания есть предмет эстетики и всех изящных наук.

В сих переходит природа из материального в духовный мир.

Как тело питается материею Света или Светом природы, а грубое извергает: так наш дух питается познаниями, и, извлекая из них Свет, прочее забывает или извергает, однако оставляет все-способность, или живое познание, из исторических извлеченное; и кто сих познаний хочет, тот должен примечать природу.

Emer vir in des das srose – Шауш Пиль Вюркен де Крефте индер намур синент анзен десто венигер кенен вир уман ибер аль Энлихкайт ин унс цу филь, алес мит унзерер енфиндунг цубелер.

Чем мы, более в природе размышляя, видим великое множество зрелищ действующих сил, тем менее не в состоянии пропускать без замечания подобие с ними и всеми нашими чувствованиями оживлять.

Лекция II-я, 1-го сентября.

Природа потому есть сходна с своим родителем, что она есть Единица и образ его.

Основание природы суть законы чувственности или чувственного действия.

Стройным одни называли то, что в нас приятное производит сотрясение.

Естли мы видим россиянку красавицу, [то] чувствуем ее кра-

Текст печатается по рукописи «Лекции в университете» (НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 142).

соту. Но араб смотрит на нее с омерзением, также как европеец на арабскую красавицу.

Стройность рассматриваем двояко, или в наших чувствах, или вне их.

Для представления вещей вне нас имеем нервы и чувства. *Sensus communis*: общий смысл, т.е. чувство души, по коему без дальнего разыскания, без силлогизмов, чувствуем красоту вещи.

Люди, кои остаются при общем сем смысле, более близки к истине. Они делают себе общим смыслом круг, но другие, выходя из круга, хотя и верный начертывают радиус, однако соравнять его с другими радиусами не могут.

Истины изобрести нельзя, она от вечности с Творцом существует; и те люди, кои ее находят, уже не новою, но древнею.

Понятие, например, о бессмертии души, наказание и награждение по смерти, прежде пришествия Христова, было скрытое; хотя и тогда некие, как Сократ, выходя из своего круга, о сем догадывались.

Все умозрительные истины должно соглашать с *sensus communis*, так как с оселком и ее испытывать.

Чувство, кое дает понятие о стройности, есть вкус; стройность в себе, стройность в природе.

Но сей вкус не столь легко как истинное определяется. *Вкусу мы научаемся* чрез многие опыты. Счастливы бы были люди, когда б они, прежде всего, учились вкусу; ибо в сильных страстях совесть, хотя молчит, вкус говорит. Вкус есть внутреннее чувствование души, которым она без умствования, единственными чувственными приятностями судит о стройности, где она есть.

Лекция III-я, 5-го сентября.

Все новые философы восстали на развалинах схоластиков; коих так винить не должно, как ныне винят, не разумея их. Истинные из них жили в XII-м веке.

Физические, так как и духовные упражнения, от опытов укрепляются.

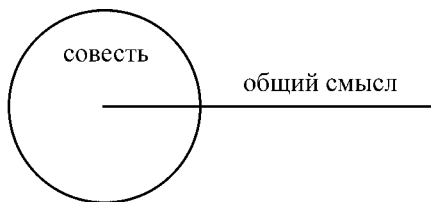
Общий смысл, совесть и вкус суть непосредственные чувства.
По метафизике человек разделяется на тело и душу.
Душа: ум, воля. Ум: разум, воображение, память.
К памяти – исторические науки; к разуму – философия.
К воображению – изящные науки.

Наше разделение:

Волю не делить с разумом, ибо она есть результат внутреннего человека.

Как средоточие в круге, так инстинкт в человеке, если все радиусы прямые, то и инстинкт верен, но когда радиусы кривы, то и инстинкт не верен.

Внутренние чувства имеют сообщение с воображением.

Рассуждения в собраниях Дружеского ученого общества

I-е.

1782-го года, 23-го августа.

Настоящим ученым обществом прямая цель есть разыскание, очищение и издание в свет коренных истин, которые яко семя, имея в себе все способности привлекать пищу свою и отражать вредное, возрастают, усиливаются и становятся тенистым и великим деревом.

Повторение прежнего.

Положение было, что откровение – воспитание, а воспитание – откровение. В воспитании мы сообщаем ничто иное, как откровение тех истин, кои разум воспитываемого сам постигать еще не может.

Что все то, что мы получили откровением в своем времени, могли мы получить своим разумом, но гораздо позднее.

Читайте токование о Троице всех соборов, и читайте герметические наставления, сколь те непонятны и сколь в природе доказательны вторые. Но когда чрез математику докажешь Троицу в Единице и чрез физику, то в понятии о духовном становится вразумительнее.

Многие догматические истины сердцем понимаются, а уму непонятны; но со временем будут уму быть понятны, то откровение ускоряет приносить Свет.

Воспитание школьное скорее токмо доводит до познания, но не учившийся в школах, хотя трудными путями, однако, наконец, достигает до тех же познаний. Хотя не в таком порядке и медленнее.

Текст печатается по рукописи «В собраниях Дружеского Ученого Общества им же, г[осподино]м профессором И.Г.Шварцем, говоренные и с слов его записанные рассуждения» (НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 142).

Откровение человеческому уму то, что маяки и Фарос мореходам.

Так, как Христос доказывал жидам бессмертие души, что Бог говорит: «Я Бог Авраама, Исаака, Иакова, и несть Бог мертвых, но Бог живых»¹; сим доказательством грубых уверял о истине бессмертия; ибо в Моисее сие находилось писано яко маяк, путь светящий, а прочее все обещано наградою в сей жизни, но сие есть, как бы сказать, брошенное понятие о бессмертии.

Однако всякое откровение в будущее время делается умпостижной истиной.

Итак, все будет постижимо уму.

Сам себе оставленный разум нашел бы на своей дороге, наконец, то, что откровение прежде сообщает. И так, как ясную уму истину.

К сему идет сей стих Св[ященного] Писания: «Будет время, когда познают все, что Я есмь Бог. И будет едино стадо и един Пастырь. И егда покорит Ему всяческая»² и пр.

II-е. Сентября 20-го.

Дружеское собрание, старающееся о литературе в отечестве своем, имело обыкновенное собрание и по прочтении протокола, рассуждаемо было:

1) Мы в некоторых местах называемся достойными, то положено изыскать и изыскать в чем состоит достоинство; дабы те, кои не имеют о сем познания, восчувствовали свой размер, и трутни не утесняли бы работающих напрасным и завидливым своим состоянием. 2) Достоинство человека состоит в деятельности, проистекающей из добровольного и свободного намерения и из благожелательства к человечеству, дабы другим настоящую приносить пользу.

Три главн[ые] понят[ия].

---

¹ Матф. 22, 32.

² Иез. 39, 28; Иоан. 10, 16; 1 Кор. 15, 28.

Достоинство требует заслуг, произведенных деятельностью свободною.

Положено показать различие сие к пользе относящееся деятельности.

Состоит она в великости духа, твердости души и благожелательстве.

Великость духа состоит в уме обвидящем и все скоропроницающем, делающем изобретения и причины из причин извлекающего.

Твердость души в воле есть постоянство в намерении, например: как Колумб, не взирая на презрение, работавший в открытии новой части мира. Или труды ученого мужа, оставившего все для просвещения рода человеческого.

Благожелательство в сердце. Кто хочет достоинства, тот должен иметь благожелательство яко пружину всех своих действий.

Покажется различие заслуг, яко-то:

Завоевателей, воинов, светильников человечества, великих мужей, художников приватных, которые суть тоже, что бури и громы в телесном мире, производящиеся для чищения воздуха. Они велики, но не добры; ибо бывают гонимы страстями. Разделяются на высокие, великие, приятные и просто на заслуги.

III-е.

Ученый может быть великим антиквариусом, но не иметь живых познаний.

В сем самой простой крестьянин может преимуществовать.

Исторические познания суть чужие и с ними вступают часто в заблуждения и нелепости.

Одни живут или поселяются в мозгу, а другие сами рождаются в сердце, и есть свои, а те чужие.

Человека можно назвать магнитом трояким, как его приуговоряют, так он и бывает, когда трогает его магия сего мира, то он миролюбец, когда духовным пленяют, то он из умственного мира влечется и пр.

Когда бы ясное имели зрение, то видели бы, как сие в элементах действует.

Суть третьи, у коих сердце так уготовано, что оно божественные имеет влияния, сие любовь чинится и рождает веру, коею то познается, что другим неизвестно.

Есть люди, кои снаружи омывают сердце, но тронь его, увидишь его зловоние: и сие не имеет божественных влияний.

Разум есть двоякий: физический, или скотский, и духовный; одним видим наружность, другим внутренность. Потому-то мы не видим той соли Света, которая все сохраняет; не видим того, что живет в наших костях.

Представляю: что Высочайший хотел сделать творения Свои счастливыми, сделать их или к сему способными, или чрез рассмотрение и искушение зла, или неограниченными, чего кроме Бога никто не может иметь.

Другие духи, яко и элементы, действуют несвободно, но человек одарен свободою.

Бог Себе подобных не сотворил, сотворил ограниченных, ограниченные подвержены ошибкам; то сим дал нам способы исследовать зло. Мы в таком мире, который есть искушение; когда мы возненавидим здесь зло и прилепимся ко благу. Могли бы мы много веков жить, но сластолюбием сие теряем. Увидя свое зло и окружающее, прибегаем к Благому Существо и просвещаемся.

Первый источник всех заблуждений, что люди не имеют живых познаний, а в исторических видят токмо наружность и не видят сцепления всего.

Живое познание, так как вестин огонь, естли его питают, всегда живет, а пища его есть любовь. Помолимся о ней!

Советуется три хотя года исследовать слепым повиновением и исполнением христианский закон; тогда увидим истину. А теперь можем ли рассуждать о законах Превечного? Может ли сибирский крестьянин рассуждать о законах премудрого государя?

Можем ли в мерзкий сосуд вливать истину чистейшую!

О всем самому надобно рассуждать, а не от других двигаться. Что можем ожидать по смерти кроме вечного заблуждения, когда здесь ничего не приобрели?

Когда проповедующий мерзок, то как тронутым быть слушателям; естли б Павел и ныне проповедовал, увидели б и ныне тысячи верующих.

Всякая поспешность от дьявола внушается.
О суеверии и неверии.

IV-е.

Размыслить о суеверии и неверии, кое из них полезнее для целых народов.

Когда мы ложное или обман в первых его шагах обличаем, то он сам исчезнет.

3 главные эпохи:

1. Принятие Европою римских прав. 2. Принятие христианского закона. 3. Глав[ные] крестовые походы; тогда начало имели рыцарские ордена и духовные ордена пропо[ведовали] Еванг[елие].

1-я наука есть химия. Без коей ничего не имели мы: она есть мать всех наук.

Из нее металлургия, фармацевтика и пр. соединения и разрушения тел.

[2.] Изобретение языка, письмен, и все его науки, наука иероглиф[ов].

Употребление огня возвысило нас над скотами.

Употребление письмен сделало чувствования наши общими, изъяснительными.

3. Агрикультура дочь химии.

[4.] Она без астрономии быть не может: ибо неизвестны будут времена сева.

От сих 4-х происходят общественные и все прочие науки.

5. Геометрия, религия и градоправление.

V-е.

Зачат разговор при чтении *Гельвеция*: сказано было, что он употребляет слово *Еспри*³ за ум и за дух, где ясно видно противоречие, что языки, в том числе и российский, не имеют многих филосо-

³ *Esprit* (фр.) 1) ум, рассудок; 2) дух, сознание.

фических терминов, которые может ввести во употребление такой, кто бы имел довольную славу; чрез, чтобы проистекла польза.

Гельвеций отвергает внутренние силы в человеке, а говорит то, что он действует по одним внешним побуждениям, кои производят в нем необходимость и нужда в изыскании себе пищи и прочего удовольствия телесных нужд. Наружные впечатления, быв прежде простые, со временем расширяются в различные тонкости. Он говорит еще, что у нас есть две страдательные силы, из коих одна есть та чувствительность физическая, коя делает наши впечатления, а другая – память, коя возобновляет в нас разрушенные сии впечатления.

Гельвеций равняет человека со скотом, не полагая ни малейшего различия, кроме, что скоты не имеют токмо перстов, с коими мы в знаниях и в науках от скотов разнствуем.

VI-e.

В⁴ последний раз говорили, что Гельвеций называл токмо человека материальным. Но мы показали, что он составлен из 3-х, то есть: элементарного стихийного, астрального и совестного (менталис)⁵.

То по сим 3-м делаются три различные чувства:

1. стихийное;
2. метафизическое;
3. богословское.

Мы показали, что по сим силам различные суть свойства человеческие.

Древние имели две дороги, т.е. созерцание и умозрение.

1) Есть исследование всего: алхимия, астрономия; и во всех науках есть скорлупа и ядро, то спекуляцию есть то, чтоб сыскать опытами, так сказать, ядро.

---

⁴ Заметка на полях: «Speculatio созерцание, размышление. Meditatio умозрение, умопарение. Concartenatio сцепление».

⁵ Чувствования высокие, божественные, чувства любви, наприм[ер]: возвышения к Богу и пр., что из внутренности сердечной происходит, или совесть. Примечание в тексте рукописи.

Спекуляция – наука трудная, надобно в ней наблюдать, чтоб чувства были не расстроены: чего для и заставляли они, прежде всего, молчать и в тишине размышлять, вести строгую жизнь. Ибо все то, что из пьянства страстей происходит, сему противно.

Чего для они все представляли им иероглифами, наприм[ер]: творение кубом, дабы шесть пирамид в нем и седьмой пункт для сего изъяснения употребить.

Во втором же, или умопарении, возвышаемся мы от видимого к Высочайшему Существо.

Надобно примечать, различия в 3-х сих человеках происходят.

Все то, что к астральному относится.

Все то, что к совестному.

Все то, что к чувственному.

Мы в последней лекции показывали, что есть три рода людей:

1) Чувственные.

2) Ученые.

3) Коими Бог являет милосердие Свое, то есть набожные, усердием к Богу исполненные, молитвенные.

Астральный в мозгу.

Совестный в сердце.

Чувственный в чреве и ниже.

Все Гельвециевы книги на одном основании.

Он хочет, чтоб человек был яко машина, сделанная от природы.

Однако мы примечаем, что в сей машине есть то, что совсем к ней не относится, то есть: сердечные чувства, совесть, любовь и пр.

Гельвеций для того играет словами, не бывши в состоянии сего опровергнуть, но хитро заводит в обман.

Он полагает человека, так как клавишин, чувства его – как клавиши; главные понятия от чувств – струны. Их он называет услаждением и болезнью (страданием), говоря: что все от сего происходит, а потому Еспри и ум от них выводит; страсти же называет звуком, говоря: что в нас внутреннего побуждения нет. Ум, говорит, ничто иное, как результат; наружные чувства ваши как клавиши; внутренние лежат в соках и ударениями первых

производят во вторых звук и память; нестройность и стройность есть его страсти.

Говоря, что в человеке невоспитанном нет совести, а она делается от воспитания. Доказывая, что нет в нас ни разума, ни воли, и говорит, что мы машины, кои природа заводит.

Следовательно, ни религия, ни нравоучение не исправляют; а мудрое правительство.

Когда б он прямо изъяснился, что нет ума и совести, то б всяк его не принял; но он хитро заводит в обман, играя словами.

Говорят, принимают Еспри в двух смыслах: 1) как действие способности мыслить; и в сем случае он есть собрание всех наших понятий; а другие-де принимают его за самую способность мыслить. Причины сего суть две: 1) физическая чувствительность; 2) память. Так посему и обольщаем тонким и диавольским доказательством, что мы едиными наружностями действуем, а внутреннего не имеем.

Видим мы человека, который дает у себя отрубить руку, то тут уже не действует приятность наружности, а внутренняя сила.

Суть народы совсем от Бога проклятые, кои не могут бескорыстного представлять действия, чая, что все сим побуждаемо. Потому прощать можно Гельвеция, он жил в испорченном народе.

Можно об них по нашему разделению сказать, что сии народы есть стихийной жизни сластолюбцы.

Бездельники узнаются при трусости.

Честные при робости и стыдливости.

Следовали примеры.

Сии последние, страх Божий и стыдливость имея, удерживаются Божиею помощию от мерзких искушений мира и диавола. (Люди совестные).

Но другие суть наглы.

Добрый человек, о коем говорено, есть для злых сатира: они суть светила, что светят миру. (Люди ментальные).

Астральные суть тираны рода человеческого, они суть общие ученые, герои, одаренные умом и силою.

3-и суть стихийные, кои обжираются и пр.

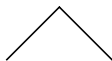
VII-е.

Греческих источников суть два, или стоики, или эпикурейцы. Другими словами, первые в свое время были *верующие*, вторые – *безбожники*.

Понятие о стоиках и эпикурейцах.

Нет такого общества, которое бы не на добродетелях основывалось, хотя б то и разбойническое было.

В началах своих строгий христианин и вольтерист суть равны, но в последствиях разнятся и отдаляются.

Главная пружина человека есть стремление к совершенству, искание благополучия и высшего блага.

Ее вселил в нас Создатель.

В чем же состоит оно?

Стоики полагали его в добродетели, для того, что она есть величайшее совершенство духа.

Эпикурейцы полагали в наслаждении, а добродетель почитали средством к сему. Здесь не поймешь разности; однако в конце есть разность; ибо один делается святым, другой умирает в мерзком сладострастии.

Чтоб показать различие, надобно сие знать, одни ли мы физические или другие твари? Телесны или духовны.

Наш плотский человек, относительно к будущему человеку то, что утроба женской беременности к ее чреву.

Начало человека есть, так как малое число слюни, но в сей слюне лежал Александр, Павел и Петр Великий.

Сия слюна химически приготовлялась, питаясь огнем в созданном от Творца влагалище, и бережена от всех элементов, готовится к сражению с элементами.

Стоики говорили: что мы еще не совсем родились и теперь вторично находимся во чреве.

Они доказывали примером, что истечение составляет растение, и оно приносит шипок, цвет и потом плод.

И эпикурейцы все к здешней жизни так относили. И что бессмертный наш двигатель по смерти, возвратясь к своему началу тел, тем будет, что оно было. Всемилосердное Существо, желая уделить Своего блага прочим тварям, сделало стечение элементов, дабы насладиться.

Стоики говорили, что тело есть скорлупа и хранитель вечного духа, который падши, заперт в сии узы. И живет здесь для воспитания нашего духа. И все, что ему вредно, от того убегает, хотя жгут его; Я счастлив, что от него освобождается. А хранение моего тела есть добро, сохранение моего духа есть мой предмет.

Будет говорить, чем воли исправлением или просвещением разума.

VIII-е.

Упражняющемуся в рассматривании философической истории открывается, что перенесенные из Египта в Грецию науки в продолжение времен произвели разные системы, и по именам учителей, преподававших оные, составили особые школы. При первом взгляде встречается также великая в них разность; однако по искусном рассуждении всех сих разномыслий усматриваются между ими два токмо толка, о коих основательно можно сказать, что одно из них все вообще стоики, другие эпикурейцы; и то же самое, что ныне верующие и вольнодумцы.

Обе сии секты в начале своем происходят от одного предмета, и при источнике своем столь же сходны одна с другою, сколь при продолжении различны. Ибо стремление к совершенству и искание высочайшего благополучия, яко главной пружины чело-вечества обеих сих школ, то есть стоиков и эпикурейцев, была побудителем.

Стоики полагали сие высокое благополучие в добродетели яко в высочайшем совершенстве духа.

Эпикурейцы же искали сие благо в услаждении, а добродетель почитали средством к оному.

То посему в цели, намерении и предмете их не вдруг усматривается разность, но кажутся они весьма сходственны; однако в

продолжение никакого уже сходства встретиться не может, но ужасное различие. Далее, входя в их понятия, очевидно, представляется, что стоики взирали на человека как на духовное существо, а эпикурейцы яко на материальное.

1) Стоики полагали, что Существо существ есть Единица и Высочайшее Добро. Сие Верховное Существо произвело 3 класса духов: 1-е, яко чистейшее Его истечение, совершенно благи, и их называли они Боги. Сим не означали они Высочайшее Существо, но разумели другие существа от Первого произведенные. Во 2-м классе, говорили они, находятся духи, единственно прилепленные и стремящиеся к добру. В 3-м классе счисляли они духов, одаренных свободою выбирать или доброе, или злое. Они также полагали, что трудами и чищением можно возвыситься из последнего в первый класс. Но как Всевысочайшее Благо не могло произвести неподобные Себе существа, то стоики, так как и христиане, полагали прежде случившееся падение, и что сии падшие души странствуют в опытах и научаются, судя о зле, избирать благо и к нему воскрыляться.

2) Эпикурейцы напротив полагали, что материя имеет силу чувствовать, что сия чувствительность начинается в магнетизме или в эластической силе; и, наконец, от насекомых возвышается до животных и до человека, восходя до толикого совершенства, какие в Сократе и Платоне усматриваются.

Стоики утверждали, что человек различное от материи существо. И хотя привычка покоряет его под чуждую власть, но он властелин привычки. Что тело есть скорлупа и хранитель вечного духа, который, падши, заперт стал в сие тленное жилище; и живет здесь для опытов и воспитания.

Эпикурейцы учили, что навык человека зависит от воспитания; ибо общий смысл зависит не от человека, но от впечатления одних внешних предметов. И относили все благополучие к здешней жизни, заключая, что бессмертный наш двигатель по смерти нашей возвращается к своему началу. Также: что Бессмертное Существо, желая уделить тварям Своего блаженства, сотворило стечение элементов для их услаждения.

Следуя учению стоиков, человек становился твердым, все случающиеся в жизни сей несчастья превозмогающим. Он был

неустрасимый проповедник истины, жертвовал за нее жизнью своею; ибо, умирая за истину, веровал он, что огонь и страдание, очищая дух его, сокращают путешествия, кои по общему плану для очищения назначены и возносят его к совершенству. Напротив того, удрученный болезнями от сладострастия происходящими, эпикуреец живет скотски и умирает, причиняя ужас и отвращение зрителю.

Теперь должно развязать сходство начал и разность продолжения обоих сих философских сект.

Пифагор принес из Египта в Грецию просвещение, и по примерам учителей своих расположил учение и разделил его на разные степени, чтоб человека чрез природу возвести к познанию Создателя: почему в первой его степени учились познанию природы чрез физику или химию, а во второй чрез метафизику или алхимию познанию духов, природу наполняющих. То эпикурейцы, побывавши в первой школе и не вступивши во вторую, вынесли познание несовершенное и учили единому материализму.

Стоики же имели познание не токмо о материальном, но и о духовном мире; ибо обе школы Пифагоровы им отверсты были.

Подвижник русской культуры

*И.Г.Шварц философ, педагог,
общественный деятель XVIII века*

Урусвати знает, насколько люди избегают заглянуть в сущность событий и довольствуются немногими показани-ями по окружности. Можно представить, как изменилось бы изложение истории, если бы открылись все истинные причины и побуждения. Прежде всего выдвинулись бы неожиданные деятели, о которых человечество и не подозрева-ет. На месте царей и правителей мы увидели бы лиц, остав-ленных в тени. Некоторые из них не замечены по невеже-ству, но другие остались невидимыми по закону Братства.

Живая Этика

...Шварц полюбил приютившую его чужбину, как не все-гда любят и родину, и посвятил ей все еще молодые силы своего ума, весь жар своего горячего сердца. Восторжен-ный и самоотверженный педагог до тончайшей фибры сво-его существования, неутомимый энтузиаст просвещения, вечно горевший, как неугасимый очаг, и успевший сжечь себя дот-ла в 33 года жизни, Шварц будил высшее московское обще-ство, где был желанным гостем, без умолку толкуя в знат-ных и образованных домах о необходимости составить об-щество для распространения истинного просвещения в Рос-сии, будил и университетскую молодежь своими одушевлен-ными мистическими лекциями о гармонии наук в изучении таинств природы, о связи духа и материи, о союзе между Богом и человеком, о стремлении к свету и добру, к позна-нию Божества и внутреннего человека.

В.О.Ключевский

Космическая философия истории

В начале XX века в работах русских философов и ученых-космистов В.И.Вернадского, К.Э.Циолковского, А.Л.Чижевского, Н.А.Бердяева, П.А.Флоренского, Н.К. и Е.И.Рерихов и других мы находим целостный подход к различным проявлениям жизни че-

ловеческого сообщества, в том числе и к истории. Исходя из концепции единства Вселенной, планеты и человека, они пришли к выводу, что исторический процесс есть природный процесс, связанный с Космосом и находящийся под воздействием его сил. Естествоиспытатель и мыслитель В.И.Вернадский писал о необходимости рассматривать любое явление в «рамках научной реальности – космоса»¹, тем самым, делая возможным по-новому подходить к проблеме исторического процесса, объединив в одно целое Космос и земное человечество. Теоретик ракетостроения и оригинальный философ К.Э.Циолковский знал, что в людях действует воля Вселенной. «Воля человека, – отмечал ученый, – и всяких других существ – высших и низших – есть только проявление воли Вселенной. Голос человека, его мысли, открытия, понятия истины и заблуждения есть только голос Вселенной»². И еще: «Абсолютная воля и власть принадлежат Космосу – и только ему одному»³. Ученик Циолковского, космобиолог и философ, «Леонардо да Винчи XX века», А.Л.Чижевский показал, в итоге детального статистического исследования истории большинства государств и народов, зависимость исторического процесса, идущего на земле, от солнечной активности. В 1924 году вышла его книга «Физические факторы исторического процесса», в которой научно обосновывалось влияние Космоса на жизнь человека. «В свете современного научного мировоззрения, – писал Александр Леонидович, – судьбы человечества, без сомнения, находятся в зависимости от судеб вселенной. И это есть не только поэтическая мысль, могущая вдохновлять художника к творчеству, но истина, признание которой настоятельно требуют итоги современной точной науки. <...> Кроме того, состояние солнца, первоисточника всякого движения и всякого дыхания на земле, находится в известной зависимости от общего состояния электромагнитной жизни мира вообще и, в частности, от положения других небесных тел. Не связывает ли это изумительно тонкими, но в то же время величественными связями интеллектуальное развитие человечества с жизнедеятельностью целой вселенной? <...> Став на такую точку зрения, следует уже а priori допустить, что важней-

---

¹ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 44.

² Циолковский К.Э. Гений среди людей. М., 2002. С. 232.

³ Демин В.Н. Циолковский. М., 2005. С. 288.

шие события в человеческих сообществах, охватывающие при участии народных масс целые страны, протекают одновременно с какими-либо колебаниями или изменениями сил окружающей природы»⁴. Психолог и психиатр В.М.Бехтерев в обширном труде «Коллективная рефлексология» (1921) указал на то, что «зависимые отношения в социальной среде не замыкаются в круг одной лишь окружающей природы нашей земли, но имеют значительно более широкую пространственность, простирающуюся во глубь вселенной с ее неиссякаемым количеством притекающей к нам мировой энергии»⁵. Крупнейший философ Н.А.Бердяев видел в исторических событиях протекание двух процессов, один из которых, небесный, является причиной другого, земного. «В небесной истории, – писал он, – в глубинах внутренней жизни духа предопределяется та история, которая раскрывается и развертывается в земной жизни, в земной человеческой судьбе, в земной исторической судьбе человечества, в том, что мы называем земной историей»⁶. Философ и ученый П.А.Флоренский в работе «Предполагаемое государственное устройство в будущем» (1933) высказал мысль, что «на создание нового строя, долженствующего открыть новый период истории и соответствующую ему культуру» имеет право только божественная сила «нечеловеческого происхождения»⁷. Богослов и философ В.В.Зеньковский в двухтомном труде «История русской философии» размышлял о тайне истории, «о сокровенной и священной стороне во внешней исторической реальности», о присутствии в ней некой таинственной логики, которая «не параллельна ее эмпирической стороне». Он считал, что исторический процесс идет «под руководством Божественного Промысла к Царству Божию»⁸.

В те же годы Воля Вселенной через Н.К. и Е.И.Рерихов передавала знания, в которых мироздание представляло перед человеком, как беспредельная одухотворенная энергетическая система, структуры которой постоянно взаимодействуют друг с другом и

---

⁴ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 9.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С. 43.

⁷ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 652.

⁸ Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч.1. С. 41, 47, 54.

частью которой является человек. Рерихи с 1920 года и до конца жизни были связаны с Учителями Востока – Махатмами, представлявшими одухотворенный Космос, Иерархию высокоразвитых существ. Е.И.Рерих в контакте с Великими Учителями или Космическими Иерархами, находящимися на более высокой ступени космической эволюции, создала серию книг Живая Этика. Именно идеи Живой Этики легли в основу исторических взглядов Н.К.Рериха. Он был выдающимся историком и философом, говорившим о том, что «помимо историков пишется другая история мира»⁹ и впервые выработавшим космическую философию истории, которая учитывала «факторы взаимодействия космических сил с судьбами земных народов»¹⁰. В наши дни историк и философ Л.В.Шапошникова продолжает развитие новой космической философии истории. Она вводит в науку понятия истории внешней, «хорошо видимой обычным глазом и доступной осмыслению свидетелей» и истории внутренней, истории «помимо историков», «незаметной для обычного человека и не поддающейся его осмыслению»¹¹. «Согласно идеям Живой Этики, – пишет Людмила Васильевна, – и исследованиям крупных ученых XX века, исторический процесс, субъектом которого является человек, есть необходимая творческая часть эволюции Космоса и объективный природный процесс, протекающий в рамках действия Великих законов Космоса»¹². Космическая Воля творит, по сути дела, земную историю и проявляет себя через Космических Иерархов и их учеников, которые приходили в наш мир как великие исторические личности, религиозные подвижники, ученые, философы, руководители государств, неизвестные посланцы, приносившие необходимую информацию человечеству. «Без учета их деятельности, – утверждает Л.В.Шапошникова, – трудно, а иногда и просто невозможно осмыслить энергетические и формообразующие особенности исторического процесса.

Их всех, в какое бы время они не появлялись, объединяет ряд общих черт. Прежде всего, они обгоняют своих современников на века по уровню мышления и по характеру деятельности.

---

⁹ Рерих Н.К. Алтай-Гималаи. М., 1974. С. 244.

¹⁰ Рерих Н.К. Держава Света. Священный дозор. Рига, 1992. С. 57.

¹¹ Шапошникова Л.В. Ученый, мыслитель, художник. М., 2006. С. 94.

¹² Шапошникова Л.В. Веления Космоса. М., 1996. С. 39.

Такое опережение дает возможность пробить энергетический тоннель, по которому пойдут за ними грядущие поколения. <...>

Влияние высоких существей на исторический процесс, как правило, ощущалось в течение длительного времени. Они как бы программировали этот процесс и делали это так точно и так мудро, что заложенная ими энергетика, подобно стреле Благой вести, летела через столетия и определяла будущие исторические события»¹³.

Деяния графа де Сен-Жермена

Одним из тех таинственных посланцев, который оказал определяющее воздействие на ход европейской истории и на развитие человеческого мышления в XVIII веке, был граф де Сен-Жермен. Он, будучи Космическим Иерархом, пришел в сложное время, чтобы принести человечеству новые знания, спасти людей от материализма, помочь им необходимыми рекомендациями. Сен-Жермен обладал уникальными познаниями в области философии, истории, физики, химии, для него не существовало секретов природы, о которой он всегда говорил «с необыкновенным пафосом, вскрывая в ней бездонные глубины и неизведанные возможности»¹⁴. Граф направлял доктора Ф.А.Месмера в его научных поисках, благодаря чему тот изложил теорию так называемого животного магнетизма, извещавшую о наличии единой всеназначальной энергии, «основной субстанции», наполняющей и пронизывающей все мироздание. Свои основные труды, среди которых трактат «О заблуждениях и истине», философ Л.К.Сен-Мартен написал после неоднократных встреч с этим необыкновенным человеком. Изобретения паровоза, парохода, стойких красителей совершились с помощью Сен-Жермена. Он прекрасно рисовал картины поразительными красками, свободно изъяснялся на большинстве европейских и восточных языков. Граф восхитительно играл на многих музыкальных инструментах пьесы, часто сочиненные им самим, «в манере свойственной только ему» и так, что «начинало мере-

---

¹³ Там же. С. 71, 73.

¹⁴ Мура Ж., Луве П. Сен-Жермен, бессмертный розенкрейцер. М. 1999. С. 28.

щиться, что у него множество рук и что он заставляет одновременно вибрировать множество струн».¹⁵ Существовал выгравированный на меди портрет этого загадочного посланца с надписью: «Граф де Сен-Жермен, знаменитый алхимик». И далее:

Как Прометей он завладел дыханьем мира –
Огнем, что движет вещи в мироздании.
Природа жизнь свою ему раскрыла.
И если он не Бог, то Господа посланник¹⁶.

Сен-Жермен успешно выполнял дипломатические миссии в Англии, Франции, Германии, Австрии, России. «... Он тайно беседовал с правителями, давал им ценные советы, предостерегал от неприятностей. Самые высокопоставленные, самые недоступные, самые властные особы относились к Сен-Жермену с большим уважением»¹⁷, – писали французские исследователи Ж.Мура и П.Луве. Граф был близким другом короля Людовика XV и часто помогал ему решать внешнеполитические проблемы и пытался улучшить положение Франции, пока не был им предан. Сен-Жермен не раз посещал в Париже немецкую герцогиню Ангальт-Цербстскую, мать будущей императрицы Екатерины II. В дальнейшем он сыграл важную роль в русской истории, «именно при его помощи Ек[атерина] Вел[икая] заняла русский престол»¹⁸. Давались своевременные и благие предупреждения Людовику XVI и Марии-Антуаннете. «И неизменно все эти предупреждения, – сообщала философ Е.И.Рерих, – шли тогда из одного источника, от графа Сен-Жермена, члена Великой Гималайской общины. Но все спасительные предупреждения и советы принимались за оскорбления и обман; трагические последствия отрицания всем известны»¹⁹. Сен-Жермен всегда старался добиться установления в Европе политического равновесия и пытался обезопасить континент от любых социальных катаклизмов. И нелепы обвинения его в причас-

---

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Сен-Жермен. Пресвятая Тринософия. М. 1998. С. 342.

¹⁷ Мура Ж., Луве П. Сен-Жермен, бессмертный розенкрейцер. М.. 1999. С. 101.

¹⁸ Рерих Е.И. Письма. Том IV (1936 г.). М., 2002. С. 433.

¹⁹ Рерих Е.И. Письма. Том II (1934 г.). М., 2000. С. 420.

тности к ужасам Великой Французской революции. «... Существует убеждение, – писала Е.И.Рерих, – что Вел[икие] Уч[ителя] не только руководят революциями, но будто бы даже вызывают их!!! <...> Нет более страшного заблуждения. Именно Вел[икие] Уч[ителя] всеми силами стараются предотвратить всякие разрушения и убийства и путем сдвига сознания направить человечество к правильной эволюции. Они не могут насиловать человеческую волю, ибо в результате это грозило бы еще худшими разрушениями, но Они всегда посылают предостережения и стремятся помочь и спасти тех, кого возможно»²⁰.

Теософ и писательница И.Купер-Оукли в своей книге «Граф де Сен-Жермен. Тайна королей» опубликовала философский сонет, приписываемый Сен-Жермену:

Я тот, кто беспристрастным взором проник в Природы естество,
Исследовал ее строенья бесконечность.
Я видел силу золота в глубинах рудников,
Постиг его материю и сущность.

И я открыл, как таинством душа свой строит дом
В утробе материнской и, возродясь, несет его в себе,
Как семя виноградное в земле с зерном тягается пшеничным
И оба прорастают, умирая и воскресая в хлебе и вине.

Из Ничего, по Божьему желанью, возникло Нечто –
Я сомневался, знать хотел, искал истоки бытия,
Гармонию, что держит равновесье мира,

И, наконец, в благословеньях и мольбах,
Прозрел я Вечность, что к душе моей воззвала.
Я умер. Я воскрес. Я больше ничего не знаю²¹.

«Только мистик, – комментирует сонет И.Купер-Оукли, – мог написать такие значимые, такие могущественные слова о великих тайнах, полностью раскрывающихся только лишь Посвященным,

---

²⁰ Рерих Е.И. Письма. Том V (1937 г.). М., 2003. С. 185.

²¹ Сен-Жермен. Пресвятая Тринософия. М. 1998. С. 5.

и только мистики могут оценить их. <...> Знания, которые так редко встречаются среди людей; умение управлять силами, неизвестными “широкой публике”; несколько пылких учеников, ставшихся изо всех сил распространить свое знание невидимой духовной жизни среди материального мира – вот знаки, окружающие графа де Сен-Жермена, свидетельства его связи с великим Центром, откуда он явился»²².

Космические Иерархи постоянно приходят в наш мир, неся оповещение о грядущей ступени эволюции сознания, даря человечеству истину в той или иной форме. Этими формами выражения единой, сокровенной истины, космической правды, были мистерии, религии, школы эзотерической мысли пифагорейцев, платоников, гностиков, общины альбигойцев, сообщества алхимиков, ордена рыцарей, тамплиеров и розенкрейцеров. В XVIII веке наследниками этих братств стали масонские ложи²³. Можно назвать несколько предшественников графа де Сен-Жермена в деле принесения в Европу великих знаний: Парацельс, Д.Бруно, Т.Кампанелла, Я.Беме, Ф.Бекон, Я.Коменский.

²² Там же. С. 338-339.

²³ Подобная мысль выражена в призывном циркуляре, разосланном всем европейским масонским организациям за год до проведения объединительного конвента, состоявшегося в Вильгельмсбаде в 1782 году, подписанного Фердинандом Брауншвейгским, в котором говорилось, что «под истинными иероглифами и иносказаниями вольных каменщиков (исключая те, которые относятся единственно к истории) сокрываются некоторые истины или познания, которые хотя не причисляются ни к единой системе, и не принадлежат к толико известному во времена нынешние шарлатанству, но самым тем суть вернее, выше, утешительнее и древнее, нежели большая часть всех известных (обыкновенных) наук человеческих; с сей стороны вольное каменничество основано на законах непременных, и всякое самопроизвольство превышающих. Но поелику знания сии находились отменно у того или другого общества или [ордена] или и теперь еще может быть у одного находятся, то и весьма легко быть может, что сие перемене всех вещей человеческих подверженное общество вследствие многих столетий переменяло многие разы внешний образ свой и познание; и следственно в рассуждение внешнего образа, названия, общественного союза и составления [ордена], вольное каменничество назвать можно условным. Внутреннее существо одного пребывает всегда едино, но внешнее может оновляться под различными видами. И располагаясь по образу мыслей, нравам, а может быть и по предраассуждениям текущего столетия» (Предварительный циркуляр, касающийся до будущего Генерального Конвента [Ордена] // РО РНБ, ф. Q III, ед. хр. 191, л. 10-10об).

Поскольку Сен-Жермен и его ученики через братство вольных каменщиков выдавали и распространяли новые научные знания, то одной из задач графа было реорганизовать, обновить и привести к единству многочисленные европейские масонские организации. Чаще всего он бывал в Германии, где проживал у князя Карла Гессен-Кассельского. В 1774 году Сен-Жермен писал: «В настоящий момент я уже обещал заехать в Ханау, чтобы повидаться с ландграфом Карлом [Гессенским] в доме его брата – с целью разработать систему “строгого обряда”, духовно возродить Орден свободных масонов среди аристократии... Ландграф – близкий и дорогой мне друг и защитник...»²⁴ На общемасонском конгрессе 1782 года в Вильгельмсбаде преобразования были утверждены, во главе ордена вольных каменщиков был поставлен прежний гротмейстер герцог Фердинанд Брауншвейгский. Он был тесно связан с Сен-Жерменом, с которым познакомился в 1779 году в гостях у Карла Гессенского. Сохранились документальные свидетельства о том, что граф вместе с Месмером, Калиостро и Сен-Мартемом участвовал в масонских съездах в 1785 году в Париже и Вильгельмсбаде. Во многих масонских организациях, пишет И.Купер-Оукли, «ясно прослеживается роль “посланца” [Сен-Жермена] или его близких друзей и последователей. И в той или иной степени в работе всех этих групп проступают фундаментальные принципы, которые неизбежно преподносят все посланцы Великой Ложи, как, например, эволюция духовной природы человека, реинкарнация, скрытые силы природы, чистота жизни, благородство идеала, Божественная сила, лежащая в основе всего сущего и управляющая всем. Вот ключи, которые с точностью укажут искателю истины Ложу, из которой происходил граф де Сен-Жермен...»²⁵

Состояние русского общества во второй половине XVIII века

В конце XVI – начале XVII века в Европе на смену религиозному мышлению стало приходить научное, и должен был про-

²⁴ Сен-Жермен. Пресвятая Тринософия. М. 1998. С. 358-359.

²⁵ Там же. С. 361-362.

изойти синтез веры и знания, но на деле все попытки научного описания мира жестоко пресекались и преследовались церковью. В то время она потеряла связь с Высшим, выродилась в инквизицию. Реакцией на церковный догматизм, на удушение научной мысли и интеллекта стал рационализм XVIII века, когда проповедовался приоритет разума, отрицались Бог и дух, не принималась в расчет религия, и вышедший из философии Вольтера, Гельвеция, энциклопедистов. Рационалистическое мировоззрение прочно укоренилось на европейском континенте и явилось причиной французской революции в 1789 году. «Я думаю, что сочинения Вольтеров, Дидеротов, Гельвециев и всех антихристианских вольнодумцев много способствовали к нынешнему юродствованию во Франции, – такой вывод делал в 1790 году писатель и переводчик И.В.Лопухин. – Да и возможно ли, чтобы те, которые не чтут самого Царя Царей, могли любить царей земных и охотно им повиноваться? Чувства сии любви и повиновения необходимо нужны для благословения общественного! Но может ли сие быть предметом тех, которые токмо ищут собственной корысти, на которой основана вся оная модная французская философия? <...> Я уверен, что то государство счастливее, в котором больше прямых христиан»²⁶.

Освободительная философия пришла и в Россию и привилась на местной почве, давно страдавшей религиозными проблемами (в виде раскола, сектантства, обмирщения церкви и власти, секуляризации общества), в какой-то странной и искаженной форме. И это притом, что православие, подчиненное государству, было бездуховно. «Официальная религия, – пишет современная исследовательница И.Ф.Худушина, – пребывала в догматической самоуверенности, не была способна ответить на вопросы мятущегося духа, сама нуждалась в обновлении. Лишенная нерва душевной сопричастности и авторитета нравственного пастыря, церковь, часто фарисействуя, превращала таинство в повседневный ритуал, формальность, машинальный жест. Если светская жизнь не сулила душевного покоя, не давала ощущения истинности, праведности бытия и даже отнимала подчас надежду на

---

²⁶ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 16-17.

спасение, то и официальная церковь, все более обмирщаясь, теряла свойство духовного наставника, утешителя»²⁷. В такой атмосфере кризиса религиозного сознания, вольное чувство, развинченное умами модно образованной публики, писал известный историк В.О.Ключевский, «встретившись с вольною смеющею мыслью, спешило устранить все сдержки и преграды и прежде всего набросилось на простейшие нравственные связи. <...> Тогда, по свидетельству Фонвизина, составлялись кружки молодежи, все философское упражнение которых состояло в богохульстве и кощунстве. Потеряв своего Бога, заурядный русский вольтерьянец не просто уходил из Его храма как человек, ставший в нем лишним, а, подобно взбунтовавшемуся дворовому, норовил перед уходом набуянить, все перебить, исковеркать и перепачкать. Что еще прискорбнее, многими, если не большинством наших вольнодумцев, вольные мысли почерпались не прямо из источников – это все-таки задавало бы некоторую работу уму, – а хватались ими с ветра, доходили до них отдаленными сплетнями из вторых-третьих рук. <...>

Таким образом, открывалось неожиданное и печальное зрелище: новые идеи просветительной философии являлись оправданием и укреплением старого доморощенного невежества и нравственной косности. Обличительный вольтеровский смех помогал прикрывать застарелые русские язвы, не исцеляя их. Доисторические привычки и одичалые понятия, которые прежде припрятавались от глаз закона или которых стыдились перед добрыми людьми, как стыдятся неубранного домашнего сора перед гостями, теперь самодовольно выставлялись напоказ как указание или требование природы. Новые идеи нравились как скандалы, подобно рисункам соблазнительного романа. Философский смех освобождал нашего вольтерьянца от законов Божеских и человеческих, эмансипировал его дух и плоть, делал его недоступным ни для каких страхов, кроме полицейского, нечувствительным ни к каким угрызениям, кроме физических, – словом, этот смех становился для нашего вольнодумца тем же, чем была некогда для западного европейца папская индульгенция, снимавшая с человека

---

²⁷ Худушина И.Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.). М., 1995. С. 133.

всякий грех, всякую нравственную ответственность; да этот смех и сам, кажется, был преемником, едва ли даже не был *натуральным сыном* этой самой индульгенции»²⁸.

Человек получил освобождение и от церковных догматов, и от Бога. Но дух человеческий жаждал истины, личность стремилась к душевной полноте, к нравственному удовлетворению. И здесь в общество пришло масонство, которое по своей сути, как определенная система, ведущая человека по пути самосовершенствования и самопознания, должно было дать искомое. «Находясь на распутии между вольтерианством и религией, – вспоминал писатель и книгоиздатель Н.И.Новиков, – я не имел точки опоры или краеугольного камня, на котором мог бы основать душевное спокойствие, а потому неожиданно поплыл в общество [масонов]»²⁹. «...Новиков, – писал исследователь М.Н.Лонгинов, – наслышавшись о том, что в масонстве существуют возвышенные цели и уважение к религиозному чувству, вступил в орден, надеясь найти в нем опору своим религиозным стремлениям»³⁰. Но в реальности все было не так. Мировоззрение русских вольных каменщиков 1760-70-х годов было рационалистическим. В ложах стремились строить жизнь духа и тела по законам материи. Почти все братья были поклонниками Вольтера, идеология масонства того времени совпадала с вольтерианством. Среди переводчиков французских философов-рационалистов были лица, активно участвовавшие в масонских организациях: А.Р.Воронцов, М.М.Херасков, А.А.Ржевский, Н.Н.Трубецкой, И.П.Елагин, А.М.Кутузов, В.А.Левшин, А.Н.Радищев. «Секты оных масонов умножаются, и философы Вольтер и Руссо величаются»³¹, – сетовал в то время церковный иерарх. Позже часть вольных каменщиков изменила свое отношение к рационалистической философии. В 1785 году была издана книга «Истина религии вообще», в которой на вопрос: «Что есть вольнодумцы?» давался такой ответ: «Вольнодумцами, или деистами, называют обыкновенно тех, которые представляют себе Божество от мира отдаленное и о человеках не пекущееся, и посему почитают себя ос-

²⁸ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 34-35.

²⁹ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 118.

³⁰ Там же.

³¹ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999. С. 150.

вобожденными всякого повиновения религии. Их называют еще и любимым их именованием: крепкими умами (*esprit fort*); потому что мнения свои почитают они непобедимыми. Но мнимая сия крепость состоит в одном гордом воображении их, тем более ожесточающемся, чем более бояться беспокойства сердечного при помышлении о важной вечности. Они имеют место между богоотступниками и натуралистами, однако ж, подходят ближе к первым...

Атеист, или безбожник, приписывает все мироздание и перемены, в оном случающиеся, слепому случаю, нечаянности, мечте. Он, уничтожая Божество, уничтожает всю премудрость в мироправлении и всякую религию и нравственность. Таковой безумных дома кандидат не достоин быть между человеками, и яко в уме повредившийся, достоин презрения.

Грубый эпикуреец, хотя верует в Бога, однако ж, живет так, как будто бы Его не бывало. Необузданно следует он свирепым похотям своим. Он атеист практический, скот в виде человеческого, и достоин удерживаем быть телесными наказаниями.

Деист, или вольнодумец, хотя верует Божеству и единому всеобщему Божественному промыслу, но отрицает особливый промысл Божий, бдящий о каждом особенно, и чрез сие, подобно атеисту, уничтожает всякую религию. Отдаляя от мира Божество, отдаляет и всякое будущей жизни чаяние, и колеблет, сколько может, столбы правления. Вольнодумческое хуление на святилище человечества заслуживает против них более ревнования, нежели упущения. И для того намерены мы, ежели они не совсем еще ожесточились, стараться вывести их из заблуждения, прежде, нежели отяготится на них рука Божия»³².

Вольнодумное состояние умов было характерно не только для масонов, но и для большинства представителей просвещенного общества того времени. Огромным искусом, по словам А.В.Семеки, для нарождавшейся русской интеллигенции было вольтерианство, «с необычайною быстротой, подобно поветрию, охватившее собою широкие общественные круги»³³. Масонству была также свойственна пышная, мертвая обрядность с высокопарным и пустым

---

³² Там же. С. 191-192.

³³ Семяка А.В. Русское масонство в XVIII веке / Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. 1. С. 133.

славословием, подменявшая тяжелую внутреннюю работу и истинные знания. «Каждый каменщик, – писал историк В.Н.Тукалевский, – держал в своих руках наугольник и циркуль, но общей работы созидания храма внутренней жизни не было. Русские масоны вошли в пустые стены храма ордена тамплиеров и вместо работы над диким камнем своих воззрений, проводили время в столовых ложах, или в сотый раз повторяли обряд принятия новых членов»³⁴. Н.И.Новиков вспоминал, что «сперва покуда упражнялись в английском масонстве, то почти играли им, как игрушкой; собирались, принимали, ужинали и веселились; принимали всякого без разбору, говорили много, а знали мало»³⁵. Ложи носили характер светских клубов, с их развлечениями (бильярд, карты), обильным столом и приятными разговорами. Отличительной их чертой являлся только малопонятный орденовский ритуал. Но уже тогда Новиков задумывался и считал истинным масонством то, которое «ведет посредством самопознания и просвещения к нравственному исправлению кратчайшим путем по стезям христианского нравоучения <...> чуждо всяких политических видов и союзов, пьянственных пиришеств, развратности нравов членов его»³⁶.

Ярким описанием состояния масонства середины и второй половины XVIII века могут служить записки известного писателя и переводчика И.П.Елагина: «Я с самых юных лет моих вступил в так называемое масонское, или свободных каменщиков общество, – любопытство и тщеславие, да узнаю таинство, находящееся, как сказывали, между ними, тщеславие, да буду хотя на минуту в равенстве с такими людьми, кои в общежитии знамениты, и чинами и достоинствами и знаками от меня удалены суть, ибо нескромность братьев предварительно все сие мне благовестила. Вошел таким образом в братство, посещал я с удовольствием ложи: понеже работы в них почитал совершенною игрушкой, для препровождения праздного времени вымышленною. При том и мнимое равенство, честолюбию и гордости человека ласкающее, боле и боле в собрание меня привлекало: хотя на самое краткое время

³⁴ Тукалевский В.Н. Из истории философских направлений в русском обществе XVIII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1911, № 5. С. 13.

³⁵ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 502.

³⁶ Там же. С. 482.

буду равным власти, иногда и судьбою нашею управляющей. Содействовала к тому и лестная надежда, не могу ли чрез братство достать в вельможах покровителей и друзей, могущих споспешествовать счастью моему. Но сие мечтание скоро исчезло, открыв и тщету упования, и ту истину, что вышедший из собрания вельможа... что я говорю вышедший?.. в самом собрании есть токмо брат в воображении, а в существе вельможа. С таким предубеждением препроводил я многие годы в искании в ложах и света обетованного, и равенства мнимого: но ни того, ни другого никакой пользы не нашел, колико ни старался.

Вам самим, любезные братья, известно, что для мыслящего человека, для человека, некоторые понятия в науке имеющего, все в ложах наших деяние кажется игрою невеликого разума, или, по крайней мере, мне казалось все игрою людей, желающих на счет вновь приемлемого забавляться, иногда непозволительно и неблагопристойно. Сего ради по долгом старании не приобрел я из тогдашних работ наших ни тени какого-либо учения, ни преподаваний нравственных, а видел токмо единые предметы неудобь постижимые, обряды странные, действия почти безрассудные; и слышал символы нерассудительные, катехизисы, уму несоответствующие; повести, общему о мире повествованию прекословные; объяснения темные и здравому рассудку противные, которые или не хотевшими, или не знающими мастерами без всякого вкуса и сладкоречия преподавались. В таком бесплодном упражнении открылась мне токмо та истина, что ни я, ни начальники лож иного таинства не знают, как разве со степенным видом в открытой ложе шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласным воплем непонятные реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином, да начатое Минерве служение окончится празднеством Вакху. Таковым предубеждением преисполненный, когда лета и чтение, дающие некоторые уму человеческому свет, стали и мне твердить, что удобь возможно с лучшим успехом и пользою употреблять свое время, отклонился я почти вовсе от собраний масонских. Но сердце, быв уже одним заблуждением заражено, пленилось другим, еще вреднейшим. Так все молодые люди без руководства добрых и разумных учителей впадают почти в неисцеляемое заражение ума и сердца!

Я, предположив себе предметом просвещения разума, стал искать его в чтении творцов, в славе тогда находящихся, и прилепился к сочинениям лестным и заманчивым, т.е. – признаться вам чисто-сердечно – прилепился к писателям безбожным, веру христианскую, сию истинную веру, не понимая ее таинств, в кощунство и Божественное Ветхого и Нового Завета писание в смех, глумление и в сумасбродные басни обращающим. Сим душепагубным чтением спознался я со всеми атеистами и деистами. Стихотворцы и басносплетатели стали моими учителями и проповедниками. Буланже, Даржанс, Вольтер, Руссо, Гельвеций и все словаря Бейлева, как французские и английские, так латинские, немецкие и итальянские лжезаконники, пленив сердце мое сладким красноречия ядом, пагубного ада горькую влияли в него отраву. <...> Сие зловерное чтение, говорю, совратило меня с пути истинного, самим естеством человеку указуемого, христианским воспитанием нам открываемого и некоторым темным и едва пронизательным образом в запутанном масонском лабиринте являемого. Так заблуждается водимый собою слабый человеческий ум! Все благоприятно, все прелестно, все то полезно кажется ему, что телесным ласкает его чувствам. Ибо светильник, в душе его находящийся, затмен мраком плотского удручения, не допускающего возгореть ему; ибо дух его, отягченный игом брэнной одежды, пребывает в темнице своей без действия и тщетно силится иногда ополчиться против обуревающих слабую его хижину стихий неприязненных, т.е. необузданных пороков; и часто сей несчастный узник, не могший прервать связующих его оков, страждет, отлученный от пресветлого своего источника.

<...> Дерзнул я забыть и веру, в которой родился, и страх Божий, и учение, которое мне при воспитании в училищах преподаваемо было»³⁷.

Культурная деятельность И.Г.Шварца

В середине 1770-х годов в Санкт-Петербурге составилась кружок интеллигентов (или уже к тому времени, или в недалеком будущем, крупных деятелей русской культуры), являвшихся масо-

³⁷ Масонство и русская культура. М., 1996. С. 227-229.

нами, где все внимание было обращено на самосовершенствование, поиск истины и самопознание. Сюда входили М.М.Херасков, В.И.Майков, Н.И.Новиков, И.П.Тургенев, А.М.Кутузов, Н.Н.Трубецкой, В.В.Чулков и другие. Неудовлетворенность нравственным состоянием и масонства, и всего общества приводит их к мысли о необходимости решительным образом принять меры к изменению положения, через просвещение идеями любви к Богу, добродетели и бессмертию души. Так в 1777 году усилиями этих масонов-единомышленников начал выходить журнал «Утренний свет». «...Лучшим предметом настоящих трудов наших избрать не можем, как *сердца* и *души* возлюбленных наших единосемцев», – сообщалось в предуведомлении нового издания. И далее: «*Души* и *дух* их да будут единственным предметом нашим; им-то врачевание, укрепление и тому подобное предлагать станем. И для того издаваемые нами листы должны наполнять истинами, в природе человеческой основание свое имеющими; истинами от естества проистекающими и тем же самым естеством объяснимые». В журнале печатались нравоучительные тексты, стремившиеся к «исправлению человеческого сердца, ко споспешествованию человеческого благополучия и к расширению *души* и сил ее» в надежде «искоренить и опровергнуть вкравшиеся правила вольномыслия, которого следствия как для самых зараженным оным, так и для общества весьма пагубны»³⁸. Публиковались в основном переводы из античных, средневековых и современных писателей и философов: Платона, Сенеки, Эпиктета, Вергилия, Ксенофонта, Диогена Лаэртского, Ф.Бэкона, Б.Паскаля, Э.Юнга, Х.Геллерта, С.Геснера, К.Виланда, Ф.Мозера. В состав журнала вошли произведения и русских авторов: М.М.Хераскова, В.И.Майкова, М.Н.Муравьева и других. Подбор материалов, особенно произведений немецких авторов XVIII века, с обязательным приматом морали, вполне отражает религиозное мировоззрение издателей. Не ставился вопрос о научно-философском осмыслении мира, «познании Бога», только произносилась хвала Ему, постулировалась полная зависимость человека от Высшего начала, полное предание Его воле.

В 1778 году поэт, писатель, издатель литературных журналов М.М.Херасков, ранее занимавший пост директора Московского уни-

---

³⁸ Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1954. С. 383, 400.

верситета, становится его куратором. Друзья и сподвижники Михаила Матвеевича также переезжают в Москву, и вся их просветительская деятельность сосредотачивается в древней столице. Через год, по предложению Хераскова, Н.И.Новиков взял в аренду на десять лет университетскую типографию и продолжил свое плодотворное издательское предприятие, но в небывалом до того масштабе. Свершилось тогда же важное событие для русской культуры: новым куратором в университет был приглашен на должность экстраординарного профессора немецкого языка И.Г.Шварц.

О жизни Ивана Григорьевича Шварца до его приезда в Россию известно очень мало. Он родился в 1751 году в Трансильвании, окончил Йенский университет, служил унтер-офицером голландской Ост-Индской компании, по ее делам ездил в Индию и провел там несколько лет. В середине 1770-х годов где-то в Европе он познакомился с князем Иваном Сергеевичем Гагариным. Молодые люди сблизились, и по рекомендации князя Шварц в 1776 году занял место учителя в доме А.М.Рахманова в Могилеве. В том же году в Москве Иван Григорьевич через посредничество известного поэта Василия Майкова князем Н.Н.Трубецким был принят в масонство, а затем учредил ложу и в Могилеве. Завязались у него отношения и с московскими культурными кругами. Думается, что именно в годы жизни в Могилеве он прекрасно изучил русский язык, так что изъяснялся на нем «как природный русский» и в будущем «лекции его, писанные прямо по-русски, отличались исправностию и чистотою слога, недоступною в тогдешнем времени даже и русским природным»³⁹. Обширность познаний Шварца, его энергия и желание потрудиться на благо России позволили М.М.Хераскову пригласить Ивана Григорьевича преподавать в Московский университет.

Полный энтузиазма приступил Шварц к своей просветительской деятельности, имевшей глубокие последствия для всего тогдашнего сообщества. 13 сентября 1779 года Шварц при вступлении в профессорскую должность произнес речь, в которой обозначил основные методы преподавания своего предмета. Они от-

---

³⁹ [Попов Д.И.] Материалы для жизнеописания пяти благочестивых мужей в России, из разных достоверных источников собранные. В Москве. 1840 // НИОР РГБ, ф. 237, ед. хр. 38, л. 41об.

личались синтетическим подходом, когда изучение языка обязательно связывалось с постижением таких дисциплин как «умословие (логика) и душесловие (метафизика)». Такой подход позволял учащимся проникнуть в глубинный смысл слов и, таким образом, «дети от восьми до десяти лет, наставляемые несколько времени, знали с довольною ясностью различие нравственных, вещественных и отвлеченных понятий, оных отношения и состояние душ»⁴⁰.

Помимо обучения гимназистов и студентов «правильности немецкого языка и письму в нем» Иван Григорьевич «получил указание от Конференции⁴¹ обеспечивать университет необходимыми учебниками и доносить о любых упущениях», которые обнаружатся в распорядке. В связи с этим было подано им «несколько представлений и предложений, касавшихся частью порядка обучения, частью нехватки учителей»⁴². Его доклады на Конференции вызвали одобрение, и для исправления положения Шварц предложил устроить при университете Педагогическую, или Учительскую, семинарию, инспектором которой он и был назначен. Семинария открылась необычайно быстро, уже 13 ноября, и имела целью подготовку русских преподавателей. На пожертвованные П.А.Демидовым десять тысяч рублей и самим Иваном Григорьевичем пять тысяч рублей (кроме вещей и редких книг) были выбраны шесть студентов, чтобы они могли при университете не только стать преподавателями, но и достичь профессорского звания под непосредственным руководством самого Шварца. Таким образом, он сделался первым в России преподавателем педагогики. Со временем семинария преобразовалась в Учительский институт, который просуществовал до 1812 года, положив начало системе высших педагогических заведений.

---

⁴⁰ Шварц И.Г. Речь о способах учения языков, говоренная 13 сентября 1779 года в Императорском Московском университете при вступлении в профессора немецкого языка / Шварц И.Г. Начертание первых оснований немецкого слога. Часть I. М., 1780.

⁴¹ Конференция профессоров – главный совещательный орган, регулировавший деятельность Московского университета в XVIII и XIX веке.

⁴² Записка И.Г.Шварца об отношении к нему И.И.Мелиссино // Летописи русской и литературы и древности. Т. V, отд. II. М., 1863. С. 97 (на нем. яз., перевод Б.И.Шапаева).

Шварц особенно оценил деятельность Н.И.Новикова и сблизился с ним, имея общие планы в области просвещения и книгоиздания. «В одно утро, пришел ко мне немчик, – писал позже Николай Иванович о знакомстве с молодым профессором, – с которым поговоря, сделался во всю жизнь до самой его смерти неразлучным»⁴³. Вскоре Иван Григорьевич заметил, что для проектов Новикова «усилия отдельных людей слишком малы, а дальнейший ход его предприятия был очень важен для просвещения России». «Я увлекся, – вспоминал Шварц, – жил ради пользы просвещения, работал день и ночь, а так как у меня была большая аудитория слушателей, я пытался побудить их к сотрудничеству и подготовить из них переводчиков. Я начал с того, что разделил свою библиотеку среди молодых людей для того, чтобы привить им вкус, – я из собственного опыта знал, как новая и красивая книга действует на юную душу. Я преуспел; молодые люди были ко мне расположены, их отцы приходили выразить свою благодарность, почти ежедневно меня представляли в новой семье и осыпали благодарностями; меня принимали в домах, где уже были учителя, и спрашивали о выборе последних, об учебе и так далее»⁴⁴. Как мы видим, Иван Григорьевич имел особенный дар привлекать к себе слушателей и благотельно влиять на своих учеников. Его отношения с гимназистами и студентами сразу же вышли за пределы формальных и холодных: он входил в их личные и семейные проблемы, беседовал с ними, окружил их дружеской заботой. Многие студенты были им привлечены к переводческой работе для журнала «Утренний свет». Столь активная деятельность Шварца привела к назначению его 5 февраля 1780 года ординарным профессором философии.

Свои взгляды на литературный процесс молодой ученый изложил в своей речи 24 апреля того же года, говоренной в день празднования двадцатипятилетия Московского университета. Он призывал писателей в своих сочинениях уйти от тяжеловесного языка и перейти к непринужденности изложения, которая дает слогу вкус, и мысли выражаются ясными и чистыми словами. И такой вкус состоит «в разумной и острой живости в мыслях, изречениях и

---

⁴³ [Попов Д.И.] Материалы...Л. 8об-9.

⁴⁴ Записка И.Г.Шварца... С. 103.

слоге, сходствующей во всех частях с благопристойностию»⁴⁵. Через два месяца для поднесения австрийскому императору Иосифу II, посетившему университет, была издана первая часть труда Шварца «Начертание первых оснований немецкого слога», в котором рекомендовалось обучение детей любому предмету соединять с познаниями в философии и психологии. «Начертание» – это не обычный учебник, только с набором правил и множеством отвлеченных примеров. Это, в первую очередь, философский трактат, который насыщен глубокими мыслями, образцами нравоучительных определений, в которых прописаны христианские нормы поведения. Исходя из своих педагогических взглядов, Иван Григорьевич сочетал обучающий процесс с мировоззренческим воспитанием. На своих занятиях он давал не только определенные сведения, но это были уроки постижения смысла жизни, внутренней взаимосвязи явлений, приготовления к жизненному поприщу. Здесь закладывалось синтетическое миропонимание ученика, формировался целостный подход к любым событиям и фактам. На его уроках царили возвышенные чувства и добрые эмоции, уважение и желание помочь друг другу, потому что главным действующим лицом в классе оставался ученик и его душа. Сам Шварц подавал пример человеколюбия, благородства, внутренней гармонии, стремления к познанию, благодаря чему происходило воспитание высоких качеств и у его питомцев. По словам В.О.Ключевского, «это была прекрасная проповедь при бездушной школьной выучке и бессердечном вертопрашестве светской мысли»⁴⁶.

В 1780 году Шварц женился на гувернантке князя Голицына, таким образом, прочно, по-семейному осев в Москве, где его известность как педагога в короткое время стала всеобщей.

Иван Григорьевич кардинально повлиял на издательскую политику Н.И.Новикова. Начали выходить книги религиозного и философского содержания в невидимом доселе разнообразии, знакомя читателей России не только с известными мыслителями прошлого, хотя ранее и не переводившимися на русский язык, но и с неизвестными авторами, представлявшими, так называемую ев-

---

⁴⁵ Тихонравов Н.С. Профессор И.Г.Шварц / Тихонравов Н.С. Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч.1. С. 67.

⁴⁶ Ключевский В.О. Собрание сочинений. В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 42.

ропейскую натурфилософскую литературу, особенно имевшую воздействие на умы и сердца читающей публики. Это такие писатели как И.Арндт, И.Мейсон, Д.Пордедж, Л.К.Сен-Мартен, Г.Агриппа и многие другие. Также представил Шварц своим товарищам по ордену труды «тевтонского философа» – Якоба Беме.

Продолжалось участие Шварца и в деятельности масонства. В конце 1780 года по его инициативе была образована новая ложа «Гармония», в которую как раз вошли те братья, которые принимали самое активное участие в культурных начинаниях Ивана Григорьевича – М.М.Херасков, Н.И.Новиков, И.П.Тургенев, А.М.Кутузов, Н.Н. и Ю.Н.Трубецкие, А.А.Черкасский и др. Новая ложа даже по своему названию была призвана объединить вольных каменщиков в согласованной работе на благо России. «Видя беспрестанные противоречия и недоумения, встречаемые на пути искания истинного масонства, – писал М.Н.Лонгинов, – основатели этой ложи постановили отложить в сторону прения о второстепенных вопросах и соединиться между собой без различия партий, стараясь привлечь в свой союз по возможности большее число надежных братьев, и затем уже принять меры к окончательному устройству своей системы и к признанию своему в масонском мире. Члены назвали себя “братьями внутреннего ордена”, как бы заявляя тем свою независимость от партий и привязанность лишь к коренным догматам масонского учения, общим для всех разнородных его систем»⁴⁷.

17 августа 1780 года начался новый учебный год в университете и продолжилась напряженная педагогическая деятельность И.Г.Шварца. Он читал лекции для студентов, преподавал в обеих гимназиях – дворянской и разночинской, в Педагогической семинарии, при этом оставаясь их инспектором. «Все же в гимназии еще продолжали царствовать необходимые к исправлению недостатки, – писал он в докладной записке, – не соответствовавшие первоначальному плану, вследствие быстрого роста учебного заведения. Меня спросили, имею ли я желание их исправить. Я, не предвидя того, сколько возникнет зависти, ненависти и клеветы, если я, пылая любовью к общему благу, устраню давние злоупотребления, вызванные ленью и корыстолюбием, – безо всякого жалованья предпринял этот титанический труд. Я не жалел сил и в начале

---

⁴⁷ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 167.

февраля 1781 года подал на рассмотрение совершенно новый учебный план. Этот измененный мною план зачитывался на трех Конференциях подряд, был изучен и встречен с большим радушием, как опять же на это указывают протоколы Конференции. Но и здесь имелись трудности в осуществлении, и действительно, они были велики, однако я не позволил себе испугаться и в короткое время осуществил все предложенные мною изменения»⁴⁸. Шварц не мог изменить ни состав учителей, ни набор преподаваемых предметов, но он внес гуманное педагогическое мышление в образовательное поле не только Московского университета, но и в пространство создающейся российской педагогики. Новый подход характеризовался уважением к личности ребенка, раскрытием его индивидуальности, верой в его возможности и направлением на служение добру и справедливости. Взор ребенка устремлялся на свой внутренний мир, на познание самого себя, чтобы воспитание, таким образом, переходило на самовоспитание и на понимание своей самоценности. При этом значимость знаний определялась в первую очередь их смысловой и духовной насыщенностью, личностным отношением ребенка к ним, на основе его высокой нравственности. И выходя за пределы или гимназии или университета, молодой человек желал не приспособливаться к сложившимся условиям жизни, а менять, улучшать, совершенствовать эти условия.

Тесная творческая связь преподавателя и учеников привела к тому, что по инициативе Шварца 13 марта 1781 года было основано первое российское студенческое общество – Собрание университетских питомцев. Он поставил перед обществом задачу: «доставление в университете обучающемуся юношеству таких средств, по которым бы оно не только могло успевать в науках, но и жить по правилам благонравия». Иван Григорьевич предписал обществу «два главнейших закона и две спасительнейшие цели: первую, до просвещения разума относящуюся, чтобы упражняться в сочинениях разного рода и переводах наилучших мест из древних и новых писателей, и издавать в свет годичный журнал в пользу бедных; а вторую, непосредственно исправляющую наши испорченные склонности, чтобы при начатии каждого собрания по очереди говорить членам о какой-либо нравственности речь; и тем бы самым, соединя-

---

⁴⁸ Записка И.Г.Шварца... С. 98.

ясь между собою теснейшим узлом любви и желания к достижению столь величественной для юношества цели, могли [участники общества] сделаться со временем как для себя, так и для целого [своего] любезнейшего отечества полезными»⁴⁹. Первая цель достигалась публикацией журнала – это было «Московское ежемесячное издание», которое являлось продолжением «Утреннего света» и заключало в себе собрание разных лучших нравоучительных, политических и исторических статей. В нем печатались не только переводные, но и собственные оригинальные произведения молодых литераторов. Вступительная статья в журнале написана, скорее всего, самим Шварцем, ибо в ней говорится о необходимости использования научных методов при изучении мира. Поскольку человек, писал Иван Григорьевич, главной целью имеет «совершенство духа, состоящее в познании бессмертных истин, которыми восхищается и возносится до нынешнего царства духовного, или разумного: то наука разума не может не споспешествовать ему в толь славных его подвигах». Научный подход включает познание себя, природы и Бога и, если ученый «не соединит оных трех предметов воедино и все свои познания не устремит к совершенному разрешению оной загадки: на какой конец родится, живет и умирает, и ежели он при всей учености своей злое имеет сердце, то достоин сожаления и со всем своим знанием есть сущий невежда, вредный самому себе, ближнему и целому обществу»⁵⁰. Таким образом, Шварц применял к методологии познания целостный подход, когда наука должна быть нравственной и не отрываться от решения мировоззренческих вопросов. И.П.Тургенев в статье «О действии наук над сердцем и нравом человеческим» в одном из номеров журнала также писал о важности свободных наук, которые «изошряют разум, оживотворяют изобразительную силу и обогащают память множеством знаний, без которых ни в божественных, ни в человеческих науках, ни в народных, ни в домашних делах никогда выше посредственности возвыситься не можно»⁵¹. Но науки, по его мнению, должны не только давать знания, но и облагораживать сердца и иметь благотворное действие на нравы людей.

⁴⁹ Тихонравов Н.С. Профессор И.Г.Шварц / Тихонравов Н.С. Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч.1. С. 72.

⁵⁰ Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1954. С. 408-409.

⁵¹ Массонство и русская культура. М., 1996. С. 127.

Издавал Шварц в 1781 году «Московскую немецкую газету» и французские «Ведомости», предназначенные для повышения литературного вкуса читающей публики и распространения новых мыслей о просвещении. Но газеты не имели успеха из-за отсутствия достаточного количества читателей. Впрочем, «Немецкая газета» способствовала укоренению в Москве желания учиться немецкому языку.

С самого начала преподавания в университете начали закладываться молодым профессором основы Дружеского ученого общества, ставившего перед собой просветительские, филантропические и издательские цели. Позже он писал: «Я был возмущен тем, что многие благородные родители, желавшие добра своему ребенку и не знавшие ничего о просвещении, вводились в заблуждение недостойными и корыстными иностранцами. Поэтому я учредил общество, которое бы помогло устранить это зло и 1) распространяло бы насколько возможно в обществе правила воспитания; 2) способствовало бы Типографической компании господина Новикова чрез переводы полезных книг; 3) пыталось бы привлечь в страну иностранцев, способных к преподаванию, или воспитывать на свои средства русских преподавателей. Знакомства, которые я завел во многих семьях благодаря моей службе в университете, позволили мне ежедневно проповедовать свой проект и его пользу»⁵². Иван Григорьевич заинтересовал этими планами несколько человек из числа братьев по ложе «Гармония» и они пожертвовали небольшие суммы на общее благо. Тогда же случилось событие, кардинальным образом повлиявшее на обширность культурных начинаний Шварца. Он познакомился с П.А.Татищевым, обладавшим огромным состоянием и решившим часть его употребить на пользу просвещения и благотворения. «Когда Колумб увидел землю, он был не менее радостен, чем я, так как видел себя во главе приличного капитала, достаточного для осуществления моей Платоновой идеи»⁵³, – вспоминал Иван Григорьевич.

Объединение всех московских масонов, которое замыслил Шварц, требовало определенных и явственных отношений с иностранными вольными каменщиками. И в первую очередь необхо-

---

⁵² Записка И.Г.Шварца... С. 103-104.

⁵³ Там же. С. 105.

димо было наладить отношения с Фердинандом Брауншвейгским, главой европейского масонства. Для этого требовалась поездка за рубеж. Закончив учебный год, Иван Григорьевич, по поручению своих друзей по ложе, выехал за границу. В поездку он отправился как воспитатель молодого Татищева и намеревался там привлечь опытных сотрудников, завести литературные связи, обозреть разные педагогические заведения и познакомиться с учеными. По пути, в Петербурге, он представился главному куратору и основателю Московского университета И.И.Шувалову, который одобрил его намерение путешествовать по Европе и поручил составить записку о состоянии университета и необходимых в нем преобразованиях. Записка в самое короткое время была предоставлена и получила одобрение Шувалова.

В результате встреч в Брауншвейге И.Г.Шварца с Генеральным Мастером герцогом Фердинандом Брауншвейгским Россия была признана самостоятельной провинцией масонского ордена под его руководством. Завязал также Шварц отношения с берлинскими розенкрейцерами, принадлежащими к числу близких лиц Генерального Мастера, и получил от них акт, облакавший его быть главой этого ордена в России. Позже он учредил в Москве «Орден Злато-розового креста» и поэтому московских вольных каменщиков именovali с тех пор розенкрейцерами⁵⁴. Шварц согласился стать во

---

⁵⁴ Шварц в своих лекциях о «Трех познаниях» так говорил о розенкрейцерах: «Однако некоторые сказывают нам, что сие предание, или сие слово Божие, не исчезло на земле; ибо, что единожды дано Богом, то исчезнуть или истребится никогда не может. Уверяют, что оно не у раввинов, но что некоторая секта иудейская, известная под именем ессеев и терапевтов, сохранила предание сие, и что оно перешло от них к так называемым розенкрейцерам. Иные утверждают сие тем, что жизнь сих ессеев была сообразна долженствующей быть жизни истинных христиан и что Христос, отвергая все другие иудейские секты, об одной ни слова не говорил; однако сего я ни отвергнуть, ни утвердить не могу, но оставляю на размышление и разыскание каждого. Нам же остается читать Св[ященное] Писание с сокрушенным сердцем и просить от Бога разумения оного. Но чтоб дать некоторое познание о так называемой розенкрейцеровской Каббале, я почерпну впредь некоторые их понятия и изъяснения из выданных ими книг и представлю на размышление слушателей» (Лекции пр[офессора] И.Г.Шварца о трех познаниях: любопытном, приятном и полезном // НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 141, л. 42-42об). Также Шварц сообщал, что истинное знание, данное человеку от Бога, «через которое знал он все таинство природы и ее действий, яко нужнейшее средство к охранению

главе разных направлений в масонстве для того, чтобы своих сподвижников вне зависимости от их идейных предпочтений привлечь к просветительскому делу, к занятиям наукой и педагогикой. Кроме того, в его намерения входило среди преподавателей университета «распространить взаимную любовь как главный закон Ордена, заронить в их сердца и удержать в них деятельное побуждение к благодеянию, без коих воспитание не может иметь успеха»⁵⁵.

В Германии Иван Григорьевич вошел в отношения с «именитыми и учеными мужами», познакомил их с литературой России и убедил некоторых из них в важности познания русского языка при изучении истории, вследствие чего было введено его преподавание в некоторых немецких землях. Нет сомнения в том, что он во время своего заграничного путешествия принес большую пользу для издательских и книготорговых предприятий Н.И.Новикова, устроив отношения между Москвой и научными центрами Германии, особенно Лейпцигом. После поездки Шварца торговля иностранными книгами в новиковских лавках еще более увеличилась. Привез он много новых сочинений, по-прежнему знакомя своих друзей и учеников с трудами европейских философов-провидцев и с педагогической культурой Запада. Быстрое и успешное решение многих важных вопросов при встрече с Фердинандом Брауншвейгским, братская переписка с Карлом Гессен-Кассельским, которые тесно и в течение многих лет были связаны с графом де Сен-Жерменом, заставляют предположить, что и сам И.Г.Шварц и до переезда в Россию, и после встречался с ним и получал от него необходимые указания⁵⁶.

и ободрению себя <...> всегда сохранялось между избранными и что до сих пор оно сохраняется между друзьями Божиими на земле» (там же, л. 44об).

⁵⁵ Записи речей И.Г.Шварца в протоколах ложи Трех Знамен. [2-30 октября 1783 г.] / Киселев Н.Р. Из истории русского розенкрейцерства. СПб., 2005. С.351.

⁵⁶ Отвечая на вопрос о том, имеют ли члены масонского ордена отношения с «братьями высшего познания», И.Г.Шварц высказался так: «Как иным образом просвещение получить? Откровение, правда, нам показывает, что Бог иногда непосредственно сообщается. Но, однако, кто мы? чтоб сего требовать могли; а сверх того история нам показывает, что Бог посредством орудий действует, яко Он учинил то и чрез воплощение Сына, в котором и чрез которого Он Себя и волю Свою изобразил людям» (Ответы И.Г.Шварца на вопросы, присланные А.А.Нартовым в 1783 году // НИОР РГБ, ф. 14, ед. хр. 692, л. 1). Приведем еще один ответ Шварца: «Некто неизвестный, милосердую и о нашем отечестве, сообщил нам некоторые путеводительные сред-

После возвращения Шварца в Москву в конце февраля 1782 года деятельность Дружеского ученого общества сильно оживилась. Была учреждена Иваном Григорьевичем при университете Переводческая семинария для обучения молодых людей иностранным языкам, мастерству перевода и ознакомлению русского общества с философскими и художественными сочинениями зарубежных авторов. При этом переводчики имели возможность оттачивать свое литературное мастерство, излагая текст простым и ясным стилем, по сути дела создавая новый литературный русский язык, так как это виделось Шварцу. Поскольку многие переводимые книги были созданы великими мыслителями, т.е. были «писаны духом», то молодые переводчики, по мнению Ивана Григорьевича, «необходимо должны жизнью своею подражать и уподобляться писателям оных, и доводить душу свою до той степени совершенства, до которой доведена была душа сих писателей, дабы учиться удобными быть помазаны Духом Святым в таковой же степени совершенства, в каковой те писатели были помазаны; ибо без сего, переводчик ни сам переводимого писания не разумеет, ниже не может сделать онога понятным для других; потому что он переводит одни мертвые буквы; смысл же и дух писания остаются не переведенными»⁵⁷.

Молодые люди Педагогической и Переводческой семинарий содержались за счет Дружеского общества, и число их было сперва пятнадцать человек, а затем возросло до пятидесяти. Для помещения студентов обществом был куплен особый дом близ храма Гавриила Архангела (Меньшиковой башни), недалеко от Мясницкой улицы и Чистых прудов, где жил и сам Иван Григорьевич. Этот дом, своеобразное «общежитие», называли «благословенным жилищем на прудах». В том же году под редакторством Шварца начал выходить новый журнал «Вечерняя заря», продолживший философскую направленность «Утреннего света» и «Московского издания» и наполненный большим количеством серьезных и объемных материалов, написанных непосредственно питомцами Дружес-

---

ства, могущие проводить нас к великой цели, и теперь не оставляет нас при сомнительных случаях наставлением; только притом всякое любопытство, так как свойство ребят и болтливых женщин, нам жестоко запретил; равно как и всякое хвастовство полученными познаниями» (Там же. Л. 20б).

⁵⁷ [Шварц И.Г.] О возрождении и молитве // Избранное чтение для любителей истинной философии. СПб., 1820. № 6. С. 196-197.

кого общества. Это были рассуждения «О бытии Бога», «О благодати Божией», «О бессмертии души» «О рассудке», «О блаженстве», «О совести», «О человеческой воле», «О познании самого себя» и др.⁵⁸ Даже названия статей говорят о том, как основательно погружались воспитанники в исследование мировоззренческих проблем под руководством Ивана Григорьевича.

Отчет о поездке за границу был Шварцем представлен в мае 1782 года на Конференцию вместе с 13 трудами о воспитании и 8 другими редкими произведениями в подарок для библиотеки университета. К сожалению, все его усилия никак не были оценены присутствующими профессорами и лично куратором И.И.Меллисино, незадолго перед этим вернувшимся в Москву после долгого отсутствия. На следующий день после заседания Конференции Иван Григорьевич подал в отставку, мотивируя ее пошатнувшимся здоровьем. После такого решительного шага, вспоминал Шварц, Меллисино «незамедлительно принял меня, уверил в своей дружбе, предложил освободить меня от моих обязанностей на несколько лет с содержанием для восстановления моего здоровья. Он уверил меня, что я уже давно заслужил такой награды, почти заставил меня забрать прошение. Так как я был слишком слаб для продолжения службы, а совесть не позволяла смириться с упреком в незаслуженном жаловании, я подал второе прошение о том, что впредь буду служить без жалованья, насколько мне позволят силы и здоровье. Что мне и было разрешено с большой благодарностью. Так я стал почетным профессором». Желание Ивана Григорьевича преподавать бескорыстно произвело «вожделенное действие» и ряд иностранных педагогов последовали его примеру и начали читать свои лекции без всякой оплаты.

С нового семестра Шварц приступил к чтению ряда публичных лекций по философии для всех желающих: друзей из Дружеского общества, студентов, интересующейся публики. Среди этих лекций выделялся цикл «О трех познаниях: любопытном, приятном и полезном». Основное внимание здесь уделялось закону двойственности, согласно которому весь мир имеет видимую, матери-

---

⁵⁸ Все статьи напечатаны без указания авторов, но статья «Философическое рассуждение о Троице в человеке» в апрельском номере «Вечерней зари» написана Шварцем, что выясняется при сравнении ее с рукописью «Перевод с записок И.Е.Ш. 1806» (НИОР РГБ, ф. 96, ед. хр. 81).

альную, часть и невидимую, духовную, и тогда любое земное явление рассматривается с точки зрения взаимодействия духа и материи. Человек также двойственен, он «сотворен из видимого и невидимого, из наружного и внутреннего, из тленного и вечного»⁵⁹ и в цепи существ является связующим звеном между божественным и проявленным миром. Вниз по иерархической эволюционной лестнице идут животные, растения, минералы, элементы – огонь, вода, земля, воздух, и, наконец, хаос. Вверх – духовные существа, выше которых находится Бог. Человек, являясь существом энергетическим, свободной волей своей может стремиться к Свету или к тьме, привлекать в себя высшие влияния или отторгаться от них, уподобляясь Христу или Его недругам. Только истинное упование на Бога, предание себя Ему совершенно могут довести человека до истинных познаний. Но это не значило, что ученый отрицал эмпирические исследования, он только стремился соединить веру и знание. Иван Григорьевич писал: «Однако я не отвергаю совершенно науки, преподаваемые людьми, хотя они и не служат к сооружению блаженства нашего: они суть также дары, происходящие от Бога, и человек, преданный Богу и для блага ближнего стремящийся к наукам сим, учиняется способнейшим орудием, чрез которое Бог, помощью самих сих наук, падших людей к себе привлекает; но я отвергаю только совершеннейшую на них надежду и забвение чрез то, что человек утмованием и надеждою на свои силы отвращается от Бога и подвергает себя проклятию...»⁶⁰ Рассматривал Шварц и то, как была сотворена Земля и человек, комментируя Первую книгу Бытия, следуя вслед за трактатом Беме «Misterium Magnum» («Великое Таинство»). Немалое внимание в лекциях уделяется мысли и воображению, потому что, как считал Иван Григорьевич, «все наши пороки и слабости, можно сказать, получают начало свое или семена от злых помышлений и воображения. Они питают в нас гордость, развращают нас и поселяют в сердца несправедливые заключения, которые потом с трудом истребить можно. Они корень всех наших пороков и слабостей; ибо то неоспоримо, что замаравший мысли свои и воображение сластолюбием, гор-

---

⁵⁹ Лекции пр[офессора] И.Г.Шварца о трех познаниях: любопытном, приятном и полезном // НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 141, л. 9.

⁶⁰ Там же. Л. 39.

достию и пр., при всяком удобном случае сластолюбив, горд и порочен будет: одним словом, всякая порочная мысль хранится у нас, как в кладовой, и при всяком удобном случае в действо производится. Напротив того, чистая мысль и воображение не подвержены пороку. Они наполняют человека любовью к Богу и доводят до совершенного исправления. Одним словом, воображение в человеке есть орудие, которым он может довести себя в сей жизни до ощущения небесных удовольствий или адских мучений и расширить радиус истинных познаний своих. Хотя говорят некоторые о воображении, что оно обманчиво и лживо и ничего верного в себе не имеет, но сие несправедливо: оно есть первая наша сила, и в нашей власти состоит употреблять его в добро и худо. Где оскверняется воображение гордостью, любомщением, сребролюбием и прочими пороками и нечистотою, там царствует диавол, и тогда оно ложно; но чистое воображение приносит человеку райские удовольствия. И так человек, имея мысли свои чисты или нечисты, защищается или подвергается порокам, и может учинить себя святым или проклятым человеком, или скотом, живым или мертвым»⁶¹. И еще: «Всякая сила воображения может произвести вне нас существа, и они покажутся одетыми, поелику и бывают одеты в элементы. <...> Нет слова, нет мысли, которые бы пропадали, они все приемлют телесность и напечатлеваются в природе. Человек сам есть мир: и как Божеское воображение творит, так и человеческое воображение творит. <...> Тайна великая, что мысль есть зачатие греха»⁶².

Не мог Шварц в своих сообщениях не уделить места и педагогическим вопросам. Особое внимание, по его мнению, должно уделяться воспитанию женщин. Они – душа государства. При должном воспитании женщины могут стать достойными женами, умягчая сердца своих мужей и подавая им полезные советы. Также материнские добрые чувства оказывают на ребенка сильное влияние, если «женщина имеет чистое воображение, то мысли ее непорочны и деяния согласны с законом Божиим; младенец прежде еще рождения своего получает ее склонности, и естли воспитанием не заглушать влияющие в него дарования, то он будет угоден

---

⁶¹ Там же. Л. 56об-57об.

⁶² Публичные лекции профессора Иоанна Георга Шварца, записанные со слов его // НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 142, л. 19об-20.

Богу; напротив того, ежели женщина ложным воображением оскверняет свои мысли и питает в них гнев, мщение, зависть и т.п., то младенец прежде рождения получает в себя яд сей; каждая страсть матери проводит грубую черту на лице младенца». Такого трудно или совсем невозможно воспитанием исправить. Женщины, возвращенные в целомудрии и чистоте, могут иметь благотворное воздействие на все общество: «самые развратные и грубые нравы удобно покоряются благодетели и добродетели женщин»⁶³. Поскольку, разъясняет Шварц, наши мысли есть источник всех наших достоинств и пороков, то для приведения их в порядок необходимо детей и юношей напитывать прекрасными образами: «упражнять в словесных науках, в музыке, в живописи, и занимать их гармониею природы, которая красотою своими, привлекая чувства человеческие, делает их нежнейшими и удобнейшими к чистой любви, и, приводя в приятное восхищение, заставляет примечать действия природы, приводит их в удивление порядку оной, возвышает их мысли до источника природы и, наконец, воспламеняет в них чистую любовь к Богу»⁶⁴.

Выступил Иван Григорьевич в своих лекциях также с критикой современных философов-материалистов, особенно Гельвеция. А.Ф.Лабзин студентом слушал эти лекции и через много лет писал, что он «с благодарными чувствованиями воспоминает сию счастливую эпоху, составляющую и по ныне первое благо в его жизни. Главное, и для тогдашнего времени поразительное, явление было то, с какою силою простое слово его [Шварца] исторгло из рук многих соблазнительные и безбожные книги, в которых – казалось тогда – весь ум заключался и поместило на место их святую Библию, которую до того – если кто и не презирал вовсе – по крайней мере почитал книгою, для церквей только потребною, для попов одних годною; а естли кто и читал, то разве историческую только ее часть для любопытства, или много что для примера в поведении; впрочем никто к чтению Библии не увещевался, и никто не предполагал, что Библия служит даже и к просвещению разума; напротив того самые набожные люди имели тогда несчастную мысль, что от

---

⁶³ Лекции пр[офессора] И.Г.Шварца о трех познаниях: любопытном, приятном и полезном // НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 141, л. 60об-61об.

⁶⁴ Там же. Л. 62об.

чтения священной сей книги люди с ума сходят»⁶⁵. Другой слушатель Шварца, Л.Максимович, так писал о нем: «Он один мог совратившееся с пути истинного юношество наставить и убедить – исповесть свою слабость и признать свою зависимость от Премудрейшего Строителя Вселенной. Все же сие он учинил преподаваниями своих лекций у себя на дому, допущением к слушанию оных всякого рода и звания людей и изъяснением отборнейших мест как древних, так и новейших писателей, уразумительнейшим образом доказывающих истину Творца и слов Священного Писания, в руках его, в душе и при дверях смерти им читаемого и обожаемого». Еще один ученик молодого профессора вспоминал о так называемых эстетико-критических лекциях, прочитанных Иваном Григорьевичем в университете, которые возвышали «необделанные и грубые чувства к тонкости живописи, к стройности скульптуры, к совершенству архитектуры, к несомнительнейшим доказательнейшим доказательствам геометрии, к приятности стихотворства, к беспредельному порядку астрономии, к неудобопонятности анатомии и физиологии, к справедливости физиогномии и хиромантии, к чудесному открытию магии и Каббалы, к превращению естественного в сверхъестественное химии и других премногих наук, руководствующих нас к познанию беспредельной гармонии, сокрытых в недрах таинственной природы. Показал нам отношения чудес одной науки к другой: вперил в нас, то под иероглифами, то на яснейших своих опытах, сколь удивительна связь материи и духовности, какой нерешимый узел между Богом и человеком, и какие мы и вся природа имеем пределы и ограничения»⁶⁶.

Успех лекций у публики вызвал ревность и зависть у куратора Меллисино и профессоров Барсова и Шадена. Шварца попытались оклеветать перед духовенством и объявили его лекции и деятельность Дружеского научного общества масонскими. Перед публичным открытием Общества открылось двойное намерение Меллисино: он хотел сам стать его руководителем. Шварц отказал и на него обрушился гнев куратора – пошли всяческие придирки, принуждения и клевета. Иван Григорьевич вынужден был подать

---

⁶⁵ Сионский вестник, 1818, № 2. С. 223-224.

⁶⁶ Тихонравов Н.С. Профессор И.Г.Шварц / Тихонравов Н.С. Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч.1. С. 75-77.

прошение об освобождении из университета и обратиться за помощью к И.И.Шувалову, подав ему «Записку», в которой возмущался подобным обращением со стороны Меллисино и перечислял свои заслуги на поприще просвещения:

«1) Как профессор немецкого языка я воспитал сотни учеников, около двадцати из них научил хорошему письму, многих взрастил, как переводчиков, из которых уже многие предоставили публике свои произведения, и способствовал распространению преподавания немецкого языка в Москве.

2) Как инспектор Педагогической семинарии я служил без жалованья, давал лекции, воспитал из семинаристов 10 хороших преподавателей и употребил из моих личных денег значительные суммы на их поддержку и на книги.

3) Как инспектор гимназии я служил бесплатно, ввел новую методику преподавания и раздавал бедным ученикам личные книги и одежду.

4) Благодаря моим частным лекциям я пробудил любовь к наукам у многих благородных и знатных людей.

5) Благодаря услугам, оказанным при основании Дружеского ученого общества, была принесена настоящая польза отечеству и наукам. Если до Вашего Превосходительства дойдет клевета о том, будто это Общество масонское, я могу привести Вашему Превосходительству доказательства ложности этих обвинений. Я масон – это правда, как и некоторые члены Общества, как и Его Превосходительство господин Мелиссино, но само Общество не является масонским. Если Ваше Превосходительство соблаговолит спросить у любого масона, то он вынужден будет признать, что масонские общества не занимаются переводами, воспитанием и так далее, в отличие от ученого общества. Я вполне серьезно могу уверить Ваше Превосходительство в том, что в этом Обществе лишь некоторые знают, что такое масонство.

6) Благодаря услугам, оказанным типографии, и выпуская учебники частью сам, частью с помощью моих учеников, я заметно облегчил обучение для молодежи.

7) Я привез в страну многих достойных ученых и представлял университету различных полезных профессоров и доцентов»⁶⁷.

---

⁶⁷ Записка И.Г.Шварца... С. 109-110.

6 ноября 1782 года состоялось официальное открытие заседаний Дружеского ученого общества. На это торжество в дом к П.А.Татишеву прибыли главнокомандующий в Москве граф З.Г.Чернышев и архиепископ Московский Платон, собрались «именитейшие любители наук и покровители учености». Были произнесены благодарственные и научные речи, в том числе и Шварца, прочитаны стихи и оды. Дружеское общество соединило всех, любящих истину, науку и общее благо. Основные задачи общества составили печатание учебных, религиозных и философских книг, распространение тех познаний, которые мало еще известны, содержание на иждивении общества в Переводческой семинарии при университете 35 юношей. «Настоящим ученым обществом прямая цель есть разыскание, очищение и издание в свет коренных истин, которые яко семя, имея в себе все способности привлекать пищу свою и отражать вредное, возрастают, усиливаются и становятся тенистым и великим деревом»⁶⁸, – так говорил Шварц в своих лекциях о сути деятельности собратства просветителей.

Высоко нравственные и научные идеи, заложенные в Дружеском обществе, проникли в просвещенные круги и имели огромные последствия. Воспитанниками Общества были писатель, переводчик, издатель, президент Академии художеств А.Ф.Лабзин, педагог А.А.Прокопович-Антонский, писатель, поэт, издатель М.И.Невзоров, поэт и драматург Ф.П.Ключарев, переводчик и писатель А.А.Петров, поэт С.С.Бобров, профессор и издатель литературных журналов П.Сохацкий, издатель древнерусских текстов Л.Максимович, писатель и переводчик М.И.Антоновский, врач и переводчик М.И.Багрянский, профессор И.Тимковский, переводчик и поэт Д.И.Дмитриевский, видные иерархи православной церкви М.Десницкий и С.Глаголевский, и много других.

Философские лекции Шварца продолжались по апрель 1783 года. С начала же года в «Прибавлении к Московским ведомостям» печаталось основное педагогическое сочинение Ивана Григорьевича «О воспитании и наставлении детей», в котором впервые в России появилось и само слово «педагогика». Главное намерение в воспитании, по мнению Шварца, должно состоять в «об-

---

⁶⁸ Публичные лекции профессора Иоанна Георга Шварца, записанные со слов его // НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 142, л. 25.

разовании детей благополучными людьми и полезными гражданами»⁶⁹. Для этого необходим синтетический подход, когда происходит одновременно нравственное, разумное и физическое развитие. Важнейшее воспитание состоит в том, чтобы «образовать *разум и сердце* дитяти и чрез то наилучшим образом приводить его к *добродетели, религии и христианству*». Образовать разум детей, значит насаждать в них «*справедливые представления о вещах* и приучать их к такому образу мыслей и рассуждения, который соразмерен истине и посредством которого могли бы они быть мудрыми. <...> Образовать сердце детей называется устремлять склонности и желания их к наилучшим вещам, вливать в них владычествующую любовь ко всему тому, что истинно, справедливо и добро, и чрез то содействовать исполнению должности их для них удобным и

---

⁶⁹ Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1954. С. 421.

Непонятно, чем руководствовались многие исследователи, причисляя именно перу Н.И.Новикова и трактат «О воспитании и наставлении детей» и многие философские и педагогические статьи. Вышедшие без указания имени автора, они имели отношение к Н.И.Новикову только тем, что напечатаны были в его изданиях и издательстве. Все педагогические сочинения, появившиеся в то время, между собой связаны, представляют собой цельный курс о воспитании и принадлежат И.Г.Шварцу, им самим написаны или подготовлены под его руководством. Эти работы предполагают близкое и глубокое знакомство с западной педагогической и философской литературой, что было недоступно для Новикова, не обладавшего необходимыми познаниями, и совершенно применимо к Шварцу, который был блестящим энциклопедическим ученым. И главное: Новиков никогда и нигде не преподавал, не имел никакого опыта в воспитании детей. Шварца можно назвать главным педагогом своего времени, именно он, а не Новиков (здесь Г.В.Вернадский ошибся) был «истинным министром просвещения». Ведь П.Н.Милюков в своих «Очерках по истории русской культуры» однозначно называет Шварца автором всех педагогических работ, напечатанных в 1783-1784 годах. Подобного мнения придерживался известный педагог П.Ф.Каптерев, утверждавший, что есть серьезные соображения за большую вероятность написания Шварцем трактата «О воспитании и наставлении детей», «занимавшегося серьезно теорией воспитания, хорошо знакомого с положением ее в Германии и преподававшего педагогику в своей педагогической семинарии. Сохранилось известие, что Шварц написал целый ряд сочинений о воспитании (Шварц хорошо владел русским языком); Новиков же теоретической педагогикой не занимался, это был общественный, деловой, энергический деятель, не знавший иностранных языков» (Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Пг., 1915. С. 298-299). Благодаря такому недоразумению сочинение И.Г.Шварца «О воспитании и наставлении детей» и в издании 1954 года появилось под именем Н.И.Новикова.

приятным»⁷⁰. И здесь Шварц дает ряд советов для родителей в деле воспитания сердец детей. Необходимо приучать их к повиновению и уступчивости, к трудолюбию, порядку и прилежанию в делах; усиливать те качества, которые им свойственны от природы: любовь к истине, подвигу и чистосердечию; охранять от болтливости; наставлять в смирении и скромности; вливать искреннюю любовь и благоволение ко всем людям, без различия состояния, религии, народа или внешних условий; приучать к сожалению и благодетельности; научать отречению от себя, равновесию, господству над своими страстями, терпению в страдании, бодрости и постоянству в несчастье, смелости и неустранимости во всех обстоятельствах. Все эти предписания и упражнения должны сочетаться с наставлениями в религии и христианстве. Таких правил несколько: вливать в детей с первых лет их жизни благие суждения о важности и истине религии и христианства; научать их признавать религию за наилучшее средство быть добродетельным и благополучным и делать это через собственный пример взрослых; возбудить и беспрестанно сохранять в детях живое чувство совершенной их зависимости от Бога, от воли Его, от Его провидения; приводить их к учению о бессмертии души и будущей жизни; напоминать им всегда заповеди Христа. «Воспитывайте детей ваших, – призывал Шварц, – не ласкательными невольниками, но свободно и благородно мыслящими человеками, умеющими ценить самих себя, любящими паче всего истину и не боящимися ее сказывать, когда их должность или благо других человек того требует. Верьте, что ни один чистосердечный, честный, откровенный человек не раскаивался еще о том, что он чистосердечен, честен и откровенен, что он враг всякого притворства и ласкательства»⁷¹.

Основное правило для Шварца касательно воспитания детей – это гуманное к ним отношение. Иван Григорьевич призывает часто задумываться над тем, каков внутренний мир тех творений, воспитанием и образованием которых взрослые занимаются. Детей нельзя унижать и необходимо помнить об их достоинстве. Ведь первостепенной целью своей педагогической системы Шварц определял становление в ребенке благородных качеств и созидание Благородного

---

⁷⁰ Там же. С. 456, 466.

⁷¹ Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1954. С. 478.

Человека. Недаром при Московском университете был в 1779 году создан Благородный пансион, нацеленный на создание русской культурной элиты и работавший уже через несколько лет по тем педагогическим принципам, которые были привнесены Шварцем. Об этом говорит объявление о приеме в Пансион на 1783 год: «При сем университетском, преимущественно для благородных учрежденном, Вольном Пансионе, за главную цель взяты три предмета, то есть: 1) *научить детей*, или *просветить их разум* полезными знаниями, и чрез то приготовить их нужными быть членами в обществе; 2) *вкоренить в сердца их благонравие* и чрез то сделать из них истинно полезных, то есть честных и добродетельных сограждан; и наконец 3) *сохранить их здравие* и доставить телу возможную крепость, толь нужную к понесению общественных трудов, к должному отправлению с успехом государственной службы»⁷².

Если попытаться определить, кто из педагогов прошлого повлиял на Шварца, то наиболее близко он в своем гуманном и синтетическом методе следовал Я.Коменскому, утверждавшему, что школы – это мастерские гуманности и что образование в них должно быть универсальным. Коменский обучал детей и юношей всему тому, что делало их мудрыми, добродетельными и благочестивыми. Он писал в своем главном систематическом своде педагогической науки «Великая дидактика», что «в школах, формируя человека, необходимо формировать его в целом, чтобы сделать его пригодным для настоящей жизни и вместе с тем подготовленным к самой вечности, которая составляет цель всего того, что ей предшествует. Поэтому в школах следует обучать не только наукам, но и нравственности и благочестию. А научное образование пусть служит человеку к усовершенствованию одновременно и его разума, и языка, и рук для того, чтобы он мог все, что требуется, разумно созерцать, выражать словами и осуществлять в действии. Если что-либо из этого опустить, то получится пробел, который не только нанесет ущерб образованию, но и подорвет его основательность. Ибо *крепким может быть только то, что тесно связано во всех частях*»⁷³.

---

⁷² Московские ведомости, 1783, № 69.

⁷³ Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. М., 1982. Т. 1. С. 353.

Окончен был Шварцем в августе 1783 года драгоценный для многих трактатец «О возрождении». В этом труде Иван Григорьевич давал советы в том, как человек может сделать себя духовным и возродиться. Во-первых, через приведение в действие внешнего слова, Священного Писания, «ожевотворя его в своем сердце». И, во-вторых, через внутреннюю веру, которая есть свет и сила, и производит в нас силою Святого Духа дары: любовь, надежду, повиновение, долготерпение и т.д. «Вера, – писал Шварц, – есть совершенное отречение от внешности и от самого себя, и желание не своей воли, но воли Божией; словом, в верующем Бог есть все во всем; так точно, как Он будет все во всем, когда будет ново небо и нова земля, и все сотворится вновь». Вторая часть этого произведения посвящена истинной молитве, которая есть наполненные любовью мысли к Богу, простой и внутренний разговор с Ним, в котором «мы открываем Ему свои слабости, и в простоте сердца просим Его, чтобы Он даровал нам силу и помог победить соблазны»⁷⁴.

Помимо просветительской и издательской деятельности, учредили также братья-масоны в Москве аптеку. На то время это было насущной необходимостью. «Аптека, – писал Д.И.Попов, – учредилась вызванным на кошт [Дружеского] общества из заграницы фармацевтом Френзелем, у которого Бенгейм, Кубе, Линрод, Берз, Эйnbradt были провизорами. По запрещении общества они учредили от себя особенные аптеки, которые сделались родоначальниками всех лучших в Москве ныне существующих аптек...» И мы можем сказать, что столица обязана и в этом отношении Шварцу. Главным правилом в аптеке «была поставлена раздача лекарств бедным безденежно – чрез нее публика познакомилась со многими лекарствами, выписываемыми из заграницы <...> о которых прежде и не знали. Эта аптека при упадке общества была продана и долго пользовалась заслуженною славой под именем старой Никольской»⁷⁵.

Осенью 1783 года Иван Григорьевич на заседании ложи прочел одну из своих последних речей: «Изъяснение, что есть свободное каменничество». В ней он дал определения, кто в реаль-

---

⁷⁴ [Шварц И.Г.] О возрождении и молитве // Избранное чтение для любителей истинной философии. СПб., 1820. № 6. С. 44, 103, 128.

⁷⁵ [Попов Д.И.] Материалы... Л. 83об-84об.

ности может быть масоном, тем самым опровергая нелепые фантазии в отношении братства и призывая своих друзей следовать этим высоконравственным законам. Из его изъяснений ясно видно, что вольным каменщиком имеет право быть свободный человек, «умеющий преодолевать свои страсти, умерять желания и волю свою подвергать законам разума <...> признающий Бога, законы и самого себя за единственных обладателей своей воли, которую он посредством разума и добродетели очистил, и пределы ее познал касательно до Бога»⁷⁶.

В конце того же года Шварц тяжело заболел. Сказалась самоотверженная, на износ, деятельность на поприще просвещения, сказались многочисленные клеветы, зависть и недоброжелательство профессорской среды. И вот, 17 февраля 1784 года он умер в подмосковном имении Хераскова, в селе Очаково. Лонгинов писал о некоторых подробностях последних часов жизни Ивана Григорьевича: «Княгиня В.А.Трубецкая рассказывала следующие обстоятельства смерти Шварца лицу, передавшему их мне. В день смерти Шварца княгиня с мужем⁷⁷, часто его навещавшие, приехали в Очаково. Им сказали, что больной в забытии. Они остались в другой комнате; но им показалось, что в доме такой смрадный запах, что они вышли на воздух, но запах преследовал их и там. Наконец им пришли сказать, что больного можно видеть. Они возвратились в дом и не только не почувствовали прежнего смрада, но, напротив того, услышали приятнейшее благоухание, которое встретило их и в комнате больного. Увидя их, Шварц сказал: “Радуйтесь, друзья мои; я был сейчас на суде и оправдан на нем. Теперь могу умереть спокойно”. Вскоре Шварц испустил последнее дыхание. Я счел нелишним рассказать это предание, характеризующее тот взгляд, который имели на Шварца его друзья»⁷⁸. Тело Ивана Григорьевича было похоронено в селе Очаково по обряду православной церкви. Еще в 1851 году эту могилу старик-крестьянин называл «Шварцевой».

Неожиданная кончина Ивана Григорьевича поразила его друзей, Дружеское общество, университет, которым он оказал столь неценные услуги. Все признавали, что в нем соединились ред-

---

⁷⁶ НИОР РГБ, ф. 14, ед. хр. 619, л. 111об.

⁷⁷ Н.Н.Трубецким.

⁷⁸ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартисты. СПб., 2000. С. 251.

кие качества: бесконечная любовь к человечеству, непреклонная воля, возвышенный характер, глубокие познания. Воспитанники, чтившие его как отца, почтили память его 26 марта торжественным заседанием Общества университетских питомцев⁷⁹. Были говорены речи и оды в его честь. «Песнь на преставление Ивана Егоровича Шварца» сохранилась в архиве:

Мы наставника лишились,
Потеряли друга в нем,
В этой жизни разлучились –
В вечности его найдем.
Здесь он тяжкое нес бремя,
За себя, за нас страдал
И оставил нас на время,
Уз лишась, свободен стал.

Брат наш в вечность преселился;
Шварца больше с нами нет;
Он к Началу возвратился;
Воссиял в нем вечный свет.
Он блаженством усладился;
Льзя ль о нем друзьям тужить,
Он с Творцом соединился,
Грех о нем нам слезы лить.

Не рыдать, страдать и рваться,
Мы должны, друзья, о нем;
Станем мы о том стараться,
Чтоб идти его путем.
Он желал, чтоб сохраняли
Дружбу к ближним мы в сердцах,
Бога чаще прославляли,
Чтоб сыновний был в нас страх.

---

⁷⁹ Также из Германии были получены письма, авторы которых писали к друзьям покойного, что «они лишились в нем незаменимого благодетеля» ([Д.И.Попов.] Материалы... Л. 41об).

Было на любви ученье,
Все основано его,
К Богу он имел стремление,
Управлялся от Него,
К нам любовьию пылая,
Шварц нам вечных благ желал,
Путь блаженству открывая,
Нам в сердца он свет вливал.

Да сияет непрестанно
В нас животворящий свет,
А он, друг наш, постоянно
Пусть в сердцах у нас живет!
С ним всегда мы вместе будем –
Он, хотя оставил нас;
Но тебя не позабудем,
Шварц! Внемли всех братий глас!

Он еще на нас взирает,
Слышит наши голоса;
Верный брат не умирает,
Всходит к Богу в небеса.
Пастырь наш! Еще ты с нами,
С нами друг наш и поднесь,
Хоть не зрим его очами,
Но в сердцах наш пастырь весь!⁸⁰

В 1827 году постановление масонов отметило крайне важную роль Шварца в деле привнесения истинных познаний в Россию: «Открывается по дошедшим преданиям, что масонство в отечестве нашем не имело ни надлежащего устройства, ни каких либо знаний до самой той благополучной эпохи, когда немногие, но внутренним голодом возбужденные и ревностно ищущие братья решились просить покойного И.Е.Шварца, а он решился принять предложение их, отправиться за границу для искания Света. Видно, что искание сие было с обеих сторон чистосердечно, бескорыстно и Богу угод-

---

⁸⁰ НИОР РГБ, ф. 14, ед. хр. 697, л. 3-4об.

но, ибо увенчалось успехом, который превзошел всякое ожидание. И.Е.Шварц возвратился в Россию со светильником, озарил им жаждущих Света братьев, озарил столь живо, что отражение лучей разлилось даже на всю Россию и столь прочно, что еще и ныне, спустя 40 лет после сего счастливого события, находятся еще такие братья, кои желают у Света сего согреться, им питаться и возрастать.

С возвращением И.Е.Шварца устроился в братстве порядок, учредилось начальство, принесено новое, и в России до того времени неслыханное учение. В порядке сем образовались новые ложи, прежде существовавшие пристали к нему. Но не долго сие продолжалось... Жизнь И.Е.Шварца была еще кратковременна. Однако, несмотря на сии при самом начале постигшие братство несчастья, несмотря на преследования правительства, обращаемые на наружные собрания, несмотря на последовавшее от сего рассеяние многих братьев, внутренняя сила осталась непобежденною, и начальство сохранялось даже видимым образом, до тех пор, пока Богу угодно было вызвать из сего мира тех благодетельных мужей, коим оно было вверено»⁸¹.

Думается, что Шварц был из тех людей, которых он в своих лекциях называл избранниками Высших сил и которые постоянно приносят в мир истинные знания. Описание таких героев духа подходит и к нему самому и позволяет нам хоть в какой-то мере представить живой образ этого человека: «Знаки наружные тех, коих избрал Бог и чрез коих делает откровение, весьма различны. В них видно нечто чудесное, чего, однако, без особой благодати человек проникнуть не может. С самого уже дня рождения их и при обыкновенных правилах воспитания примечается в них нечто божественное, жизнь их наполнена случаями, отличающими их от других людей; черты лица их привлекают; речь проникает в сердце; мысли изъясняемые ими суть удивительны, поразительны и новы. От самого юношества они начинают уже чувствовать отвращение от мира, от его прелестей и наслаждений, не пресыщаются пищею и сном, получают неведомую любовь и некое особенное влечение и склонность к Богу, и так что кроме Бога все в мире им противно и в тягость, и они жаждут единственно соединения с Богом, и ни в чем не обретают спокойствия в мире, так что и в самых приятных чертах

---

⁸¹ ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 109, л. 254-254об.

из глаз их видна некая неизглаголанная томность, страдание и отвлечение от всех мирских сует и забав. Притом они имеют особенную внутреннюю силу, так что говорят о таких вещах поразительно, о которых и самые великие ученые понятия не имеют. Таковые в науках, до Божества касающихся, пред сверстниками своими невероятно успевают и также неумолимо стремятся к просвещению и исправлению человеческого рода... [Они] в разных частях своих сочинений все стремление свое обращали и неизглаголемою силою стремились к исправлению рода человеческого, к отвращению людей от сует мира и к возжжению в них любви к Богу. В таковых людях примечается чрезвычайность, как в воспитании, так и в духовных силах: они превосходят всякое воображение, так что и догадаться невозможно, от чего силы их умножаются. Сии люди имеют в себе нечто свыше человечества. Возжены будучи огнем, который как будто силою вихря умножается и, преодолевая все препятствия, течет далее и далее, они не могут уже остановиться, хотя бы и желали того, так как св. пророк Иеремия сказал: “Я не хотел писать, но некий огонь возгорелся во мне”, или так как св. апостолы, которые всю жизнь свою непрестанно побуждаемы быв к действию и учению других для блага рода человеческого, имели в силах своих нечеловеческое, но нечто данное свыше, которое словам их придавало неизреченную силу и, проникая в сердца слушателей, производило непонятное и чудное действие. Сия сила, сей огонь, или побуждение, есть Дух Свят, действующий внутри сердец избранных, управляющий ими или учиняющий их орудиями “Бога жива”, чрез коих Он воспитывает и ведет род человеческий к назначенной им цели»⁸².

---

⁸² Лекции пр[офессора] И.Г.Шварца о трех познаниях: любопытном, приятном и полезном // НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 141, л. 47об-49об.

Приведем несколько других высказываний Шварца на эту же тему: «Есть избранные Богом люди, как напр[имер] некоторые проповедники, которые, просвещаемы будучи небесными силами и проповедуя слово Божие, проникают в сердце человеческое, действуют в нем по воле своей и возбуждают чувство совести. Сего никакого красноречие без силы небесной произвесть неудобно. Красноречие занимает только наш разум, но не производит в сердце нашем никакого чувствования» (там же, л. 24об); «Человек с религией имеет свои степени. Он имеет на лице некоторое спокойствие, некоторую невинную радость; сердце его Духом Святым раскаленное, более черноты не имеет; ибо грехи его уже омыты; он есть образ Божий, светящийся своим лицечертанием; не видно на лице его отгаликивающих искр сладострастия,

Результаты трудов и устремлений И.Г.Шварца

Вклад И.Г.Шварца в формирование цельного научного мировоззрения русского общества велик и, к сожалению, до сей поры не оценен по достоинству. Он как философ, педагог, реформатор русского литературного языка, общественный деятель видится одним из крупнейших подвижников культуры XVIII века в России. Несмотря на краткость жизни и служения просвещению, Шварц дал благотворный импульс развитию русской науки на многие десятилетия вперед. Один из его духовных наследников Д.И.Попов⁸³ писал в 1860 году: «...Иван Егорович посеял в прошлом столетии в невежественной России семена просвещения религиозной, высокой и чистой философии и нравственности, чуждой всякого неприличного смешения. Не нужно доказывать насколько благотворные семена, им посеянные, принесли *добрых плодов*, благодатное учение, им преподанное, и донныне не угасло и живет под благословением свыше. <...> Всего приличнее приготовить исследование того, насколько в течение всего столетия Россия возросла в духовном просвещении, благодаря горячему действию и подвигам незабвенного деятеля. Конечно, не подобным мне старикам предложит этот прекрасный труд, но свежим силам тех почитателей прекрасного учения, которые пожелают увековечить грядущим поколениям благодетельную личность Ивана Егоровича, помня, что светильнику не должно оставаться под спудом, но надлежит поставить его на свечник, дабы и поздние потомки могли полюбить возожженный им свет, просвещаясь и согреваясь теплотой его»⁸⁴.

зависти. Лицо его скромно, воздержно и приятно; язык его обуздан, не хулит, не грозит, говорит тогда, когда должно для исправления своих ближних; ошибки и погрешности чувствует с раскаянием, власть, счастье и дарования употребляет для ближнего. Гонения и обиды сносит и молит горячо за врагов; внутреннее его соединение с Богом и огонь любви делают ему смерть не страшною» (Публичные лекции профессора Иоанна Георга Шварца, записанные со слов его // НИОР РГБ, ф. 147, ед. хр. 142, л. 16).

⁸³ Д.И.Попов (1793-1863) — литератор, поэт, учился в Благородном пансионе, сотрудничал в журнале М.И.Невзорова «Друг юношества», способствовал переводу Библии на чувашский язык, близкий друг А.Ф.Лабзина, переписка с которым сохранилась в архиве (НИОР РГБ, ф. 237).

⁸⁴ Заметка о столетии со дня рождения И.Е.Шварца // НИОР РГБ, ф. 14, ед. хр. 697, л. 1-2.

Исполняя в столь малой мере давнее пожелание Д.И.Попова, отметим теперь, какие добрые плоды возросли на русской духовной ниве благодаря героическим усилиям и напряженным трудам одного из творцов отечественной культуры.

Шварц познакомил и своих друзей, и все просвещенное общество с работами европейских философов-провидцев Д.Пордеджа, М.Майера, Р.Фладда, Г.Гихтеля, Г.Арнольда и др., и, самое главное, с трудами Я.Беме, наследие которого с тех пор очень внимательно изучалось русской интеллигенцией вплоть до начала XX века (вспомним интерес к его произведениям Владимира Соловьева⁸⁵, философов Серебряного века, в частности Н.А.Бердяева). К сожалению, даже на сегодняшней день, изданных на русском языке книг этого немецкого философа очень мало, но все его трактаты были в конце XVIII – начале XIX века переведены С.И.Гамалеей⁸⁶, входившим в круг ближайших соратников Шварца, и имели самое широкое хождение в рукописях. Все философские работы самого Ивана Григорьевича отталкивались от трудов Я.Беме и его учеников и противостояли материалистическому мировоззрению. Традиция изучать метанаучные источники, имевшая свое начало благодаря Шварцу, продолжала жить долгие годы, не прерываясь, хотя часто в скрытом виде. К примеру, в царствование Александра I интерес к философским знаниям увеличился до такой степени, что

---

⁸⁵ В.С.Соловьев писал в 1877 году: «Нашел трех специалистов по Софии: Георг Гихтель, Готфрид Арнольд и Джон Пордедж. Все трое имели личный опыт, почти такой же, как мой, и это самое интересное, но собственно в теософии все трое довольно слабы, следуют Бэму, но ниже его. Я думаю, София возилась с ними больше за их невинность, чем за что-нибудь другое. В результате настоящими людьми все-таки оказываются только Парацельс, Бэм и Сведенборг, так что для меня остается поле очень широкое» (Соловьев В.С. Письма. Брюссель, 1970. Т.2. С. 200).

⁸⁶ С.И.Гамалея был правителем канцелярии московского главнокомандующего З.Г.Чернышева. В.О.Ключевский, отмечая непрестанную борьбу Семена Ивановича с собственными пороками и страстями, сравнивал его с человеком первых веков христианства. Когда Гамалею предложили награду за службу крепостными в количестве 300 душ, то он отказался, мотивируя это тем, что он со своей собственной душой не умеет справиться, где уж ему до чужих. Слуге, укравшему у него пятьсот рублей и пойманному, он подарил украденные деньги и самого его отпустил на волю. Семен Иванович Гамалея был блаженным в лучшем смысле этого слова, которого современники справедливо прозвали «божьем человеком».

не совсем безразличный к религиозным вопросам поэт И.И.Дмитриев жаловался в письме того времени (1815 г.), что он не может получить от своего торговца книгами ни одного романа, поскольку тот больше не заказывает за границей художественные произведения – теперь только «Беме с товарищами» привозит из Парижа. Существовавшие огромные архивы так называемой масонской литературы, к которой причисляются и трактаты многочисленных европейских натурфилософов, и оригинальные труды русских авторов, продолжали свое просветительское дело вплоть до 1917 года, после чего все эти рукописи частью погибли в огне революции, а частью поступили в крупнейшие библиотеки России, где и хранятся до сей поры, почти не исследуясь учеными.

Идейные традиции И.Г.Шварца и Дружеского научного общества наиболее полно в своих книгах и общественной деятельности воплотил Владимир Федорович Одоевский, всегда стремившийся в творчестве к всеохватывающему синтезу на основе трудов Л.К.Сен-Мартена и Д.Пордеджа. Он считал, что в человеке сведены в одно целое три стихии: верующая, познающая и эстетическая. Поэтому содержание культуры заключается в единстве философии, религии и искусства, а в развитии всех трех составляющих заключается смысл истории. Ибо минуты таинственного соединения науки, искусства и религии бывают в жизни народов всегда ознаменованы великим культурным расцветом. Отсюда необходимость выработки человеком цельного мировоззрения через постоянное самосовершенствование. Одоевский полагал, что внутреннему миру человека присущи рассудок и чувство, которое он называет нравственным инстинктом, или инстинктуальной силой, и в котором лежат основания всех наших знаний. В путях познания также необходима целостность: надо поднять ум до нравственного инстинкта. Поскольку в каждом человеке есть врожденные идеи, «предзнание», то умственный процесс заключается в овладении этим врожденным богатством. Необходимо отметить, что Одоевский выводил мысль о материи как энергии. «Может быть, – писал он, – один день отделяет нас от такого открытия, которое покажет *произведение вещества от неведущей силы*... Если будет когда-либо найдено, что одного действия электричества достаточно для превращения одного тела в другое, – что такое будет

материя?»⁸⁷ Одоевский был многогранным человеком и проявил себя как автор философских повестей, организатор Общества любомудрия, первый выдающийся музыковед, талантливый педагог, честный и энергичный правительственный чиновник и законовед, разносторонний ученый, изобретатель. Многие десятилетия Владимир Федорович отдавал все силы и время самоотверженной общественной деятельности и, по словам графа В.А.Соллогуба, «сделался чернорабочим во имя братьев, он был каменщиком при сооружении нашего общественного здания»⁸⁸. Он возглавлял Общество посещения бедных, организовал первые в России детские приюты, участвовал в работе и управлении педагогических заведений и больниц, первым начал издавать «книги для народа», занимался учреждением деревенских школ. Долгая практическая жизнь Одоевского явилась закономерным следствием его мировоззрения, сформированного в молодые годы в Благородном пансионе под влиянием чутких и гуманных воспитателей и сочинений философов-провидцев.

И.Г.Шварц заложил основы гуманной, синтетической педагогики, с акцентом не на получение знаний, а на воспитание сердца, сотворение Благородного человека – благородного не по рождению, а по своей сути. Он понимал, что без новой воспитательной системы невозможно возникновение нового поколения образованных и благородных людей, которое появилось и сотворило чудо – Золотой век русской культуры первой трети XIX века. В этот процесс Шварцем был вовлечен весь Московский университет от учащихся гимназий и Благородного пансиона и до студентов и профессоров. Именно ученики Ивана Григорьевича стали применять его воспитательные методы, и среди них Антон Антонович Прокопович-Антонский, который в 1791 году стал бессменным директором Благородного пансиона на три с лишним десятилетия, до 1824 года. А с 1819 года по 1826 год он избирался ректором Московского университета. В 1798 году на университетском акте Прокопович-Антонский произнес простую, точную и сильную речь «О воспитании», основные педагогические принципы которой связаны с воззрениями Шварца, его трактатом «О воспитании и на-

---

⁸⁷ Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч.1. С.154.

⁸⁸ В память князя Одоевского. М., 1869. С. 100.

ставлении» и циклом лекций «О трех познаниях». Антон Антонович утверждал, как и его наставник, что воспитание молодых людей состоит в облагораживании сердца, просвещении и очищении ума, укреплении и сохранении здоровья: «Наставники и попечители забывают, что питомцы их не только разум имеют, но и сердце; что одною рукою делая ученые исчисления, другую должны они отирать слезы несчастных. <...> Время, время почувствовать, что просвещение без чистой нравственности и утончение ума без образования сердца есть злейшая язва, истребляющая благоденствие не единых семейств, но и целых народов!»⁸⁹ Говорил он и о важности воображения, о необходимости его умерять и отвращать воспитанников от вредных впечатлений: «Сколько правильное и очищенное воображение доставляет выгод и удовольствия, столько необузданное и развращенное причиняет вреда человеку: оно пресмыкается в тине роскоши и сладострастия, в то время, когда должно бы устремляться ко всему высокому, изящному, благородному и направлять парение свое ко храму славы и добродетели»⁹⁰. Предлагалось также в речи совершенно изменить нравственное и физическое воспитание женщин. Отличался директор Благородного пансиона индивидуальным подходом к питомцам, ибо полагал, что «первым правилом воспитатель должен поставить себе то, чтобы заблаговременно исследовать способности воспитанника, смотрению его вверенного, и сообразно силам и дарованиям молодого человека размерять труды о нем и старания»⁹¹. Один из его питомцев писал, что «сам Антонский обладал редким, но необходимым даром отгадывать способности в своих учениках. Талант открывал он сразу, тотчас давал ему ход и старался поддерживать его на первых порах»⁹². «Муж призвания, Антон Антонович, – вспоминал ученик Прокоповича-Антонского и автор книги о Благородном пансионе Н.В.Сушков, – с любовью и самоотвер-

---

⁸⁹ Прокопович-Антонский А.А. О воспитании / Сушков Н.В. Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского Благородного пансиона и Дружеского общества. М., 1858. Ч. 2. С. 102.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 96.

⁹² Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Университетский Благородный пансион. 1779-1830 гг. М., 2006. С. 246.

жением ступил на почтенное, но терниями усеянное, поприще наставника юношества. Сколько неисполнимых требований и обидных пересудов от иных родителей и родственников! Сколько препятствий от неотвратимых обстоятельств! Сколько хитрости и вражды от завистников! Сколько не понятого людскою слепотой!.. Много тайных печалей в этой уединенно-деятельной жизни труженика, в этом затворничестве настоятеля детской обители, в этом борении разнородных начал в сердце беспрерывно изменяющегося общества учеников, с разных концов государства стекающихся в училище!.. Привычки, нравы, умственные способности, душевные наклонности, степень прилежания и понятливости, – все это надобно в каждом разгадать, подметить, изучить, чтоб каждого направить к цели его призвания, развивая в нем все хорошее, подавляя все худое»⁹³. Прокопович-Антонский не щадил трудов и усилий, чтобы поставить заведение на высшую степень достоинства – здесь преподавали лучшие и замечательные профессора и педагоги, само преподавание носило энциклопедический характер, строг был надзор за выбором книг, водворялось в сердцах питомцев религиозное чувство. Весьма важен был дух общежития, связывавший учеников и педагогов. Приведем слова Прокоповича-Антонского, из которых видно, как он понимал идеал истинного товарищества между питомцами: «Пойдите, взгляните в их общество (т.е. в добрый круг молодых товарищей по учению)! Где с большим благоговением и энтузиазмом произносятся имена знаменитых героев, философов, благодетелей человечества, Суворовых и Румянцевых, о которых часто не знают в целом доме и учитель-иноземец, и ученик его? Где с большим жаром говорится об отечестве, о будущей службе, о славе, которую молодые друзья обещаются разделять вместе так же, как разделяют, свои забавы? У них все общее: все охотно помогают друг другу, и уверяются заблаговременно в необходимости взаимного вспомоществования: они уже – граждане, члены общества, и в маленьком кругу своем вмещают начала тех важных обязанностей, на которых основываются огромные общества. Самые забавы их наставительны. Дитя,

---

⁹³ Сушков Н.В. Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского Благородного пансиона и Дружеского общества. М., 1858. Ч. 1. С. 31.

играя одно, не наслаждается своею игрою, и не будет уметь играть вместе; в сем заключаются первые черты того будущего неогреченного искусства, – живучи для себя, жить для других. Тут взаимная уступчивость, взаимные пожертвования, тут справедливость и честность вперяются без уроков, сами собою! Тут истинная дружба, божественное чувство, столь мало известное в свете, гораздо высшее, нежели самые родственные связи, и столько редкое, даже между родными – чувство, предполагающее необходимо твердость характера, верность и бескорыстную доброту сердца! И заметьте, что воспитанные в публичных училищах гораздо более способны к дружеству, и сохраняют его вечно. Счастливое время! Кто бы не хотел возвратить тебя?..»⁹⁴ Заведение в лучшем кругу учеников оправдывало намерения и желания наставника. Питомцы любили Пансион, любили в нем начало своих прекрасных чувств, познаний, творчества. С грустью и слезами оставляли и всю жизнь помнили его и товарищей. В Благородном пансионе был выдвинут элемент патриотического воспитания, и многие речи и стихи молодых людей пронизаны любовью к России, ее славной истории. Имя русского было для них славнее всех имен, отечество являлось предметом самого сильного благоговения. Польза отчизне, безграничная преданность и покорность монарху – эти черты отличали питомцев Пансиона. Из его стен в разное время вышли многие поэты и писатели, среди которых В.А.Жуковский, В.Ф.Одоевский, А.С.Грибоедов, М.Ю.Лермонтов, ученые, драматурги, художники, профессора, генералы, наместники, министры, главнокомандующие, дипломаты, сенаторы, губернаторы – лучшие люди России, ее честь и слава. Пансион оказался образцом для будущей системы русских классических гимназий и государственных пансионов. Основание знаменитого Царскосельского лицея было вдохновлено именно Благородным пансионом, и не случайно Прокоповича-Антонского приглашали возглавить новое заведение. В итоге его директором стал В.Ф.Малиновский, воспитанник Московского университета, педагогические взгляды которого сложились под влиянием университетских деятелей. Переведены были

---

⁹⁴ Прокопович-Антонский А.А. О воспитании / Сушков Н.В. Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского Благородного пансиона и Дружеского общества. М., 1858. Ч. 2. С. 109-110.

в лицей из Пансиона и некоторые преподаватели и ученики. В 1819 году тогдашний директор Царскосельского лицея Е.А.Энгельгард говаривал инспектору Благородного пансиона, одному из первых отечественных философов, И.И.Давыдову: «У вас-то и учиться нам; ваше заведение для всех других – дедушка»⁹⁵.

Как известно, для русской культуры того времени проблема сотворения русского литературного языка была одной из самых актуальных. Следовало заново создавать русский научный, философский языки, подготавливать учебники и пособия. Учебная программа университетского Благородного пансиона делала основной упор именно на преподавание русского языка и литературы, ориентируя своих питомцев на собственное творчество: здесь каждый переводил, сочинял стихи, писал. Торжественные речи, стихотворения, повести и переводы воспитанников постоянно на протяжении всех лет существования этого учебного заведения печатались в специально издаваемых журналах и сборниках. И привычка к творчеству оставалась с питомцами Пансиона всю жизнь. Об одной из его главнейших заслуг: отделке и развитию благородного русского языка свидетельствуют немало имен и произведений. Сами преподаватели Пансиона подготовили десятки учебников и учебных пособий, по которым учились тысячи российских юношей. Именно здесь началась карьера многих замечательных педагогов. Кроме того, преимущественный литературный уклон имел облагораживающее воздействие на сердца и души воспитанников, подготавливая достойных людей для жизни в обществе, к универсальной деятельности. М.А.Дмитриев, окончивший Благородный пансион и Московский университет в 1810-х годах, писал в своих воспоминаниях: «В этой-то односторонности понятий литературное образование, будучи общим, является на помощь и на выручку одноглазой специальности! – Оно образует не чиновника, а человека; а нам люди-то и нужны! – Кроме того, представляя уму и воображению идеи чистые и благородные добра, истины и красоты и приучивши обращаться в этом круге идей, обнимающих не какие-нибудь частные истины, а полноту души человеческой, оно облагораживает и возвышает душу и делает противными все эти низкие, грязные привычки, которыми обесщещено и обе-

---

⁹⁵ Русский архив, 1889, № 12. С. 547.

зображено наше русское служебное сословие. Сколько мы ни знали литераторов на служебном поприще, начиная от Державина и Дмитриева, вспоминая Хераскова, Озерова, Оленина, Дашкова, Грибоедова и многих из воспитанников университетского благородного пансиона, выросших и вскормленных на литературе: ни одного не было ни взяточника, ни прижимщика, ни подлого льстеца, ни интригана! Напротив, при благородстве чувств они были и деловыми людьми: стало быть, литературное образование не только не мешает быть дельным, а, напротив, расширяет деловые способности»⁹⁶. И не случайно в 1811 году председателем основанного по инициативе Московского университета Общества любителей российской словесности становится А.А.Прокопович-Антонский, «человек ума основательного, твердый наблюдатель порядка, беспристрастный, скромный, всеми уважаемый и мастер своего дела, *то есть соединения в одно людей и к одной цели их мнений*: после него не было столь достойного и способного ни одного из председателей, и общество распадалось, распадалось и распалось»⁹⁷. 1811-1825 годы были самым блистательным временем для Общества благодаря его председателю.

В 1799 году по инициативе Прокоповича-Антонского было учреждено литературное общество – Собрание воспитанников Благородного пансиона (основанного наподобие Общества университетских питомцев), ставившего своей целью исправление сердца, очищение ума и отделку вкуса, где на суд участников выносились оригинальные сочинения и переводы. Членами были те воспитанники, которые показали на опыте любовь и способности к отечественному языку. Первым председателем стал В.А.Жуковский. Собрания стали прекрасной литературной школой: они учили мыслить, хорошо говорить, благоразумной критике и вырабатывали вкус. Кроме того, здесь воспитывали юношей в понятиях о нравственности, дружбе, чистосердечии, скромности.

Поэт и переводчик Василий Андреевич Жуковский после Шварца и Прокоповича-Антонского продолжил складывающуюся традицию русской гуманной педагогики. Он с 1826 по 1841 год

---

⁹⁶ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 287.

⁹⁷ Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Университетский Благородный пансион. 1779-1830 гг. М., 2006. С. 278.

был воспитателем цесаревича Александра (будущего Царя-Освободителя). Жуковский, «внушитель помыслов прекрасных и глубоких», имевший, по выражению А.С.Пушкина, «небесную душу», сумел привить своему воспитаннику гуманный дух: что во всяком сани и социальном положении главное есть человек, т.е. приучал его к мысли об отмене крепостного права. И главным виновником русской свободы можно назвать наставника венценосного питомца, ибо он сумел в его державный ум вложить благие помыслы⁹⁸. Педагогические приемы Жуковского сродни синтетическим методам его предшественников и направлены на образование человека, гражданина, христианина: «Человек – здравая душа в здоровом теле. Гражданин – нравственность, просвещение, искусство, самостоятельность. Христианин – подчинение всего человека вере. <...> Человек образуется здесь воспитанием не для счастья, не для успеха в обществе, не для особенного какого-нибудь ремесла, даже не для добродетели – он образуется для веры в Бога (для веры христианской) и для безусловного предания воли своей в высшую волю (в чем истинная человеческая свобода) – из этого истекает все другое: счастье, успех, нравственность, добродетель»⁹⁹.

---

⁹⁸ В этом отношении также интересны замечания Н.И.Пирогова, высказанные в его «Дневнике старого врача»: «Можно, я думаю, с вероятностью предположить, что врожденные покойному государю [Александру II] высокие дары Божии: гуманный дух, искреннее человеколюбие и сердечный либерализм развились и получили благое направление под руководством и наблюдением его воспитателя-поэта; Василий Андреевич *Жуковский*, известный мне и лично, но еще более чрез его почтеннейшую сестру, Катерину Афанасьевну *Протасову* (урожд[енную] *Бунину*), память о которой для меня всегда останется священной, В.А.Жуковский, говорю, не мог не сообщить своему царственному воспитаннику высоких, чисто поэтических свойств своей прекрасной души. Это была именно душа, способная влиять благотворно. Поэтому мне представляется весьма естественным, что государь приступил к задуманным им преобразованиям в прекрасном и истинно гуманном настроении духа и с полною надеждою наслаждаться еще во время своего царствования благими результатами» (Пирогов Н.И. Сочинения. К., 1916. Т. 2. С. 370-371).

⁹⁹ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах. М., 2004. Т. 14. С. 324, 326.

Современный ученый С.О.Шмидт, автор проникновенной статьи «Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог» (М., 2000), очень точно написал: «Василий Андреевич Жуковский был добрейшим и мудрым человеком, а это – самое счастливое, хотя и редкое сочетание» (с. 5).

После публикации в 1783 году трактата «О воспитании и наставлении», в «Прибавлениях к Московским ведомостям» (1784) и журнале «Покоящийся трудолюбец» (1785), появившемся на смену «Вечерней зари», был впервые напечатан ряд педагогических статей. Сложно сказать, находились ли среди них принадлежавшие Шварцу, или все они были переводными, поскольку авторы их не указаны. А в 1785 году начал издаваться первый в России журнал для детей «Детское чтение для ума и сердца», слог которого был необыкновенно прост и легок. Всего за четыре года вышло 20 частей этого издания. Первые четыре части редактировал А.А.Прокопович-Антонский, остальные А.А.Петров и Н.М.Карамзин, который помещал здесь свои первые произведения и совершенствовал русский язык. Идея издания такого журнала принадлежала Шварцу и имела воплощение уже после его кончины. Это диктовалось тремя причинами: в России ничего не было, что бы служило для детского чтения, предоставить упражнения для чтения на русском языке и в журнале помещать нравоучительные произведения, которые послужили бы к «рождению в младых сердцах таких чувствований, без которых человек доволен быть не может»¹⁰⁰, и помогли бы им сделаться угодными Богу и добрыми гражданами России. Печатались в журнале и естественнонаучные статьи, служившие для обогащения ума. Андрей Тургенев в неотправленном письме к Н.М.Карамзину в 1800 году выражал ему свою трогательную признательность за подготовленные выпуски журнала: «Но, знаете ли, что делает для меня вас всего интереснее? Может быть, вы рассмеетесь; но это, тем не менее, правда – Детское Чтение. Это была первая книга, которую я читал и которую я полубил со всем жаром добродушной ребяческой любви. Признаюсь вам, от воспоминания этого времени слезы навертываются у меня на глазах; мысль об этой книге соединена со всеми любезнейшими, приятнейшими воспоминаниями детских лет, которых память для всякого так интересна, бесценна»¹⁰¹.

Отметим еще одну работу о Жуковском-педагоге: Учить добродетели, или как поэт В.А.Жуковский был наставником наследника престола будущего императора Александра II. М., 1996.

¹⁰⁰ Благородному российскому юношеству // Детское чтение для сердца и ума. Изд. 2. Владимир, 1802. № 1. С. 3.

¹⁰¹ Истрин В.М. Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев / Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 73.

Представим еще одно воспоминание детства об этом издании прославленного врача и педагога Н.И.Пирогова, написанное в 1881 году: «Но всего более занимало меня “Детское чтение” Карамзина в 10 или 11 частях; славная книга, – чего в ней не было! И диалоги, и драмы, и сказки, – прелесть! Потому прелесть, что это чтение меня, 7-8-летнего ребенка, прельстило знакомством с Альфонсом и Далиндою или чудесами природы, с почтенною г-жою Добролюбовою, со стариком Яковом и его черным петухом, обнаружившим воришку и лгунишку Подшивалова; да так прельстило, что 60 с лишком лет эти фиктивные личности не изгладились из памяти. Я не помню подробностей рассказов, но что-то общее, чрезвычайно приятное и занимательное, осталось от них до сих пор в моем воспоминании. Несколько лет позже я прочел “Донкихота” в сокращенном переводе с французского; помню еще, что и отец читывал его нам; читал потом и неизбежного “Робинзона”, и волшебные сказки; но эффект чтения всех этих книг не может сравниться с тем, который произвело на меня “Детское чтение”, и подарок его нам отцом в новый год я считаю самым лучшим в моей жизни»¹⁰².

Среди учеников Шварца необходимо вспомнить писателя и переводчика Александра Андреевича Петрова (1763-1793). Он принадлежал к Дружескому обществу, в 1782 году закончил Московский университет, «знаком был с древними и новыми языками, при глубоком знании отечественного слова одарен был глубоким умом и необыкновенною способностью к здоровой критике». Он оказал большое влияние на молодого Карамзина, с которым его связывала идеальная, страстная дружба и который впоследствии вспоминал: «[Петров] имел вкус моего свежее и чище. Поправлял мои маранья, показывал красоты авторов и научил чувствовать силу и нежность выражений». Некоторое время Петров и Карамзин жили вместе в доме у Меньшиковой башни, принадлежавшем Дружескому обществу, где их комнату украшали распятие и гипсовый бюст Шварца. Карамзин называл своего друга «мудрым юношей, которого разум украшался лучшими знаниями человечества, которого сердце образовано было рукою муз и граций»¹⁰³. По своему воз-

---

¹⁰² Пирогов Н.И. Собрание сочинений. В 8 т. М., 1962. Т. 8. С. 136.

¹⁰³ Кочеткова Н.Д. Петров А.А. / Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 2 (К – П). СПб., 1999. С. 424.

действию на окружающих его литераторов Петров сыграл значительную роль в формировании у них эстетических принципов русского сентиментализма. С 1791 года он стал личным секретарем у Г.Р.Державина и близким к нему человеком.

Вообще из сотрудников журналов «Утренний свет», «Московское издание», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», «Детское чтение для ума и сердца» впоследствии вышла московская школа писателей и переводчиков, образовав собою почву, давшую подъем литературного творчества конца XVIII – начала XIX века.

В 1796 году, после восшествия на престол Павла I, возобновилась деятельность старшего поколения участников Дружеского общества, непосредственных сподвижников И.Г.Шварца. Этот кружок группировался вокруг И.П.Тургенева, ставшего директором Московского университета. Необходимо отметить благотворное воздействие этой высокогуманной личности на окружающих, отеческие заботы которого об учащейся молодежи привлекали к нему сердца последней и заставляли любить и почитать его. «Чуждый всяких крайностей и увлечений, – писал исследователь В.М.Истрин, – Иван Петрович являл собой пример христианина, идеал которого – внутренняя жизнь в духе истинного учения Христа. Делать добро людям, постоянно нравственно улучшать себя и безропотно переносить все бедствия и горести – вот что ставил перед собой Тургенев». Его нравственный облик с пиететом к просвещению постоянно присутствовал перед глазами и четырех сыновей, и студентов. Недаром они называли его – Другом Человечества. В.А.Жуковский вспоминал, что его любовь к детям «была товариществом зрелого опытного мужа с юношами, привязанными к нему свободною доверенностью, сходством мыслей и чувств и самую нежную благодарностью... Он был живой юноша в кругу молодых людей, из которых каждый готов был сказать ему все, что имел в сердце, будучи привлечен его прямодушием, отеческим участием, веселостью и простотой»¹⁰⁴. Младшие Тургеневы и друзья их пропитывались особой духовной и интеллектуальной атмосферой кружка Ивана Петровича, к которому принадлежали М.М.Херасков, И.В.Лопухин, И.И.Дмитри-

---

¹⁰⁴ Истрин В.М. Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев / Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 24-25.

ев, М.И.Невзоров, Н.М.Карамзин¹⁰⁵. Здесь поддерживались литературные интересы молодых людей, формировалось их мировоззрение, складывались характеры. И не кажется странным, что в 1801 году молодые поэты и переводчики Андрей Тургенев, Жуковский и Мерзляков создали Дружеское литературное общество, целью которого было «возжжение в сердцах любви к добродетели и истине». «Нас соединяет, – говорилось в законах Общества, – то, что до сих пор составляло радость и счастье нашей молодости: это дух благого дружества, сердечная привязанность к своему брату, нежное доброжелательство к пользам другого. Дружество – это божество, подлетающее с небесною улыбкою на глазах, с животворною фиалою в руках, единым взором озаряющее сию мрачною юдоль скорби и печали, бедства и отчаяния. Будем иметь доверенность к другу. Сладостные узы связали нас издавна. Не станем надеяться на эти законы. Один энтузиазм к доброму, одна истинная любовь к своим сочленам – вот все, что может вдохнуть душу в наши законы и заставить говорить не в журналах, а в нашей совести»¹⁰⁶. В Обществе усердно занимались самообразованием, изучали иностранную и русскую литературу, сочиняли стихи и прозу.

Создание Дружеского ученого общества в 1782 году положило начало традиции – основанию целого ряда таких сообществ и кружков, где соединялись идеалы братства и высокой нравственности с любовью к науке и просвещению. Это и Общество университетских питомцев, и Собрание воспитанников Благородного пансиона, и Дружеское литературное общество, и последующие: московский кружок П.А.Вяземского, известнейший «Арзамас», союз «архивных юношей», – вплоть до подобных обществ в тече-

---

¹⁰⁵ Именно И.П.Тургенев увез молодого Карамзина в 1783 году из Симбирска, где тот жил пустой светской жизнью, и ввел его в Москве в Дружеское общество и круг вольных каменщиков. Масонским наставником Карамзина был С.И.Гамалея, большую роль в его жизни сыграл видный деятель Общества Алексей Михайлович Кутузов, здесь же он познакомился и с А.А.Петровым. Четыре года, проведенные среди сподвижников Шварца, заполненные упорной работой по самосовершенствованию и самообразованию, позволили ему «в просвещении стать с веком наравне», и сыграли в его становлении как личности определяющую роль.

¹⁰⁶ Истрин В.М. Из архива братьев Тургеневых. Смерть Андрея Ивановича Тургенева // Журнал Министерства народного просвещения. 1910, № 3. С. 32.

ние всего XIX века (самые различные сообщества западников и славянофилов, «братство» В.И.Вернадского и другие) и в начале XX (содружество «аргонавтов», созданное А.Белым и т.п.).

И мы можем сказать, что с последней четверти XVIII века в России начало формироваться особое мировоззренческое пространство, которое напитывало и взращивало людей высокой культуры. И центром такого всеохватывающего действия и для Москвы, и для всей страны еще многие десятилетия оставался Московский университет. Ведь к началу нового столетия и А.А.Прокопович-Антонский, и питомцы Благородного пансиона, и И.П.Тургенев, и его друзья, и молодой тургеневский кружок творили в одном живительном месте – университете. И так получалось, что весь мир молодого человека и семейный, и дружеский, и учебный составлял внутреннее и внешнее единство. Пример тому – Александр Иванович Тургенев, который уже испытал благотворное воздействие и Благородного пансиона, и окружения отца, и друзей из Дружеского литературного общества, а затем и сам сыгравший огромную роль в российской общественной жизни, и, в частности, в судьбе А.С.Пушкина. Так, от личности к личности, от одного культурного поколения к другому¹⁰⁷ накапливалась, устанавливалась и распространялась атмосфера высокого творчества, охватывая все новые пространства, проникая в души и сердца все большего количества людей, созидавая все новые великие памятники мысли и красоты, постепенно превращая Россию в единое поле культуры. И в этом созидательном процессе весьма важная роль принадлежит Ивану Григорьевичу Шварцу.

А.Д.Тюриков

---

¹⁰⁷ Схематически обозначим эти «поколения»: И.Г.Шварц, М.М.Херасков, Н.И.Новиков, И.П.Тургенев, И.В.Лопухин А.А.Прокопович-Антонский, А.А.Петров, Н.М.Карамзин В.А.Жуковский, братья Тургеневы «Арзамас», А.С.Пушкин В.Ф.Одоевский, «архивные юноши».

Список сокращений

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации,
Москва.
- НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей
Российской государственной библиотеки, Москва.
- РО РНБ – Рукописный отдел Российской национальной
библиотеки, Санкт-Петербург.

СОДЕРЖАНИЕ

О трех познаниях: любопытном, приятном и полезном	3
Публичные лекции	55
Лекции в университете	97
Рассуждения в собраниях Дружеского ученого общества	100
<i>А. Д. Тюриков.</i> Подвижник русской культуры	112

Научное издание

Наукове видання

ШВАРЦ Иван Григорьевич

ШВАРЦ Іван Григор'євич

ЛЕКЦИИ

(на русском языке)

ЛЕКЦІЇ

(російською мовою)

Компьютерная верстка

А. Б. Лихоманов

Комп'ютерна верстка

А. Б. Лихоманов

Электронный адрес для отзывов:

istoki1776@mail.ru

Електронна адреса для відгуків:

istoki1776@mail.ru

Подписано в печать 14.08.2008

Формат 29,7x42/4

Условн. печ. л. 9,93

Уч.-изд. л. 10,3

Тир. 100. Зак. 5-193

Підписано до друку 14.08.2008

Формат 29,7x42/4

Умовн. друк. арк. 9,93

Обл.-видавн. арк. 10,3

Тир. 100. Зам. 5-193

Издательство «Вебер»

А/я 10, г. Севастополь, 99057

E-mail: 10.99057@gmail.com

Свидетельство ДК № 193 от 20.09.2000

Видавництво «Вебер»

А/с 10, м. Севастополь, 99057

E-mail: 10.99057@gmail.com

Свідоцтво ДК № 193 від 20.09.2000

Отпечатано в типографии

ООО «Цифровая типография»

ул. Челоскинцев. 291а,

г. Донецк, 83121

Тел.: (062) 388-07-31, 388-07-30

Надруковано в типографії

ТОВ «Цифрова типографія»

вул. Челоскінців, 291а,

м. Донецьк, 83121

Тел.: (062) 388-07-31, 388-07-30